Армавирский государственный педагогический университет
Кафедра всеобщей и отечественной истории

Армавирский краеведческий музей

ΛΕΠΤΟΝ

Сборник научных статей
в честь археолога

АЛЕКСЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ПЬЯНКОВА

Редактор-составитель С.Н. Малахов

Армавир – Краснодар
2018

ББК 63.4 (2Рос-4Кра)
УДК 902.2

Научное издание

Рецензент:
доктор исторических наук В.А. Кузнецов

Редакционная коллегия:
С.Н. Малахов (редактор-составитель), М.Э. Мамиев, Ю.А. Прокопенко

ΛΕΠΤΟΝ: Сборник статей в честь археолога Алексея Васильевича Пьянкова [Текст] / Ред.-сост. С.Н. Малахов. – Армавир – Краснодар: Издатель В.Е. Шурыгин, 2018. – 135 с., ил.

В юбилейном сборнике содержатся материалы к биографии и библиографии известного археолога А.В. Пьянкова – специалиста в области древней и средневековой археологии Северо-Западного Кавказа. Алексей Васильевич Пьянков (1957 г.р.) открыл и исследовал десятки археологических памятников на территории Краснодарского края, многие годы был научным сотрудником в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике им. Е.Д. Фелицына, им опубликовано более двухсот научных работ по различным аспектам археологии Северного Кавказа.

В статьях археологов и историков из Москвы, Краснодара, Новороссийска, Анапы, Армавира, Владикавказа, Симферополя, Ставрополя, Сухума, посвященных юбиляру, затрагиваются актуальные проблемы археологии Центрального и Северо-Западного Кавказа с древнейших времен до позднего средневековья, истории изучения археологического наследия Юга России.

Сборник адресован археологам, историкам, музейным работникам, преподавателям и студентам исторических факультетов университетов, а также всем, кто интересуется археологией Северного Кавказа.

На первой стороне обложки:
Номисма стамена Никифора III Вотаниата (конфискат 2011 г.).

На концевой стороне обложки:
Номисма стамена Никифора III Вотаниата с Нижнего Дона (рисунок из статьи И. Парусимова).

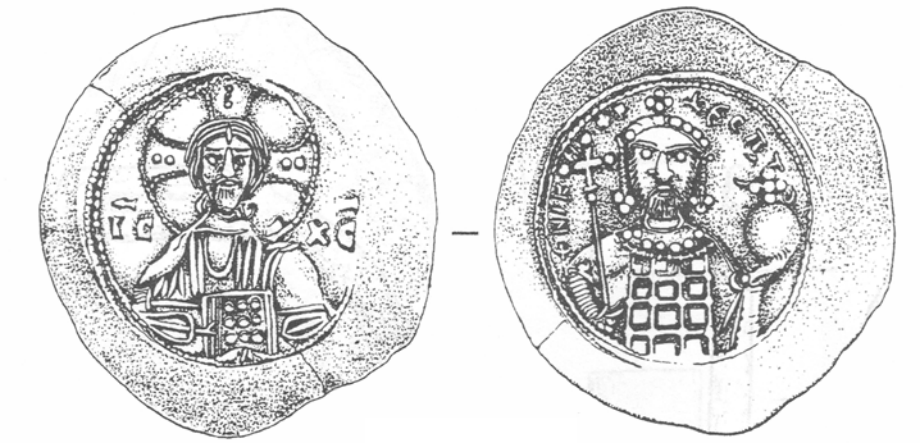
Издание осуществлено при финансовой поддержке
Андрея Анатольевича Кудрявцева

ISBN 978-5-91153-120-1

© Авторы статей, 2018.
© Составление. С.Н. Малахов, 2018.
© Оформление. Издатель Шурыгин В.Е., 2018.

ΛΕΠΤΟΝ

Сборник научных статей
в честь археолога
АЛЕКСЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ПЬЯНКОВА
в связи с его шестидесятилетием



(Номисма стамена Никифора III Вотаниата с Нижнего Дона.
Рисунок из статьи И. Парусимова)

Алексей Васильевич Пьянков.
Археологическая экспедиция (Тува, 2007 г.)

СТАТЬИ

Е.А. Волкова

АРХЕОЛОГ АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПЬЯНКОВ: МАТЕРИАЛЫ К БИОБИБЛИОГРАФИИ

Аннотация. В статье содержатся материалы к биографии и библиографии археолога А.В. Пьянкова, который является крупным специалистом в области древней и средневековой археологии Северо-Западного Кавказа. Алексей Васильевич Пьянков открыл и исследовал десятки археологических памятников на территории Краснодарского края, многие годы был научным сотрудником в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике им. Е.Д. Фелицына, его перу принадлежит более двухсот научных работ по различным аспектам археологии Северного Кавказа.

Ключевые слова: археолог А.В. Пьянков, археологическая экспедиция, археология Северо-Западного Кавказа, средневековые погребения, археологические памятники, аланы, хазары, касоги, Краснодарский музей, римская и византийская нумизматика.

E.A. Volkova

ARCHAEOLOGIST ALEKSEJ VASILEVICH PYANKOV: MATERIALS FOR BIOBIBLIOGRAPHY

Abstract. The article contains materials on the biography and bibliography of archaeologist A.V. Pyankov, who is a major specialist in the field of ancient and medieval archeology of the North-Western Caucasus. Alexey V. Pyankov discovered and explored a lot of archaeological sites of the Krasnodar Region. For many years he had been a researcher in the Krasnodar Felitsyn State Historical and Archaeological Museum-Reserve. He published more than two hundred scientific works on various aspects of the archeology of the North Caucasus.

Key words: archeologist A.V. Pyankov, archaeological expedition, archeology of the North-Western Caucasus, medieval burials, archaeological sites, Alans, Khazars, Kasogi, Krasnodar Museum, Roman and Byzantine numismatics.

Алексей Васильевич Пьянков родился в семье врача и учительницы 11 августа 1957 г. в Новосибирске. Свои ранние детские годы Алексей провёл в Узбекистане. Когда ему было семь лет, семья переехала на Кубань. Алексей окончил среднюю школу в станице Северской в 1974 г. Школьное увлечение историей переросло в устойчивый интерес к археологии, под влиянием которого юноша избрал обучение на историческом факультете Кубанского государственного университета. В 1976–1981 гг., в период обучения на историческом факультете КубГУ, Алексей Пьянков был постоянным участником различных археологических экспедиций. Дипломную работу защитил по теме «Аланы на Северо-Западном Кавказе в I–VI вв. н.э.». По окончании университета руководил археологическим кружком в Краснодарском краевом Дворце пионеров и школьников. Более двадцати лет Алексей Васильевич (с 1985 по 2005 гг.) работал в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике им. Е.Д. Фелицына (далее – КГИАМЗ). В этот период он сформировался как археолог-профессионал с широким кругом интересов, к чему

обязывала работа в музее: вначале он исполнял обязанности лаборанта, позднее занимал должности старшего научного сотрудника отдела археологии и отдела археологических фондов. С 1993 г. А.В. Пьянков – хранитель археологических фондов КГИАМЗ.

В 2008 г. Алексей Васильевич окончил аспирантуру по кафедре археологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Тема его кандидатского диссертационного исследования: «Могильники Северо-Западного Кавказа III–VIII вв. как исторический источник». С 2009 г. по настоящее время Алексей Васильевич ведущий специалист ООО «Западно-Кавказская Археологическая Экспедиция». Неоднократно был приглашенным лектором, читал различные курсы и спецкурсы на историческом и других факультетах Кубанского государственного университета.

За время работы в музее А.В. Пьянков в течение 9 сезонов руководил работой археологической экспедиции КГИАМЗ. В 1984 г. раскопал 3 кургана на могильнике Малоубинский-1 в Северском районе с позднесредневековыми захоронениями[1]. В следующем, 1985 году, исследовал 2 кургана могильника Белевцы-2 в Динском районе[2]; в двух курганах было раскопано 23 погребения и 2 объекта эпохи бронзы и раннего железного века.

В 1986 г. в Абинском районе Алексей Васильевич провел раскопки 9 курганов из могильников Черноклён, Бугундырь-IV и кургана Заячий[3]. Курган № 1 могильника Черноклён являлся курганом-кладбищем, содержавшим 106 захоронений, погребение коня и 23 объекта. В средние века насыпь кургана использовалась под грунтовый биритуальный могильник XII – первой половины XIII в. К этому времени относились 97 ингумационных и кремационных погребений, один кенотаф с костяком жеребца и иные объекты.

В 1987 г. А.В. Пьянков вел работы на строительстве Краснодарской атомной электростанции в Мостовском районе. В первый год археологических раскопок было исследовано 5 курганов могильника Центрлаба-2 (исследованы погребения от эпохи бронзы до белореченского времени), 23 кургана могильника Центрлаба-3 (комплексы нового времени) и проведены разведки в Лабинском и Мостовском районах[4].

В 1988 г. Алексей Васильевич провел раскопки 11 курганов в урочище Циплиевский кут в Абинском районе[5]. При этом был выявлен и исследован средневековый грунтовый могильник Циплиевский (XI–XII вв.), который перекрывал небольшой курган железного века с 2 погребениями. На могильнике было исследовано 73 погребения и 11 объектов. Раскопки проводились при участии школьников из краеведческого кружка Абинской гимназии № 47 и учителей Г.Ф. Акимченко и В.П. Пономарева.

В 1990 и 1992 годах А.В. Пьянков руководил Южно-Кубанской археологической экспедицией музея-заповедника по исследованию грунтового

[1] *Пьянков А.В.* Отчет о раскопках курганов Малоубинского курганного могильника № 1 Северского района Краснодарского края в 1984 году. Краснодар, 1985. Архив ИА РАН. Р-1. № 10558.

[2] *Пьянков А.В.* Отчет о раскопках двух курганов у ст. Новотитаровской Динского района Краснодарского края в 1985 г. Краснодар, 1987. Архив ИА РАН. Р-1. № 10950 а, б.

[3] *Пьянков А.В.* Отчет о раскопках девяти курганов у г. Абинска Краснодарского края в 1986 г. Краснодар, 1987. Архив ИА РАН. Р-1. № 11616.

[4] *Пьянков А.В.* Отчет о раскопках курганов могильников Центрлаба-2 и 3 Мостовского района Краснодарского края в 1987 году. Краснодар, 1988. Архив ИА РАН. Р-1. № 12378 а, б.

[5] *Пьянков А.В.* Отчет о раскопках курганов в урочище Циплиевский кут в Абинском районе Краснодарского края в 1988 г. Краснодар, 1988. Архив ИА РАН. Р-1. № 13448–13453.

могильника Бжид-1 в Туапсинском районе. Было вскрыто около 10 тыс. кв. м, исследовано 175 погребений, 3 конских захоронения, 6 объектов, относящихся к двум хронологическим группам: III–VII вв. и XII–XIV вв., а также дольмен[6].

Им же были проведены разведки в 1989 г. в верховьях бассейна реки Убин в Северском районе Краснодарского края, выявившие потерянные дольменные группы и средневековые могильники. В 1991 г. А.В. Пьянков осуществлял научное руководство по разведкам в верховьях р. Афипс в Северском районе. А уже в 1993 г. руководил проведением инвентаризации археологических памятников Абинского, Горячеключевского и Северского районов, позволившей выявить сотни новых памятников.

Область научных интересов Алексея Васильевича Пьянкова в основном сосредоточена на археологии раннего железного века и средневековья Северо-Западного Кавказа, а также римской и византийской нумизматике.

В настоящее время его научная деятельность включает нескольких направлений. Будучи более 20 лет хранителем археологических коллекций КГИАМЗ, А.В. Пьянков посвятил много времени атрибуции и введению в научный оборот десятков артефактов и погребальных комплексов из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына, а также других музеев Кубани и Северного Кавказа. Ряд ранее публиковавшихся комплексов был им заново обработан, датирован и атрибутирован. Некоторые его работы посвящены отдельным категориям древностей, таким, как средневековые каменные изваяния Верхней Кубани, коллекции металлических зеркал, нумизматические находки и др.

Проведя много лет в полевых исследованиях, Алексей Васильевич приобрел уникальный опыт, что позволяет ему глубоко изучать и публиковать на высоком научном уровне результаты археологических раскопок и разведок как собственных, так и своих коллег. Эти работы касаются не только отдельных погребальных комплексов, но и целых некрополей и бытовых памятников.

Заметным направлением в исследованиях А.В. Пьянкова являются работы, посвящённые решению конкретных археологических проблем. Так, особое место в научных изысканиях Алексея Васильевича принадлежит изучению кремационных могильников кубано-черноморской группы хазарского времени, их происхождение, а также место, которое они занимают среди древностей Северо-Западного Кавказа. Исследователь убедительно доказывает степное происхождение этого погребального обряда и аргументировано связывает его носителей с летописными касогами.

Отдельные научные статьи А.В. Пьянкова посвящены обзору археологических исследований, проводившихся в различных районах Краснодарского края в XX в.

Уже много лет А.В. Пьянков неутомимо разыскивает и вводит в научный оборот нумизматические находки, выявленные на территории Северо-Западного Кавказа в последние десятилетия. Его интересуют в первую очередь находки византийских монет. При этом ставится задача восполнить пробелы, возникшие после работ его предшественников, опубликовавших

[6] *Пьянков А.В.* Отчет о раскопках части грунтового могильника Бжид-I в Туапсинском районе Краснодарского края в 1990 г. Краснодар, 1991. Архив ИА РАН. Р-1. № 15133.

в свое время фундаментальные нумизматические своды (Е.А. Пахомов[7], В.В. Кропоткин[8]). Алексей Васильевич выявляет в государственных музейных фондах и частных коллекциях, изучает и публикует ранее неизвестные монетные находки, происходящие с территории Краснодарского края.

При этом исследователь постоянно находится в контакте с коллегами, и многие его работы выполнены в содружестве и в соавторстве с археологами и нумизматами.

Посредством публикации научно-популярных статей и брошюр Алексей Васильевич Пьянков не раз знакомил массового читателя с археологическими исследованиями, проводившимися на Кубани, как в прошлом, так и в настоящее время, а также новыми полевыми и кабинетными открытиями российских ученых.

Много лет А.В. Пьянков активно участвует в составлении и редактировании региональных научных периодических изданий и отдельных сборников по проблемам археологии, музееведения и региональной истории. В их числе следует назвать в первую очередь «Древности Кубани», «Древности Кубани и Черноморья / Studia Pontocaucasica», «Вестник Абинского народного музея», «Музейный вестник Краснодарского музея-заповедника», «Материалы и исследования по археологии Кубани», «Историко-археологический альманах Армавирского краеведческого музея», «Древности Западного Кавказа» и др. Алексей Васильевич постоянный участник региональных, всероссийских и международных археологических конференций и симпозиумов, его доклады и сообщения всегда вызывают живой интерес участников конференций новизной материала и безупречностью научной аргументации.

В настоящее время Алексей Васильевич Пьянков является ведущим научным сотрудником ООО «Западно-Кавказская Археологическая Экспедиция», полон сил и новых творческих планов, можно сказать, находится на пике своей исследовательской деятельности, успешно осуществляет работу над несколькими археологическими и нумизматическими научными и научно-популярными проектами.

Коллеги, авторы статей этого небольшого сборника, ценящие интеллигентность, профессиональную эрудицию, научную принципиальность и жизненный опыт Алексея Васильевича, ученики, прошедшие археологическую школу А.В. Пьянкова, друзья, знающие его открытость, твердые нравственные принципы и душевную щедрость, желают юбиляру доброго здоровья, новых открытий и непременного осуществления всех творческих замыслов.

Список опубликованных научных работ А.В. Пьянкова

1984

1. Раскопки курганов эпохи бронзы близ ст. Отрадной на Урупе // Итоги полевых исследований археологических памятников Краснодарского края в 1982–1983 гг. и задачи на 1984–1985 гг.: Тезисы докладов семинара / Ред. И.С. Каменецкий, И.И. Марченко. Краснодар, 1984. С. 10–12 (в соавторстве с И.В. Каминской).

2. Раскопки курганов в ст. Михайловской на р. Чамлык // Там же. С. 12–13 (в соавторстве с В.Н. Каминским).

[7] *Пахомов Е.А.* Монетные клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Вып. I–IX. Баку, 1926–1966.

[8] *Кропоткин В.В.*, 1962. Клады византийских монет на территории СССР. САИ. Вып. Е 4–4. М., 1962.

1985

3. Сарматское погребение у станицы Михайловской (Закубанье) // СА. 1985. № 4. С. 228–234 (в соавторстве с И.В. Каминской и В.Н. Каминским).

1986

4. Новый средневековый могильник у аула Казазово // Тезисы докладов конференции XIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. В.А. Кузнецов. Орджоникидзе, 1986. С. 58–59.

5. Новое керамическое украшение с позолотой из Краснодарского края // Древности Кубани (материалы семинара) / Отв. за вып. И.И. Марченко, Е.А. Хачатурова. Краснодар, 1986. С. 19–21.

1987

6. К атрибуции поясной подвески из раннесредневекового могильника Казазово-2 // Древности Кубани (материалы семинара) / Отв. за вып. А.Ф. Ачкасова, Е.А. Хачатурова. Краснодар, 1987. С. 58–60.

1988

7. Средневековый могильник Черноклён из Краснодарского края // конференция XV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (19–22 апреля 1988 г.): тезисы доклада / Отв. ред. В.А. Кузнецов. Махачкала, 1988. С. 63–64.

8. Работа археологического кружка Краснодарского музея-заповедника в 1987 году // Организация археологических экспедиций с участием школьников: тезисы докладов семинара. Донецк, 1988. С. 33–34.

1989

9. Проблемы средневековой археологии западных адыгов // I Кубанская археологическая конференция: тезисы докладов / Отв. ред. А.М. Ждановский. Краснодар, 1989. С. 111–113.

10. Протомеотские погребения в курганах эпохи бронзы Закубанья // Меоты – предки адыгов / Отв. ред. Н.В. Анфимов. Майкоп, 1989. С. 7–26 (в соавторстве с Н.В. Анфимовым).

1990

11. Новый средневековый могильник у аула Казазово // Древние памятники Кубани / Ред. А.М. Ждановский, И.И. Марченко. Краснодар, 1990. С. 158–165. Рис. 46–51.

1991

12. Городище «Колокольня» на р. Ходзь в Краснодарском крае // Древности Кубани: материалы научно-практической конференции / Отв. за вып. А.Ф. Ачкасова, Е.А. Хачатурова. Краснодар, 1991. С. 82–83.

1992

13. Раскопки средневекового могильника Бжид-I // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 гг. / Редакторы И.И. Марченко, Н.Ю. Лимберис, А.Ф. Иванов. Ейск, 1992. С. 63–66. Рис. I–II (в соавторстве с А.А. Сторчевым).

1993

14. Средневековый могильник Абинский-4 // Древности Кубани и Черноморья (Studia Pontocaucasica, I) / Отв. ред. Б.А. Раев. Краснодар, 1993. С. 123–138. Рис. 214–224.

15. Археологические материалы предскифского и раннескифского времени из Западного Закубанья // Там же. С. 21–38. Рис. I–XX (в соавторстве с Д.Э. Василиненко и А.В. Кондрашёвым).

1994

16. Некоторые аспекты международных отношений на Северо-Западном Кавказе в первой половине X в.: письменные источники и археологические данные // Российское византино-

ведение. Итоги и перспективы: Межд. конф., посв. 100-летию «Византийского временника» и 100-летию Русского археологического института в Константинополе: тезисы докладов / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1994. С. 119–120.

17. Раскопки могильника Бжид-I в Краснодарском крае // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: тезисы докладов / Отв. ред. И.М. Чеченов. Кисловодск, 1994. С. 49–50.

18. Позднекочевническое погребение из Восточного Закубанья // Прочноокопский историко-культурный многоугольник: тезисы докладов коференции / Под ред. В.Б. Виноградова. Армавир, 1994. С. 45–47 (в соавторстве с Ю.В. Зеленским).

1995

19. Погребение половчанки из степного Прикубанья // Историко-архе-ологический альманах / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир – Москва, 1995. Вып. 1. С. 134–156, 93–99 (в соавторстве с Е.А. Хачатуровой).

20. О церкви св. Георгия, построенной армянским зодчим в XII в. на реке Белой // Армяне Северного Кавказа (Studia Pontocaucasica, II). Краснодар. 1995. С. 99–107.

1996

21. Амулеты «египетского фаянса» из могильника Мостового у станицы Отрадной // Историко-археологический альманах / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир – Москва, 1996. Вып. 2. С. 93–99.

22. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // Проблемы археологии и истории Боспора (170 лет Керченскому музею Древностей): тезисы докладов конференции. Керчь, 1996. С. 61–64 (в соавторстве с В.А. Тарабановым).

23. К истории археологического изучения Абинского района (дореволюционный период) // Вестник Абинского народного музея / Под ред. А.В. Пьянкова, И.В. Галкиной. Абинск, 1996. Вып. 1. С. 7–14.

1997

24. Раннесредневековая пряжка V века н.э. из г. Краснодара // Историко-археологический альманах / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир – Москва, 1997. Вып. 3. С. 57–60.

25. Могильник протомеотского времени Казазово-3 и другие находки из чаши Краснодарского водохранилища // Памятники предскифского времени на юге Восточной Европы / Отв. ред. Р.М. Мунчаев, В.С. Ольховский. Москва, 1997. Сер.: Материалы и исследования по археологии России. Вып. 1. С. 62–70 (в соавторстве с В.А. Тарабановым).

26. Раскопки двух курганов у ст. Новотитаровской в 1985 г. // Историческое регионоведение – вузу и школе: Материалы 5-й региональной научно-практической конференции / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Славянск-на-Кубани, 1997. С. 98–100.

27. Два кобанских предмета из Абинского народного музея // Древности Кубани: Материалы семинара, посвященного 85-летию Никиты Владимировича Анфимова / Составители: А.В. Пьянков, Ю.В. Зеленский, А.П. Винидиктов. Краснодар, 1997. Вып. 4. С. 7–10 (в соавторстве с В.П. Пономаревым).

28. Зеркала скифского времени с зооморфными украшениями из старых поступлений Краснодарского музея-заповедника // Древности Кубани: Сборник памяти В.Н. Каминского / Составители: А.В. Пьянков, Ю.В. Зеленский, А.П. Винидиктов. Краснодар, 1997. Вып. 5. С. 7–18 (в соавторстве с Е.А. Хачатуровой).

29. Средневековая археологическая культура адыгов // Энциклопедический словарь по истории Кубани:

С древнейших времен до октября 1917 года / Автор идеи, словника, составитель, науч. ред., рук. авт. коллектива Б.А. Трёхбратов. Краснодар, 1997. С. 437– 439.

1998

30. Керамические украшения с позолотой с северного берега Краснодарского водохранилища // Древности Кубани / Составители: А.В. Пьянков, Ю.В. Зеленский, А.П. Винидиктов. Краснодар, 1998. Вып. 6. С. 3–12.

31. Бронзовый топор из окрестностей ст. Шапсугской // Древности Кубани / Составители: А.В. Пьянков, Ю.В. Зеленский, А.П. Винидиктов, Б.Е. Фролов. Краснодар, 1998. Вып. 7. С. 15–18 (в соавторстве с В.П. Пономаревым).

32. Новые материалы из могильника Бжид-1 и проблема появления ранних кремаций на Кубани и Черноморье // XX Юбилейные международные «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа / Отв. за вып. З.В. Доде, А.В. Лычагин. Ставрополь, 1998. С. 103–105.

33. Раскопки могильника Бжид-1 на Черноморском побережье Краснодарского края: предварительные итоги // Древности Кубани / Составители: А.В. Пьянков, Ю.В. Зеленский, А.П. Винидиктов, Б.Е. Фролов. Краснодар, 1998. Вып. 8. С. 48–54.

34. Урновые трупосожжения из могильника Бжид-1 // Древности Кубани / Составители: А.В. Пьянков, Ю.В. Зеленский, А.П. Винидиктов, Б.Е. Фролов. Краснодар, 1998. Вып. 9. С. 16–23.

35. Раннесредневековые находки из разрушенного могильника у хутора Хабль Абинского района Краснодарского края // Древности Кубани / Составители: А.В. Пьянков, Ю.В. Зеленский, А.П. Винидиктов, Б.Е. Фролов. Краснодар, 1998. Вып. 10. С. 20–28.

36. Поясная подвеска со сценой охоты из могильника Казазово-2 в Адыгее // Археология и этнография Северного Кавказа / Отв. ред. Н.И. Кирей. Краснодар, 1998. С. 78–91.

37. Современное состояние археологических памятников в горной полосе Краснодарского края (на примере Абинского района) // Материалы Северо-Кавказской региональной научно-практ. конференции 19–22 октября 1998 г. «Состояние и проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия» (К 150-летию со дня рождения Е.Д. Фелицына) / Науч. ред. В.Е. Щетнёв. Краснодар, 1998. С. 30–32 (в соавторстве с Г.Ф. Акимченковым).

38. О времени прекращения кремирования умерших у средневековых адыгов // Древности Кубани / Составители: А.В. Пьянков, Ю.В. Зеленский, А.П. Винидиктов, Б.Е. Фролов. Краснодар, 1998. Вып. 11. С. 22–27.

39. Комплекс раннесредневековых предметов VIII–IX вв. из фондов Краснодарского музея-заповедника // Древности Кубани / Составители: А.В. Пьянков, Ю.В. Зеленский, А.П. Винидиктов, Б.Е. Фролов. Краснодар, 1998. Вып. 12. С. 4–10.

40. К истории археологического изучения Абинского района (советский и постсоветский периоды) // Вестник Абинского народного музея / Под ред. А.В. Пьянкова, И.В. Галкиной, В.П. Пономарёва. Абинск, 1998. Вып. 2. С. 11–28.

41. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // Древности Кубани / Составители: А.В. Пьянков, Ю.В. Зеленский, А.П. Винидиктов, Б.Е. Фролов. Краснодар, 1998. Вып. 13. С. 18–32 (в соавторстве с В.А. Тарабановым).

42. Комплекс деталей конской узды предскифского времени из фондов

Краснодарского музея-заповедника // Историко-археологический альманах / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир – Москва, 1998. Вып. 4. С. 4–11 (в соавторстве с Е.А. Хачатуровой).

1999

43. Еще раз об аланском изваянии из Краснодарского музея-заповедника // Древности Кубани / Составители: А.В. Пьянков, Ю.В. Зеленский, А.П. Винидиктов, Б.Е. Фролов. Краснодар, 1999. Вып. 14. С. 31–38.

44. Краткие сведения о разрушенном в 1988 г. могильнике на западной окраине х. Хабль (Западное Закубанье) // Древности Кубани / Составители: А.В. Пьянков, Ю.В. Зеленский, А.П. Винидиктов, Б.Е. Фролов. Краснодар, 1999. Вып. 15. С. 3–10.

45. Печать Антония, архиепископа Зихского (предварительное сообщение) // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе. Мат-лы шестой научно-практической конф. Часть II / Отв. ред-ры Б.В. Виноградов, Н.А. Серогодский. Славянск-на-Кубани, 1999. С. 9–11.

46. Кинжалы с вырезами у рукояти из могильника Бжид-1 (хронологический и технологический аспекты изучения) // Донская археология / Отв. ред. В.Е. Максименко. 1999. № 3–4. С. 115–121 (в соавторстве с А.Н. Порох).

2000

47. Некоторые проблемы изучения верхнекубанских изваяний средневекового времени // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа / Отв. за вып. И.В. Кожевников. Кисловодск, 2000. С. 116–118.

48. Реконструкция бронзового котла из могильника Циплиевский Кут-1 (Западное Закубанье) // Античная цивилизация и варварский мир: материалы 7-го археологического семинара (Краснодар, 8–11 июня 1999 г.) / Отв. ред. Б.А. Раев. Краснодар, 2000. С. 10–12 (в соавторстве с М.И. Смаглюком).

49. Биритуальный средневековый могильник Циплиевский из Западного Закубанья: предварительное сообщение // Вестник Абинского народного музея / Под ред. А.В. Пьянкова, И.В. Галкиной, В.П. Пономарёва. Абинск, 2000. Вып. 3. С. 12–25. Рис. 1–5.

50. Моливдовул архиепископа Зихии Антония // Историко-археологический альманах / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир – Москва, 2000. Вып. 6. С. 46–49 (в соавторстве с С.Н. Малаховым).

51. Бронзовый всадник из станицы Атаманской Краснодарского края // Донская археология / Отв. ред. В.Е. Максименко. 2000. № 3–4. С. 128–132.

2001

52. *Касоги / касахи / кашаки* письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа (Ставрополь, 12–15 апреля 2001 г.): Тезисы докладов / Отв. ред. В.А. Шаповалов. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. С. 117–120.

53. Погребения с монетами из могильника Бжид-1 в Черноморье // Из истории народов Северного Кавказа / Отв. ред. А.А. Кудрявцев. Вып. 4. Ставрополь, 2001. С. 30–39.

54. Раннесредневековый могильник у п. Ленинский Путь // Третья Кубанская археологическая конференция: Тезисы докладов международной археологической конференции / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар – Анапа, 2001. С. 143–147.

55. Новый комплекс предскифского времени из Западного Закубанья // Там же. С. 203–297 (в соавторстве с С.Б. Вальчаком, Е.А. Хачатуровой и В.Р. Эрлихом).

56. *Касоги / касахи / кашаки* письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар. Вып. 1. 2001. С. 198–213.

57. Клад византийских бронзовых монет VI века, найденный на Тамани в 1995 году // Музейный вестник / Отв. за вып. Н.А. Осипенко. Краснодар, 2001. С. 38–53.

2002

58. К вопросу об абазинском происхождении кремационных погребений III–XIII вв. из Кубано-Черноморского региона // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Материалы X международной научной конференции (29 мая – 3 июня 2001 г.) / Отв. ред. В.П. Копылов. Ростов-на-Дону, 2002. С. 127–130.

59. О некоторых чертах погребального обряда могильника Бжид-1 // XXII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: тезисы докладов / Под ред. А.Б. Белинского, С.Н. Савенко. Ессентуки – Кисловодск, 2002. С. 111–112.

60. Бронзовое навершие булавы из фондов Краснодарского музея-заповедника // Историко-археологический альманах / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир – Москва, 2002. Вып. 8. С. 4–7 (в соавторстве с Е.А. Хачатуровой).

61. Несколько археологических находок из окрестностей г. Абинска // Там же. С. 17–19 (в соавторстве с В.П. Пономарёвым).

62. Двупластинчатые фибулы из новых поступлений Краснодарского музея // Древности Боспора / Ред-ры: А.А. Масленников, А.А. Завойкин. М., 2002. Вып. 5. С. 86–94 (в соавторстве с И.О. Гавритухиным).

63. Код для описания погребальных памятников // Древности Кубани / Составители: А.В. Пьянков, Ю.В. Зеленский, А.П. Винидиктов, Б.Е. Фролов. Краснодар, 2002. Вып. 18. С. 4–21 (в соавторстве с А.П. Винидиктовым, Н.Е. Берлизовым и Ю.В. Зеленским).

64. О верхней хронологической границе Тузлинского некрополя // Материалы и исследования по археологии Кубани / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар, 2002. Вып. 2. С. 97 –104 (в соавторстве с А.В. Кондрашёвым).

65. Погребение с пальчатой фибулой из могильника Бжид-1 // Там же. С. 105–115.

66. Курган 37 могильника Лобанова Щель (материалы раскопок 1989 г.) // Там же. С. 168–213 (в соавторстве с И.И. Марченко).

67. Новые материалы предскифского времени из могильника Казазово-3 // Античная цивилизация и варварский мир: Материалы 8-го археологического семинара (Краснодар, 13–15 июня 2001 г.) / Отв. ред. Б.А. Раев. Краснодар, 2002. С. 15–20 (в соавторстве с С.Б. Вальчаком, Е.А. Хачатуровой и В.Р. Эрлихом).

68. Материалы предскифского и скифского времени из Краснодарского музея-заповедника: формирование коллекций в дореволюционный период и проблема восстановления паспортных данных // Развитие социально-культурной сферы Северокавказского региона. Краснодар, 2002. С. 146–151 (в соавторстве с С.Б. Вальчаком, Е.А. Хачатуровой и В.Р. Эрлихом).

69. Каменное антропоморфное изваяние из Лабинского музея // Донская археология. 2002. № 1–2. С. 59–62 (в соавторстве с И.В. Цокур).

70. Серебряная двупластинчатая фибула с антропоморфной накладкой из могильника Бжид-1 (Туапсинский район Краснодарского края) // Там же. С. 73–83.

71. О серебряном ковше Дмитрия Круждовича из фондов Краснодарского музея-заповедника // Донская археология. 2002. № 3–4. С. 113–121 (в соавторстве с Е.А. Хачатуровой).

72. О новой находке монеты тмутараканского князя Олега-Михаила // Там же. С. 129–130 (в соавторстве с С.Л. Завьяловым).

2003

73. Верхнекубанские находки финала эпохи бронзы – начала раннежелезного века из фондов Краснодарского музея-заповедника // Магистериум / Отв. ред. Н.Е. Берлизов. Краснодар, 2003. Вып. 1. С. 11–17 (в соавторстве Е.А. Хачатуровой).

74. Северо-Восточное Причерноморье. Глава 8. Раннесредневековые древности побережья // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред-ры: Т.И. Макарова, С.А. Плетнёва. М., 2003. С. 186–200. Табл. 73, 74, 76, 77 (в соавторстве с И.О. Гавритухиным).

75. Материалы предскифского и скифского времени из фондов Краснодарского музея-заповедника (некоторые неопубликованные находки последних десятилетий) // Материалы и исследования по археологии Кубани / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар, 2003. Вып. 3. С. 59–66 (в соавторстве Е.А. Хачатуровой).

76. Клад византийских монет комниновского времени, найденный на Тамани в 1995 г. // Там же. С. 215–222.

77. Заметки по топонимике Западного Закубанья // Интеграция науки и высшего образования в социально-культурной сфере: Сборник научных трудов по материалам научно-практической конференции (Краснодар – Анапа, 11–14 сентября 2003 г.). Краснодар, 2003. С. 166–177.

78. История исследования и изучения протомеотского могильника у хутора Кубанского и его материалов // Древности Кубани. Декабрь. Вып. 21 / Составители: А.В. Пьянков, Ю.В. Зеленский, А.П. Винидиктов, Н.Е. Берлизов. Краснодар, 2003. С. 7–11 (в соавторстве Е.А. Хачатуровой).

79. Краснодарский музей-заповедник в судьбе М.К. Тешева: штрихи к биографии исследователя Кубани и Черноморья // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе: Материалы 8-й всероссийской научно-практической конференции. Часть II / Под ред. Н.А. Серогодского, Б.В. Виноградова. Славянск-на-Кубани, 2003. С. 139–143.

80. Статистический анализ погребальных памятников Северо-Западного Кавказа сарматского времени – эпохи средневековья. Часть I. Памятники сарматского времени. Краснодар, 2003. 182 с. (в соавторстве с Н.Е. Берлизовым, А.П. Винидиктовым и Ю.В. Зеленским).

2004

81. Воинский комплекс 25 из Молдовановского могильника (раскопки 1989 г.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир, 2004. Вып. 3. С. 275–292 (в соавторстве с В.А. Тарабановым).

82. Бронзовый кинжальный клинок из новых поступлений в Краснодарский музей-заповедник // Там же. С. 309–310.

83. Народ *касоги* и страна Каса (к этнополитической ситуации на Северо-Западном Кавказе в VIII–X вв.) // Древний Кавказ: ретроспекция культур: Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова (XXIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа): тезисы докладов / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. М., 2004. С. 158–160.

84. Два средневековых клада из окрестностей х. Городского в Адыгее // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 19–24 апреля 2004 г.): тезисы докладов и

сообщений / Отв. ред. Л.С. Мельникова. М., 2004. С. 45–46.

85. О находках древнерусских монет на территории Таманского полуострова // Там же. С. 132–133 (в соавторстве с С.Л. Завьяловым).

86. Комплекс предметов из разрушенного погребения могильника Казазово-2 (Адыгея) // Магистериум / Отв. ред. Н.Е. Берлизов. Краснодар, 2004. Вып. 2. С. 47–54.

87. Металлические зеркала из коллекции Донского музея (Новочеркасск) // Мат-лы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 2 / Отв. ред. И.В. Сергацков. Волгоград, 2004. С. 219–250 (в соавторстве с Б.А. Раевым).

88. Два воинских погребения белореченского времени из Мостовского района Краснодарского края (по материалам раскопок 1987 г.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир. 2004. Вып. 4. С. 293–305.

89. Старотитаровский клад европейских монет XV–XVI вв. (Часть 1) // Там же. С. 339 – 340 (в соавторстве с С.Л. Завьяловым).

90. О Мадине // Из истории Туапсинского региона: период древности и средневековья (по материалам М.К. Тешева) // Труды Туапсинского историко-краеведческого музея им. Н.Г. Полетаева. Вып. 1 / Ред-ры: Е.Я. Форостьянова, Г.А. Макарова, М.Ю. Куадже. Туапсе, 2004. С. 107–108.

91. Биметаллический нож из собрания Краснодарского музея // РА. 2004. № 4. С. 124–125 (в соавторстве с С.Б. Вальчаком, Е.А. Хачатуровой и В.Р. Эрлихом).

92. Кубань в эпоху Средневековья (V–XVII вв.). Глава 2 // История Кубани с древнейших времен до конца XX века: учебник для высших учебных заведений / Рук. авт. коллектива В.Е. Щетнёв. Краснодар: ОИПЦ «Перспективы образования», 2004. С. 46–68.

93. Систематизация и обработка научного архива профессора Н.В. Анфимова // Интеграция науки и высшего образования в социально-культурной сфере: Сборник научных трудов по материалам научно-практической конференции. Краснодар, 2004. Вып. 2. С. 430–435 (в соавторстве с И.Н. Анфимовым, Н.Е. Берлизовым, Ю.В. Зеленским и Е.А. Хачатуровой).

94. Комплекс импортных предметов римского времени из окрестностей хутора Эриванского (Западное Закубанье) // Материалы и исследования по археологии Кубани / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар, 2004. Вып. 4. С. 242–248 (в соавторстве с В.П. Пономарёвым).

95. Таманский клад 1995 г. византийских монет комниновского времени (продолжение публикации) // Там же. С. 254–259.

96. Средневековые монеты и клады Краснодарского края: учет, фиксация и изучение в 2004 г. // Наука Кубани. 2004. № 3 (ч. 2). С. 7–8.

2005

97. Бронзовый зооморфный наконечник ножен акинака из фондов Краснодарского музея-заповедника // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья: Сб. статей памяти Валерия Сергеевича Ольховского / Гл. ред. В.И. Гуляев. М., 2005. С. 448–450.

98. Клады, археологические находки древней Земли Кубанской / Научный редактор Н.Ф. Шевченко. Краснодар: Издательская группа «Окей-пресс», 2005. 51 с. (в соавторстве с Е.А. Хачатуровой).

99. О начале работы по созданию базы данных по средневековой нумизматике Краснодарского края // Археологические записки. Вып. 4 / Под ред. В.Я. Кияшко. Ростов-на-Дону, 2005. С. 151–152 (в соавторстве с И.В. Волковым).

100. Биметаллический чекан из окрестностей ст. Пластуновской (Краснодарский край) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир. 2005. Вып. 5. С. 280–282.

101. Старотитаровский клад европейских монет XV–XVI вв. (часть 2) // Там же. С. 359–362 (в соавторстве с С.Л. Завьяловым).

102. Мегалитический комплекс «Дольменная группа Титаренкова» // Материалы и исследования по археологии Кубани / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар, 2005. Вып. 5. С. 111–129 (в соавторстве с Г.Ф. Акимченковым и А.В. Баранюком).

103. Новые материалы левого берега Краснодарского водохранилища предскифского времени из частной коллекции // Там же. С. 139–163 (в соавторстве с С.Б. Вальчаком, Е.А. Хачатуровой и В.Р. Эрлихом).

104. Средневековое изваяние из окрестностей ст. Отрадной: дополнительные данные // Там же. С. 325–330.

2006

105. Зеркала из могильника Бжид-1. Приложение 1 / Ковалевская В.Б., Албегова З.Х., Евсюков А.Н. Компьютерное картографирование массовых типов раннесредневековых металлических зеркал с центральной петелькой // Археология и геоинформатика. Вып. 3 [Компакт-диск] / Отв. ред. Д.С. Коробов. М., 2006.

106. Комплекс кургана 7 могильника Циплиевский Кут как новое свидетельство этнокультурных связей населения Северо-Западного Кавказа в раннескифскую эпоху // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время: Сборник статей по материалам XI Международной научной конференции / Отв. ред. В.П. Копылов. Ростов-на-Дону, 2006. С. 27–33.

107. Могильник Прочноокопского городища № 3: качество публикации археологических материалов // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: тезисы докладов / Отв. ред. И.М. Чеченов. Нальчик, 2006. С. 6–7 (в соавторстве с И.Н. Анфимовым).

108. Тмутараканские князья: исторические портреты // Кубанский сборник: сборник научных статей по истории края / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2006. Том 1 (22). С. 29–31 (в соавторстве с Ю.В. Зеленским).

109. Загадки средневековой скульптуры Северо-Западного Кавказа // Там же. С. 283–301.

110. Юго-Восточные связи населения Краснодарского Причерноморья в III–VII вв. н.э.: по материалам могильников // Первая Абхазская международная археологическая конференция: Материалы / Отв. ред. В.В. Бжания. Сухум, 2006. С. 297–303.

111. К атрибуции серебряного ковша Дмитрия Круждовича // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне: тезисы докладов III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000) / Отв. ред. В.В. Мурашева. М., 2006. С. 177–177 (в соавторстве с Е.А. Хачатуровой).

112. «Комплекс» 1930 г. из Кубанского могильника // Древности скифской эпохи: Сб. статей / Отв. ред. В.Г. Петренко и Л.Т. Яблонский. М., 2006. С. 93–99 (в соавторстве с Е.А. Хачатуровой, С.Б. Вальчаком и В.Р. Эрлихом).

113. Могильник Прочноокопского городища № 3 по материалам архива Н.В. Анфимова // Материалы и исследования по археологии Кубани / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар, 2006. Вып. 6. С. 205–228 (в соавторстве с И.Н. Анфимовым).

2007

114. Новые находки подражаний римским денариям с типом «идущего Марса» из Краснодарского края // Четырнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция: тезисы докладов и сообщений (Санкт-Петербург, Гатчина, 16–21 апреля 2007 г.) / Отв. ред. В.А. Калинин. СПб., 2007. С. 40–42.

115. Поливной кувшин из погребения знатного адыга у х. Суповского в Адыгее // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв. // II международная научная конференция (Ялта, 19–23 ноября 2007 г.): тезисы докладов конференции. Ялта, 2007. С. 94–97.

116. Елизаветинский комплекс // Большая Российская Энциклопедия. М., 2007. Т. 9. С. 655.

2008

117. Воронежский комплекс 1948 г.: вопросы хронологии и атрибуции // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий: Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (Владикавказ, 21–25 апреля 2008 г.): тезисы докладов международной научной конференции / Отв. ред. А.А. Туаллагов. Владикавказ, 2008. С. 299–301.

118. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: опыт сопоставления // Древности Юга России: памяти А.Г. Атавина / Отв. ред. Г.Е. Афанасьев. М., 2008. С. 275–295 (в соавторстве с В.А. Тарабановым).

119. О погребениях позднесарматского времени на могильниках меотских городищ правого берега р. Кубань // «Фелицынские чтения» (X): Материалы межрегиональной научной конференции (г. Краснодар, 8–9 октября 2008 г.). Краснодар, 2008. С. 8–13 (в соавторстве с И.Н. Анфимовым и В.А. Тарабановым).

120. К вопросу о населении правого берега Нижней Кубани в позднесарматский период // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 3 (28). С. 85–87.

2009

121. Об одном неизданном изваянии из фондов Краснодарского музея-заповедника // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар, 2009. С. 48–50 (в соавторстве с И.В. Волковым).

122. Серебряная крышка от чаши из фондов Краснодарского музея-заповедника // «Фелицынские чтения» (XI): Мат-лы межрегиональной научной конференции (г. Краснодар, 28 октября 2009 г.). Краснодар, 2009. С. 68–73 (в соавторстве с Е.А. Хачатуровой).

123. Раннесредневековое погребение с золотыми украшениями из могильника Бжид-1 (Туапсинский район Краснодарского края) // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып. 9 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир; Краснодар; Москва, 2009. С. 74–80.

124. Касоги // Большая Российская Энциклопедия. М., 2009. Т. 13. С. 272–273.

2010

125. Начальный этап формирования лапидария Краснодарского музея-заповедника (дореволюционный период) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа: XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (Магас, 26–30 апреля 2010 г.): тезисы докладов Международной научной конференции / Отв. ред. М.Б. Мужухоев. Магас, 2010. С. 299–301 (в соавторстве с Д.В. Сенем).

126. К вопросу о хронологии Убинского могильника // Там же. С. 301–303 (в соавторстве с Е.А. Хачатуровой).

127. К истории археологического изучения Курганинского района // Чтения по истории Курганинска и Курганинского района (История и археология). Вып. 1 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Курганинск, 2010. С. 11–18 (в соавторстве с И.В. Доценко, Е.И. Нарожным, П.В. Соковым).

128. Бронзовый кинжал кавказского типа из Карачаево-Черкесии // Археологический журнал. № III–IV / Под ред. Е.И. Нарожного. Армавир, 2010. С. 27–29.

129. Комплекс предметов с христианским крестом из фондов Национального музея Республики Адыгея // Там же. С. 72–81 (в соавторстве с Ф.К. Джигуновой, А.А Товом, М.А. Хуштом).

130. Раскопки Убинского могильника XII–XV вв. (апрель – июнь 1941 г.) / Научная обработка и подготовка к публикации материалов Убинского могильника // Северный Кавказ: традиции и современность: Юбилейная Всероссийская научно-практическая конференция получателей грантов по конкурсу Российского гуманитарного научного фонда и администрации Краснодарского края. Краснодар, 2010. С. 5–6 (в соавторстве с Ю.В. Зеленским, Е.А. Хачатуровой).

131. Коллекция предметов из драгоценных металлов могильника Бжид-1 (Туапсинский район Краснодарского края) // Там же. С. 12–13 (в соавторстве с Е.А. Хачатуровой, Т.В. Юрченко).

132. Научная каталогизация и подготовка к публикации коллекции изваяний, надгробий и архитектурных деталей из фондов КГИАМЗ VI в. до н.э. – XIX в. н.э. // Там же. С.13–14 (в соавторстве с Д.В. Сенем, Н.Е. Берлизовым, Ю.В. Зеленским, Е.А. Хачатуровой).

133. Прошлое Кубани. Из наследия Н.В. Анфимова / Составители и авторы предисловия Е.А. Хачатурова, А.В. Пьянков. Краснодар, 2010. 384 с.

134. Л.И. Лавров и мусульманские эпиграфические памятники из собрания Краснодарского музея-заповедника // Творчество Леонида Ивановича Лаврова (1909–1982) и история этнографических исследований на Кубани. К 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного этнографа: материалы круглого стола-семинара (Краснодар, 4 мая 2009 г.). Краснодар, 2010. С. 90–93.

135. Золотые украшения из Воронежского комплекса 1948 г. // Н.В. Анфимов – жизнь в науке (к 100-летию со дня рождения выдающегося российского археолога): материалы круглого стола (Краснодар, 29 мая 2009 г.) // Древности Кубани. Вып. 22. Краснодар, 2010. С. 70–77.

136. Краснодарский край. Исторический очерк (археология) // Большая Российская Энциклопедия. М., 2010. Т. 15. С. 607–609 (в соавторстве с И.О. Гавритухиным).

2011

137. О реконструкциях сабли из могильника Колосовка-1 (Адыгея) // Военная археология: Сборник материалов Проблемного совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. Выпуск 2 / Отв. ред. О.В. Двуреченский. М., 2011. С. 153–167 (в соавторстве с И.В. Цокур).

138. О забытых находках из серного источника в Горячем Ключе // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея) / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир, Краснодар, Москва, 2011. Вып. 10. С. 74–79.

139. Византийская фибула с Новосёловского городища (Краснодарский край) // Stratum plus. 2011. № 5: Культурная антропология и археология («Древности антов»). С.123–132 (в соавторстве с И.О. Гавритухиным).

140. Новые находки древнерусских культовых предметов на Северном Кавказе // Археология и краеведение Кавминвод в контексте межрегиональных связей и контактов: Сборник материалов межрегиональной научной конференции 17–18 ноября 2011 г. (К 100-летию со дня рождения и 25-летию памяти А.П. Рунича (1911–1986)) / Под редакцией С.Н. Савенко. Пятигорск, 2011. С. 32–37 (в соавторстве с А.А. Тихановым, Н.В. Федоренко, М.А. Хуштом, А.В. Шишловым).

141. Кубань в IV–XVII веках. Гл. 2 // История Кубани с древнейших времён до конца XX века: в 2 ч. / А.В. Баранов, А.Н. Еремеева, А.В. Жинкин и др. Краснодар, 2011. Ч. I: С древнейших времён до 1917 года. С. 76–116.

142. О находке сребреника князя Владимира на территории Таманского полуострова // «Фелицынские чтения» (XIII) Памяти Виталия Петровича Бардадыма: Материалы межрегиональной научной конференции (г. Краснодар, 23 ноября 2011 г.). Краснодар, 2011. С. 37–39 (в соавторстве с С.Л. Завьяловым).

143. К вопросу о присутствии кочевников в Северо-Восточном Причерноморье и Западном Закубанье в XI–XV вв. // Проблемы археологии Кавказа: Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю.Н. Воронова (г. Сухум, 10–11 мая 2011 г.) / Отв. ред. А.Ю. Скаков. Сухум, 2011. С. 186–189 (в соавторстве с Ю.В. Зеленским и Р.Б. Схатумом).

144. Средневековые печати-подвески // Каталог войсковых и станичных печатей XVIII–XX вв.: сфрагистические коллекции Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына / Под науч. ред. А.Г. Еременко, Т.А. Павленко и В.И. Колесова. Краснодар, 2011. С. 14–21.

2012

145. О местном типе фибул позднеримского времени из могильника Бжид-1 // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации: XXVII «Крупновские чтения»: Материалы Международной научной конференции (Махачкала, 23–28 апреля 2012 г.) / Отв. ред. М.С. Гаджиев. Махачкала, 2012. С. 227–229.

146. О сребренике Ратибора с южного берега Краснодарского водохранилища // Первые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. К 70-летию исследования Убинского могильника: Материалы межрегионального круглого стола (г. Краснодар, 9 июня 2011 г.). Краснодар, 2012. С. 28–29 (в соавторстве с С.Л. Завьяловым).

147. К вопросу о подлинности сребреников Ратибора // «Фелицынские чтения» (XIV): Сборник материалов по истории Краснодарского края. Краснодар, 2012. С. 11–13 (в соавторстве с А.А. Тихановым).

148. Еще раз о кладе боспорской меди начала III века до н.э., найденном на Тамани в 1996 году // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа: сборник научных статей / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир – Краснодар, 2012. Вып. 13. С. 182–187.

2013

149. Комплекс предметов упряжи предскифского времени из ст. Переправной Мостовского района Краснодарского края // Третья Абхазская международная археологическая конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: Материалы / Отв. ред. А.Ю. Скаков. Сухум, 2013. С. 139–145 (в соавторстве с Е.А. Хачатуровой).

150. Греческая надпись из станицы Курджипской // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции (Широкая Балка, 30 сентября – 4 октября 2013 г.) / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар, 2013. С. 171–173 (в соавторстве с Д.В. Каштановым).

151. К вопросу о происхождении складных серпов хазарского времени // Там же. С. 359–364.

152. Находки монет на Новоселовском городище (Усть-Лабинский район Краснодарского края) // Древности Западного Кавказа / Отв. ред. Н.Е. Берлизов. Краснодар, 2013. С. 215–218 (в соавторстве с И.В. Волковым, М.Ю. Лунёвым).

153. О локализации зихов и Зихии по данным письменных и археологических источников в I–X вв. // Кавказ и Абхазия в древности и в средневековье: взаимодействие и преемственность культур: Четвертая Абхазская Международная археологическая конференция (26–30 ноября 2013 г.), посвященная памяти Л.Н. Соловьева: тезисы докладов / Ред-ры: А.И. Габелия, А.И. Джопуа, Г.А. Сангулия, Р.М. Барцыц. Сухум, 2013. С. 74–75.

154. Складные серпы из средневекового курганного могильника «Тешебс-1» (г. Геленджик, Краснодарский край) // Проблемы хронологии археологических памятников эпохи древности и средневековья: Вторые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 30–31 мая 2012 г.) / Ред-ры: Т.А. Павленко, Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. Краснодар, 2013. С. 19–27 (в соавторстве с Д.Э. Василиненко).

155. Середньовічні залізні пластинчасті хрести з фондів музеїв Північно-західного Кавказу і Північно-східного Причорномор,я // Християнські святині – скрижалі Вічності, Мудрості й Краси: нові грані пізнання: Софійські читання: Матеріали VI Міжнародної науково-практично конференції (м. Київ, 26–27 травня 2011 р.) / Від. за вип. Є.І. Архипова. Київ: Видавничий дім «АДЕФ–Україна», 2013. С. 265–274 (в соавторстве с Д.Е. Василиненко).

156. Две монеты из новых поступлений в Краснодарский музей-заповедник // Проблемы хронологии археологических памятников эпохи древности и средневековья: Третьи «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа: Материалы международной археологическогой конференции (г. Краснодар, 30–31 мая 2013 г.) / Ред-ры: Т.А. Павленко, Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. Краснодар, 2013. С. 31–33 (в соавторстве с И.В. Волковым).

157. Городище «Колокольня» в Мостовском районе Краснодарского края // Очерки средневековой археологии Кавказа: к 85-летию со дня рождения В.А. Кузнецова: сб. статей / Отв. ред. В.И. Козенкова. М.: ИА РАН, 2013. С. 155–168.

158. Мощевая Балка // Большая Российская Энциклопедия. М., 2013. Т. 21. С. 357–358.

159. Таманский «брактеат» из фондов Краснодарского музея-заповедника // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея) / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир; Краснодар; Москва, 2013. Вып. 12. С. 120–122.

2014

160. Возвращенные сокровища Кубани. Краснодар: Традиция, 2014. 152 с.: ил. (в соавторстве с Е.А. Хачатуровой, Т.В. Юрченко).

161. О поздней группе погребений могильника Елизаветинского городища № 2 (раскопки 1978 г.) // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа: XXVII «Крупновские

чтения»: Материалы Международной научной конференции (Москва, 21–25 апреля 2014 г.) / Отв. ред. Д.С. Коробов. М., 2014. С. 263–266 (в соавторстве с И.Н. Анфимовым).

162. Византийский гексаграмм из ст. Отрадной Краснодарского края // «Фелицынские чтения» (XV): Мат-лы региональной северокавказской научно-практической конференции. Краснодар, 2014. С. 17–23 (в соавторстве с С.Н. Малаховым).

163. Херсоно-византийские бронзовые монеты из частной коллекции // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа: сборник научных статей / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир – Краснодар, 2014. Вып. 14. С. 178–185 (в соавторстве с С.Л. Завьяловым).

164. Каменная стела с изображением креста из окрестностей поселка Архыз в Карачаево-Черкесии // Православие в истории и культуре Северного Кавказа: Материалы VI Международных Свято-Игнатиевских чтений (г. Ставрополь, 14 мая 2014 г.). Вып. I. Ставрополь, 2014. С. 31–36 (в соавторстве с Л.Э. Голубевым, Л.Л. Долечеком и С.Н. Малаховым).

165. Солид Юстина II из собрания Национального музея Республики Адыгеи // ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка: тезисы докладов и сообщений III Международного нумизматического симпозиума (Севастополь, 29.08 – 2.09.2014 г.). / Координатор Н.А. Алексеенко. Севастополь, 2014. С. 17–19 (в соавторстве с Ф.К. Джигуновой).

166. Находка брактеата с архангелом Михаилом в окрестностях станицы Гостагаевской в 2013 г. // Синдика, Горгиппия, Анапа: исследования по археологии и истории: Сборник научных трудов к 100-летию со дня рождения А.И. Салова / Под ред. Н.Е. Берлизова. Краснодар; Анапа, 2014. С. 81–82 (в соавторстве с А.А. Тихановым).

167. Нумизматические находки на берегу Ангелинского Ерика в окрестностях Красного Леса (Красноармейский район Краснодарского края) // Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье: IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 28–30 мая 2014 г.) / Ред-ры: Т.А. Павленко, Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. Краснодар, 2014. С. 186–189 (в соавторстве с А.А. Тихановым).

168. Римский денарий и варварские подражания императорскому серебру из новых поступлений Краснодарского музея-заповедника // Там же. С. 190–192 (в соавторстве с Т.В. Юрченко).

169. Поздняя группа погребений могильника Елизаветинского городища № 2 (раскопки 1978 г.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2014. № 4. С. 84–101 (в соавторстве с И.Н. Анфимовым).

2015

170. Древнерусский топор с южного берега Краснодарского водохранилища (Республика Адыгея) // Из истории культуры народов Северного Кавказа: сборник научных статей / Под ред. Ю.А. Прокопенко, Т.А. Невской. Ставрополь, 2015. Вып. 7. С. 38–42 (в соавторстве с Л.Э. Голубевым).

171. Византийские золотые монеты из новых поступлений Краснодарского музея-заповедника // XVIII Всероссийская нумизматическая конференция (Москва – Коломна, 20–25 апреля 2015 г.): тезисы докладов и сообщений / Отв. ред. И.В. Ширяков. М., 2015. С. 40–42 (в соавторстве с Т.В. Юрченко).

172. Старотитаровский клад европейских монет (часть 3) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа: сборник научных статей / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир – Краснодар, 2015. Вып. 15. С. 143–150 (в соавторстве с С.Л. Завьяловым).

173. Выявление обрядовых индикаторов половозрастной принадлежности погребенных методами многомерного анализа (по материалам могильников III–VII вв. Черноморского побережья Кавказа) // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные: Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А.В. Мастыкова. М., 2015. С. 12–13 (в соавторстве с Н.Е. Берлизовым).

174. Индикация византийского солида из могильника Трубный Отрадненского района Краснодарского края // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Выпуск III: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 105-летию со дня рождения краеведа Михаила Николаевича Ложкина / Науч. ред. С.Н. Малахов, составитель С.Г. Немченко. Армавир – Отрадная, 2015. С. 58–60 (в соавторстве с И.В. Цокур).

175. Перстень из Западной Алании // Там же. С. 60–63.

176. Археология Отрадненского района в материалах научного архива Н.В. Анфимова // Там же. С. 63–66.

177. Народ касоги и страна Каса (к этнической ситуации на Северо-Западном Кавказе в VIII–X вв.) // Вестник КГУКИ. URL: http://vestnikkguki.esrae.ru/2-1.

178. К вопросу о населении правого берега Нижней Кубани во второй половине III – третьей четверти IV вв. н.э. // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов: Конференция 4. Часть 1 / Ред. А.М. Воронцова, И.О. Гавритухина. Тула, 2015. С. 256–273.

179. Керамический сосуд с антропоморфными деталями из фондов Краснодарского музея-заповедника // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея) / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир; Краснодар; Москва, 2015. Вып. 13. С. 91–98.

180. Два варварских подражания византийским солидам из фондов Краснодарского музея-заповедника // Нумизматические чтения государственного исторического музея 2015 года. Памяти Нины Андреевны Фроловой (24.01.1936 – 20.10.2015) (Москва, 30 ноября – 20 октября 2015 г.): материалы докладов и сообщений / Отв. ред. Е.В. Захаров. М., 2015. С. 52–56 (в соавторстве с Т.В. Юрченко).

181. Случайные находки эпохи раннего железа и средневековья из окрестностей г. Новороссийска // Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и средневековье: Пятые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 26–28 мая 2015 г.) / Ред-ры: Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. Краснодар, 2015. С. 24–36 (в соавторстве с Н.Е. Берлизовым и Е.О. Богачуком).

182. Белореченская церковь: проблема датировки памятника // Там же. С. 237–242.

2016

183. Князь Инал и предки адыгов // VIII Твёрдовские чтения: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (туризм, краеведение, рекреация, экология, образование) / Под ред. доцента А.А. Самойленко, профессора А.А. Горбачёва,

профессора М.И. Ленковой. Краснодар, 2016. С. 211–216.

184. Поздняя группа погребений могильника Елизаветинского городища № 2 (раскопки 2013 г.) // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа: XXIX «Крупновские чтения»: Материалы Международной научной конференции (Грозный, 18–21 апреля 2016 г.) / Отв. ред. Х.М. Мамаев. Грозный, 2016. С. 156–159 (в соавторстве с М.Ю. Лунёвым).

185. Одно разрушенное средневековое погребение на правом берегу р. Кубани // Из истории культуры народов Северного Кавказа: Научный альманах / Под ред. Ю.А. Прокопенко, Т.А. Невской. Ставрополь, 2016. Вып. 8. С. 72–77 (в соавторстве с А.А. Тихановым).

186. Несколько разрушенных погребений из урочища Циплиевский Кут (Западное Закубанье) // Археологическая наука: Практика, теория, история: Сборник статей памяти И.С. Каменецкого / Отв. ред-ры А.Н. Гей, И.А. Сорокина. М., 2016. С. 187–197.

187. Византийский солид и подражание солиду: монеты VII в. Из находок на Северо-Западном Кавказе // ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка: IV Международный нумизматический симпозиум (Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 4–8.09.2016 г.): тезисы докладов и сообщений / Координатор Н.А. Алексеенко. Севастополь, 2016. С. 30–34 (в соавторстве с С.Л. Завьяловым).

188. Византийская печать с изображением Богоматери из Усть-Лабинска // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Выпуск IV: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 130-летию со дня рождения краеведа П.М. Галушко / Науч. ред. С.М. Малахов, сост. С.Г. Немченко. Армавир – Отрадная, 2016. С. 32–34 (в соавторстве с С.М. Малаховым и С.Л. Завьяловым).

189. О номисме Никифора III Вотаниата, найденной на Ильичёвском городище // Там же. С. 34–38 (в соавторстве с Т.В. Юрченко).

190. Шестилепестковая фибула из Западной Алании // Там же. С. 38–41.

191. Дукаты из собрания Краснодарского музея-заповедника // Нумизматические чтения государственного исторического музея 2016 года (Москва, 22–23 ноября 2016 г.): материалы докладов и сообщений / Отв. ред. Е.В. Захаров. М., 2016. С. 120–124 (в соавторстве с Т.В. Юрченко).

192. Кубанский могильник: Материалы раскопок Н.В. Анфимова 1965 года / Отв. ред. В.И. Козенкова. М., 2016. 208 с.: ил. (в соавторстве с С.Б. Вальчаком, Е.А. Хачатуровой и В.Р. Эрлихом).

193. Бронебойные наконечники стрел из могильника хазарского времени «Ленинский Путь» из фондов Краснодарского музея-заповедника // Научно-исследовательская деятельность музеев Северокавказского региона: проблемы и перспективы: «Фелицынские чтения» (XVIII): Материалы межрегиональной научно-практической конференции (г. Краснодар, 18–20 октября 2016 г.) / Ред. В.И. Колесов. Краснодар, 2016. С. 172–174.

194. Случайные находки эпохи средневековья из окрестностей г. Новороссийска (находки 2015 г.) // Проблемы изучения погребального обряда народов Западного Кавказа в древности и средневековье: Шестые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 31 мая – 2 июня 2016 г.). / Ред-ры Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. Краснодар, 2016. С. 28–37 (в соавторстве с Н.Е. Берлизовым и Е.О. Богачуком).

195. Византийская серебряная монета из Убинского могильника // Там же. С. 211–214 (в соавторстве с Т.В. Юрченко).

2017

196. Одиночные раннесредневековые погребения в курганах Западного Закубанья // Из истории культуры народов Северного Кавказа: сборник научных статей / Под ред. д-ра ист. н., доц. Ю.А. Прокопенко, д-ра ист. н., проф. Т.А. Невской. Ставрополь, 2017. Вып. 9. С. 64–73 (в соавторстве с А.В. Кондрашёвым и Е.А. Хачатуровой).

197. Гора Собер-Баш (Сыбыр-Іуащхь) – гора «колдунов» // IX Твёрдовские чтения: сборник материалов Международной научно-практической конференции (экология, туризм, краеведение, рекреация, образование) (г. Краснодар, 28 февраля 2017 г.) / Под ред. доцента А.А. Самойленко, профессора А.А. Горбачёва, доцента М.И. Ленковой. Краснодар, 2017. С. 326–333.

198. Погребение № 28 из могильника «Набережный» городища Куньша Лабинского района Краснодарского края // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. V: Материалы международной научной конференции, посвящённой 160-летию основания станицы Отрадной / Науч. редактор С.Н. Малахов, составитель С.Г. Немченко. Армавир, 2017. С. 43–47 (в соавторстве с И.В. Цокур).

199. Номисма стамена Никифора III Вотаниата (1078–1081 гг.) из новых поступлений в КГИАМЗ // Там же. С. 48–49 (в соавторстве с Т.В. Юрченко).

200. К вопросу о типологии и времени бытования железных крестов византийско-кавказского типа // Православие в истории и культуре Северного Кавказа: вопросы источниковедения и историографии: Материалы VII Международных Свято-Игнатьевских чтений (г. Ставрополь, 12 мая 2015 г.). Ставрополь, 2017. Вып. I. С. 14–25 (в соавторстве с Д.Э. Василиненко, М.А. Хуштом).

Ю.А. Прокопенко

ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ В ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОМ ИСКУССТВЕ НОСИТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ СКЛЕПОВЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ III–I вв. до н.э.

Аннотация. Статья посвящена семантическому и хронологическому анализу зооморфных изображений, декорирующих различные предметы, обнаруженные в процессе изучения гробниц склеповых могильников конца IV–I в. до н.э. Всего в настоящее время выявлено 19 предметов, оформленных в зверином стиле. Они представляют собой элементы декорирования разных видов вооружения, детали конской упряжи, украшения и амулеты. В числе зооморфных изображений фиксируются образы птиц (13); в 5-ти случаях их сопровождают элементы образов ланей и лошадей; в одном случае они дополнены деталями изображения хищника. В числе хтонических животных, характерных для декоративно-прикладного искусства носителей культуры склеповых захоронений, следует отметить образы змеи и хищников (пантеры и волки). Сохранение в III в. до н.э. устоявшихся форм предметов, характерных для скифской культуры, и обязательное их декорирование (например, предметы конской упряжи) связано с их использованием в качестве амулетов. При этом наблюдается ренессанс в привлечении в качестве их оформления традиционных центрально-предкавказских художественных образов

(ушастый длинноносый зверь с хвостом птицы; хищник с резко оттянутой вниз челюстью; сидящая птица). Деградация изображений объясняется схематизацией и упрощением образов (отказ от важных деталей или их рудиментарное изображение; превращение птичьих головок в змеевидные отростки; редуцированный подход к выстраиванию композиции и др.), видимо, под влиянием затухания традиций собственно скифского искусства, а также в связи с массовым использованием железных изделий, выполняемых техникой ковки, препятствующей развитию разнообразия декоров.

Ключевые слова: Центральное Предкавказье, звериный стиль, декоративно-прикладное искусство, склепы, зооморфные изображения, скифы, образ, сюжет, композиция, птицы, хищники, копытные, змеи.

Ju. A. Prokopenko

ANIMAL STYLE IN THE DECORATIVE-APPLIED ARTS OF REPRISENTATIVES OF THE CULTURE OF CRYPT BURIALS IN THE CENTRAL CISCAUCASIA III–I c. BC.

Abstract. The article is devoted to semantic and chronological analysis of zoomorphic images, decorating various objects found in the study of tombs burial crypt end of IV–I century. BC. Total currently identified 19 objects decorated in animal style.They represent the elements of the decoration of different types of weapons, parts of harness, ornaments and amulets. Among the zoomorphic images are recorded images of birds (13), in 5 cases, they are accompanied by elements of the deer and horses images; in one case the parts are supplemented predator image. Among the chthonic animals, it should be noted images snakes and predators (wolves and panthers), typical of decorative art media culture burial vaults. Saving in the III BC established forms of subjects, characteristic of the Scythian culture and binding their decoration (for example, items of harness), associated with their use as amulets. At the same time, there has been a renaissance in attracting as their registration Central Caucasian traditional artistic images (big-eared long-nosed beast with a bird's tail, a predator with a sharply drawn down jaw, sitting bird). The degradation of the image is due to schematization and simplification of images (the rejection of important details or rudimentary image, turning the bird`s head in a serpentine processes; reduced approach to building the composition, etc.), Apparently under the influence of damping iraditions actually Scythian art, as well as in connection with the massive use of iron products, carried out by forging technology, which prevents the development of a variety of decors.

Key words: Central Caucasus, animal style, decorative arts and crafts, crypts, the zoomorphic images, Scythians, form, plot, composition, birds, predators, hoof, snakes.

К настоящему времени накоплен значительный материал, касающийся культуры строителей склеповых захоронений III–I вв. до н.э., локализованных, в основном, на территории Ставропольской возвышенности и Кавминвод (в прилегающих районах): выявлено около 40 могильников и отдельных склепов; дан анализ этнического состава и социальной организации данного общества; исследованы особенности строительной традиции, керамики, украшений, видов вооружения и конской упряжи; рассмотрены особенности погребальной обрядности; намечены основные векторы культурных и экономических связей

[11, с. 38–40; 12, с. 296; 13, с. 313–317; 15, с. 218–220; 17, с. 350–355; 18; с. 172–178; 19, с. 150; 21, с. 168–169].

Кроме того, в контексте изучения традиций декоративно-прикладного искусства позднекобанского населения был отмечен ряд образов зооморфных изображений, выявленных в процессе исследования материалов из гробниц склеповых могильников [16, с. 38; 20, с. 170–171].

Однако исследований, посвященных именно особенностям звериного стиля носителей культуры склеповых захоронений, к настоящему времени не существует. Таким образом, накопленный материал, касающийся образцов изобразительного искусства носителей культуры склеповых захоронений, позволяет нам восполнить этот пробел.

Всего в настоящее время в процессе изучения гробниц выявлено 19 предметов, оформленных в зверином стиле. Они представляют собой элементы декорирования разных видов вооружения, детали конской упряжи, украшения и амулеты.

Значительную часть выявленных образцов звериного стиля составляют птицевидные изображения – 13 экз. В 5-ти случаях их сопровождают элементы образов копытных (ланей и лошадей); в одном случае они дополнены деталями изображения хищника.

В склепе Кабан-гора (окрестности г. Кисловодска) найден железный колчанный крюк, спинка которого была оформлена в виде очертания птицы в положении со сложенными крыльями. Четко прослеживаются: тонкая длинная шея, завершающаяся загнутой птичьей головкой с клювом; округлое туловище, переходящее в вытянутый хвост подтреугольной формы (рис. 1, *5*) [19, с. 233; 20, рис. 108, *3*]. Близкое по сюжету изображение – конский налобник (наносник?) обнаружено при исследовании грабительских отвалов вокруг склепа № 2 могильника № 2 Волчий ручей. В данном случае туловище птицы развернуто не в горизонтальной плоскости, как в первом случае, а в вертикальной – в профиль, видимо, для удобства расположения отверстия для подвешивания. Также отличается оформление птичьей головки, завершающейся клювом. Она представляет собой не крюк, как в первом случае, а петлю. Хвостовая часть (в положении в фас), ее правая сторона, декорирована косыми насечками, напоминающими оперение (рис. 1, *7*) [20, 485, рис. 86 Б, *4*]. Еще один аналогичный налобник выявлен в районе склепового могильника Гремучка II (южные окрестности г. Ставрополя). Он отличается подромбической хвостовой частью и спиралевидно загнутым клювом (рис. 1, *6*) [20, рис. 90 Д, *В 2*].

В числе предметов конской упряжи следует отметить 2 экземпляра Г-образных железных псалиев (рис. 2, *2,3*). Их верхняя – загнутая – часть оформлена в виде стилизованных головок ушастых зверей (оленей?). Шейная часть головок украшена нарезным спиралевидным орнаментом. Нижние части псалий заканчиваются раскованными уплощенными лопастями подтреугольной формы (хвост птицы?). Лопасти по краям имеют отверстия. В отверстия были вставлены привески, сделанные из железной проволоки в 9 оборотов, накрученной на сердечник. Об этом можно судить по сохранившейся одной привеске, подвешенной к лопасти одного из псалиев. Предметы являются деталями уникальной железной узды, обнаруженной рядом с подкурганным склепом «Каменная могила» [22, рис. 2, *1, 2*] (рис. 2, *1*).

Данный сюжет, скорее всего, является производным от синтеза образов, характерных для местной кобанской культуры и скифского «звериного

стиля». Например, для кобанского искусства IX–VI вв. до н.э. характерны бронзовые привески-амулеты в виде бронзовых литых ушастых птичек с вытянутыми носами и веерообразной хвостовой частью (мог. Терезе, гробница I; мог. Индустрия, погр. 7/14, мог. № 2 Татарского городища и др.) [5, 168, табл. XII, *19*,*21*; 7, 21, рис. *9*–*11*] (рис. 2, *4*). В единичных случаях они встречены в захоронениях раннесарматского времени (мог. Нижний Джулат, погр. 40), в том числе в склеповых комплексах (склеп Кабан-гора) [1, рис. 29, *54*]. В последнем случае в целом сохранен традиционный сюжет – сидящая птица с распущенным веерообразно хвостом. Однако наблюдается упрощение элементов образа. В этом варианте шейная часть плавно завершается клювом, отсутствуют уши (рис. 1, *11*). Несмотря на это, следует отметить, что в данный период в местной изобразительной традиции образ птичьей головки со зверовидными ушами остается востребованным.

В III – начале II до н.э. в гробницах, кроме литых птичек, появляются полые бронзовые фигурки. В частности, такая бронзовая птичка (фрагментирована) с выделенными зверовидными ушами обнаружена в гробнице, раскопанной А.П. Глушковым в 1965 г. на ул. Орджоникидзе (г. Ставрополь) [17, с. 94–95, рис. 2, *18*]. Это изображение отличается особенностями оформления ушей и хвоста. Уши напоминают собачьи – стоят вертикально, слегка наклонены вперед. Крылья показаны в сложенном виде (рис. 1, *12*).

Скорее всего, трансформация отмеченного образа кобанских ушастых птичек с вытянутыми носами и веерообразной хвостовой частью (удлинение носовой части и укрупнение ушей) является основой для появления таких изображений, как отмеченные выше железные псалии с головками оленей и подтреугольной противоположной частью в виде птичьего хвоста из ритуального комплекса у склепа Каменная Могила (рис. 2, *2*,*3*). Данный сюжет повторяет бронзовый налобник в виде головки лани из Бельтинского клада (территория Чечни) [2, с. 86; 20, с. 169, рис.188, А, *1–3*] (рис. 2, *5*).

Зооморфные превращения отмеченных псалиев из склепа Каменная Могила свидетельствуют о том, что в конце IV–III в. до н.э. в зверином стиле Центрального Предкавказья образы кобанского искусства заменяют традиционные скифские.

Прослеживается эволюция изменения сюжетной линии, в конечном итоге приведшая к такому изображению. Композиционное решение изделия явно заимствовано из прикубанского варианта скифского звериного стиля V–IV вв. до н.э. (оформление одного конца псалия в виде протомы хищника, противоположного – в форме ажурной вертикальной пластины – мог. Уляп, кург. 2). Однако прикубанская схема в Центральном Предкавказье была адаптирована под местные вкусы. Самое значительное изменение наблюдается в оформлении хвостовой части псалия. Вертикальная плоскость первоначально сохраняется, но вместо загнутого в петлю хвоста хищника представлен распущенный хвост птицы. В частности, таким образом оформлен бронзовый псалий IV в. до н.э. с протомой ушастого зверя с гривой, обнаруженный в окрестностях г. Кисловодска (рис. 1, *6*). Верхний конец псалия оформлен в виде протомы ушастого драконоподобного зверя (при этом Г-образный абрис шеи с головой соединен с центральной частью псалия передними конечностями в форме овала), противоположный является стилизованным изображением птичьего хвоста, выполненным в вертикальной плоскости [16, с. 39–40, рис. 3, А, *1*]. Следует

отметить, что, хотя композиционное соединение передних конечностей и морды животного характерно для прикубанского варианта скифского звериного стиля V–IV вв. до н.э. (Семибратние курганы, кург. 4; Уляп, кург. 2), все-таки подобный вариант, использованный в кисловодском изображении, более близок кобанским изображениям скачущей лошади типа «Верхняя Рутха» [4, рис. 35, *52*].

Таким образом, выстраивается цепочка образов – пантера с загнутым в петлю хвостом в вертикальной плоскости (Уляп, кург. 5) [27, с. 98, рис. 25, кат. № 31] – ушастый зверь с гривой и птичьим хвостом в вертикальной плоскости (находка в окрестностях Кисловодска) – ушастый зверь с гривой с птичьим хвостом в горизонтальной плоскости (склеп Каменная Могила). Образ железного псалия из Каменной Могилы более схематичный, чем кисловодский (частично это связано с особенностями обработки железа). Вместо гривы – винтовая нарезка в области шеи, хвост представлен в варианте, более привычном для кобанского искусства – в горизонтальной плоскости.

Соединение в одной композиции образов копытных (ланей) и птиц, видимо, связано с их общей принадлежностью к верхней зоне мироздания.

Упрощенный вариант сочетания подобных элементов зафиксирован в трактовке 4-х железных псалиев, найденных при исследовании южной полы курганообразной обкладки вокруг гробницы № 1 могильника Татарского городища № 2 (южные окрестности г. Ставрополя) (рис. 1, *1-4*). В данном случае форма псалиев напоминает профильное изображение птицы с длинным заостренным клювом. Восьмерковидное расширение в центре предметов является головой птицы. Противоположный расширенный конец псалиев завершается упрощенной трактовкой конского копыта.

Особо следует отметить найденный в единственном числе на Северном Кавказе меч (длина – 54 см), перекрестие которого трактовано как сильно стилизованные головы двух хищных птиц, орлов или грифонов, со спиралевидным клювом (обнаружен в грабительских отвалах рядом с гробницей на северо-западном подножии западной вершины горы Верблюд – окрестности г. Пятигорска) (рис. 1, *8*).

Перекрестие по контуру занимает промежуточное положение между почковидной и сердцевидной формой. Оно орнаментировано желобками, создающими двойное изображение головы грифона. Навершие брусковидной формы [24, с. 29].

Близким по оформлению перекрестия является короткий меч из д. Винновка Самарской области [3, рис. 2, *1*]. В данном случае каждая сторона перекрестия оформлена в виде пары голов хищных птиц, повернутых в противоположные стороны. Здесь так же, как и у меча, найденного на г. Верблюд, выделены два овальных глаза, восковицы, орнаментированные продольными бороздками. Сближает оба меча в форме навершия – прямоугольный брусок (форма характерна для мечей западной части скифского мира – Северное Причерноморье, Северный Кавказ, Прикамье, а также встречается у савроматов Поволжья и Приуралья). В районе Самарская Лука – Стерлитамак – Оренбург обнаружено еще несколько экземпляров (не менее 4-х) мечей с аналогично оформленным перекрестием. Р.Б. Исмагилов и В.А. Скарбовенко отмеченные мечи датировали концом VI – первой половиной V в до н.э. (хотя все они найдены вне комплексов), считая их изделием местных савроматских мастеров. Следует отметить, что эти мечи отличаются

более короткими клинками и чеканным (либо рельефным) орнаментом на рукояти [3, с. 81].

Аналогичный меч, перекрестие которого трактовано как стилизованные головы двух хищных птиц со спиралевидным клювом (но одним большим глазом в центре, который принадлежит обоим головам), происходящий из Каневского уезда Киевской губернии, А.И. Мелюкова осторожно отнесла к V в. до н.э., считая клинок продукцией местных мастеров, но под влиянием сибирских акинаков [9, с. 53].

Более близок к кавминводскому (аналогичный по трактовке перекрестия) меч (отличается навершием в виде сомкнутого кольца) обнаружен на территории лесостепного Подонья (Тынково). А.П. Медведев, опубликовавшийся данный меч, включил эту находку в сводную таблицу клинков конца V–IV в. до н.э. [8, с. 102].

Единственный в своем роде меч, найденный на северо-западном подножии западной вершины горы Верблюд, с зооморфным перекрестием, явно не связан с местной изобразительной традицией. Его появление в ритуальных приношениях конца IV–III в. до н.э. вокруг гробницы, видимо, свидетельствует о связях носителей культуры склеповых сооружений с населением района Подонья или о миграционных процессах, затронувших данный регион в III в. до н.э.

Еще один случай использования сюжета, связанного с птицами, зафиксирован в декорировании загнутой лопасти Г-образного железного псалия в форме головы хищника с оттянутой вниз нижней челюстью, найденного в районе склепового могильника Бучинка II (рис. 1, *9*). В данном случае наблюдается деградация образа птицы: вырезанный упрощенный контурный показ вытянутого подтрапециевидного туловища, видимо, в положении со сложенными крыльями, которое переходит в тонкую длинную шею, плавно завершающуюся загнутым приостренным отростком (клювом?). В центральной части лопасти псалия он составляет геральдическую композицию, касаясь петлей отростка с аналогично загнутой головкой второй птицы (?). В целом эти изображения использованы для профильной трактовки челюстей хищника (волка?).

В числе хтонических животных, характерных для декоративно-прикладного искусства носителей культуры склеповых захоронений, следует отметить образы змеи и хищников.

В частности, в гробницах выявлено 4 бронзовых браслета с концами в виде змеиных головок (склеп у п. Быкогорка – 2 экз.; гробница, раскопанная А.П. Глушковым в 1965 г. на ул. Орджоникидзе г. Ставрополя, – 2 экз.) [22, 9, рис. 4, *3, 7*; 17, 94, 99, рис. 2, *37, 41*]. В двух случаях поверхность концов заужена, в двух – имеет ромбические очертания. У трех экземпляров концы орнаментированы гравированными насечками поперечными и под углом, составляя зооморфный облик. У одного браслета конец декорирован симметрично расположенными по краям прута гравированными овалами, изображающими уши змеи (рис. 3, Б, *1-4*).

Такие украшения являются обычной находкой в памятниках кобанской культуры западного варианта VII–IV вв. до н.э. [5, табл. XVII, *2-6*]. Видимо, традиция использования браслетов с концами в виде головок змеи сохраняется в повседневной жизни строителей склепов в последние века до н.э. Популярность образа змеи объясняется ее значением в связи с лечебной практикой. По осетинским представлениям, змеи вели постоянную борьбу за волшебные «бусины», способные излечить любого больного

и даже вернуть к жизни мертвого. Змеиными бусинами в Нартовском эпосе осетин Сослан оживляет мертвую девушку [26, с. 34–35]. Этот эпизод сопоставим со свидетельством Плиния об изготовлении скифами лекарств из проглоченного змеёй камешка, который добывался из рассеченной между ушами головы змеи или всей ее головы [28, с. 192].

Образы хищников менее характерны для изобразительной традиции носителей культуры склеповых сооружений Центрального Предкавказья, чем сюжеты с птицами и копытными – 3 экз.

Следует отметить образ, явно заимствованный из кобанских зооморфных изображений. Это фигуры хищников с широко раскрытой пастью, с оттянутой вниз нижней челюстью. Такие изображения часты на бронзовых топорах (Фаскау, Кобанский могильник и др.), а также на других предметах, например, на геральдической пластине из Кобани [25, рис. 3], навершиях мечей из погребения 19 могильника Гастон Уота [10, рис. 1, *4,5*] и др.

К числу предметов, оформленных подобным образом, происходящих из материалов гробниц, относятся голова фигурки льва из слоновой кости из Султановского склепа на горе Брык [19, рис. 88, *12*] и выше отмеченная загнутая лопасть железного Г-образного псалия из могильника Бучинка.

Фигурка льва из Султановского склепа представляет собой объемное изображение хищника. Судя по положению согнутых конечностей, лев показан в положении зверя, готовящегося к прыжку. Хвост обвивает бедренную часть задних конечностей. Нижняя челюсть резко отогнута вниз (часть верхней – утрачена) (рис. 1, *10*).

Как уже было отмечено, загнутая уплощенная часть псалия из района склепового могильника Бучинка представляет собой контурное изображение головы хищника (волка?) с отогнутой вниз нижней челюстью (рис. 1, *9*). Волчий контур головы образован посредством обрезания пластины, имевшей первоначально подпрямоугольную форму. В результате часть лопасти, соединяющаяся с восьмерковидным утолщением – голова хищника, получила подромбическую форму. Посредством секторальных вырезов с трех сторон оконечности загнутой лопасти оформлен профиль челюстей волка. Внутренне пространство пластины орнаментировано. В резной – штриховой – манере показан округлый глаз. Верхняя и нижняя челюсти оформлены двумя птичьими головками.

Оформление челюстей хищников, а также нижней части головы копытных животных в виде птичьих (грифоньих) головок – прием, характерный для скифского звериного стиля IV в. до н.э. Северного Кавказа и Северного Причерноморья (окрестности г. Кисловодска; мог. Нартан-II, кург.1; ст. Кужорская; Солоха) [14, с. 98, № 31]. Судя по упрощенной схеме изображений псалий, скорее всего, можно датировать III в. до н.э.

Особо следует отметить образ хищника № 3. Это железное навершие кинжала, выполненное техникой ковки в форме пантеры, припавшей к земле, обнаруженное при исследовании южной оконечности курганной каменной насыпи вокруг склепа «Каменная могила» (рис. 3, А, *1*).

Пасть пантеры (?) слегка приоткрыта. Частично сохранились клыки. Верхняя часть морды покатая с закруглением на месте ноздрей. По абрису челюстей и передней части морды прослеживается лотосовидный завиток. Сегментовидные глаза сверху и по затылочной части обрамлены рельефными полукруглыми ушами. От головы в противоположную сторону отходит

остролистный отросток (грива?), слегка загнутый к верху. Он декорирован тремя нарезными параллельными, направленными к выступающему углу гривы (?) насечками, которые разделены вертикальными выемками на 5-6 рельефных прямоугольников. Туловище декорировано косыми насечками, видимо, имитирующими ребра животного. Бедренные части сверху показаны округлыми рельефными валиками, декорированными с профильной стороны спиралевидными завитками. Задняя конечность, соединенная с углом сгиба передней, оконтуривают подтреугольную выемку между туловищем и конечностями. Посредством косых вырезов выделены пальцы лап пантеры. Лапы опираются на постамент подпрямоугольной формы.

При внимательном рассмотрении изобразительных особенностей трактовки образа данного хищника наблюдается целый ряд деталей, сближающих находку из склепа «Каменная могила» с подобными изображениями на концах золотых гривен из знаменитого Казинского клада первой половины III в. до н.э. (юго-восточнее г. Ставрополя): слегка приоткрытая пасть, округлое ухо, поза припавшего к земле хищника, грива, показанная в форме отростка, направленного от головы в противоположную сторону, косые насечки на туловище, декорирование бедер спиралевидными завитками и др. (рис. 3, А, *2,3*). Е.Ф. Королькова обратила внимание на сходство ставропольских находок с изображениями из памятников Южного Приуралья и Южной Сибири (1-й Филипповский курган; Уландрык I, кург. 12; Уландрык II, кург. 7; Уландрык IV, кург. 2; 2-й Пазырыкский кург.) (рис. 3, А, *4-6*). На этом основании исследователь связывает распространение в Предкавказье золотых украшений с концами, оформленными в зверином стиле, с притоком на Северный Кавказ новых групп кочевого населения с востока. По мысли автора, носителями этих импульсов были кочевники Южного Приуралья и Южной Сибири [6, с. 107, 110, рис. 5]. Скорее всего, кроме отмеченной пантеры из склепа «Каменная могила» в контексте контактирования с инородной племенной группой (сирматы (?), исидоны?), возможно, пришедшей в Предкавказье из района низовьев Дона (в Подонье – из Южного Приуралья), следует рассматривать и упомянутую выше находку при исследовании склепа на горе Верблюд – меча с перекрестьем в виде двух головок грифона.

Таким образом, в развитии зооморфных изображений в декоративно-прикладном искусстве носителей культуры склеповых захоронений конца IV–I в. до н.э. прослеживаются четыре основных тенденции:

1) отказ от центрально-предкавказских и прикубанских традиций скифского звериного стиля, сопровождающийся, с одной стороны, деградацией ранее излюбленных образов, а с другой – заменой их сюжетами, характерными для кобанского искусства;

2) хотя сохраняющиеся (или импульсные?) связи с другими регионами (Подонье и др.) направляют в Центральное Предкавказье незначительный поток готовых сформированных зооморфных образов (перекрестие мечей в виде геральдического изображения головок хищных птиц или грифонов; припавший к земле хищник с гривой и др.), видимо, их использование было кратковременным и не привело к созданию подобных местных сюжетных линий (исключением следует считать образ припавшей к земле пантеры с приоткрытой пастью, в определенной мере использованный в композиции шествующих зверей, декорирующей концы местных браслетов II–I вв. до н.э.);

3) сохранение устоявшихся форм предметов, характерных для скифской культуры и обязательное их декорирование (например, предметы конской упряжи), видимо, связанное с усилением их апотропеических функций; при этом наблюдается ренессанс в привлечении в качестве их оформления традиционных кобанских образов (ушастый длинноносый зверь с хвостом птицы; хищник с резко оттянутой вниз челюстью; сидящая птица);

4) деградация изображений объясняется схематизацией и упрощением образов (отказ от важных деталей или их рудиментарное изображение; превращение птичьих головок в змеевидные отростки; редуцированный подход к выстраиванию композиции и др.), видимо, под влиянием затухания традиций собственно скифского искусства, а также в связи с массовым использованием железных изделий, выполняемых техникой ковки, препятствующей развитию разнообразия декоров.

Источники и литература

1. *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М.: Наука, 1993. 238 с.

2. *Виноградов В.Б.* Клад второго Бельтинского могильника // Краткие сообщения Академии наук СССР. Ранний железный век. Вып. 186. М.: Наука, 1986. С. 84–87.

3. *Исмагилов Р.Б., Скарбовенко В.А.* Новые находки савроматского оружия в междуречье Волги и Урала // Средневолжская археологическая экспедиция: Межвузовский сборник. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского государственного университета, 1977. С. 77–92.

4. *Козенкова В.И.* Исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: ОНТИ ИНЦ РАН, 1996. 162 с.

5. *Козенкова В.И.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. Свод археологических источников России. Вып. В 2–5. М.: ИФПБ РАН, 1998. 165 с.

6. *Королькова Е.Ф.* Кубанский звериный стиль и его восточные аналогии // Археологический сборник. Вып. 35. СПб.: Изд-во ГЭ, 2001. С. 91–112.

7. *Кудрявцев А.А., Прокопенко Ю.А., Черкасов В.Н.* Итоги изучения кургана № 2 могильника № 2 Татарского городища // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VI «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (г. Ставрополь, 24–26 апреля 2003 г.). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. С. 18–32.

8. *Медведев А.П.* Ранний железный век Лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тыс. до н.э.: Монография. М.: Наука, 1999. –159 с.

9. *Мелюкова А.И.* Вооружение скифов. Свод археологических источников СССР. Вып. Д. 1–4. М.: Наука, 1964. 286 с.

10. *Мошинский А.П.* Кобанский воин-всадник // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VI «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (г. Ставрополь, 24–26 апреля 2003 г.). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. С. 40–44.

11. *Прокопенко Ю.А.* Налобные, нащечные и нагрудные пластины конского убора из памятников Северного Кавказа V – начала II вв. до н.э. и их аналоги в комплексах Северного Причерноморья // Проблемы истории археологии Украины: Материалы V международной научной конференции, посвященной 350-летию г. Харькова и 200-летию Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (4–6 ноября 2004 г.). Харьков: Изд-во Харьковского национального университета, 2004. С. 38–40.

12. *Прокопенко Ю.А.* Типы вооружения из гробниц склеповых могильников Центрального Предкавказья второй половины I тыс. до н.э. // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий: юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: тезисы докладов. Владикавказ: СОИГСИ, 2008. С. 296–299.

13. *Прокопенко Ю.А.* Особенности предметов конской упряжи из гробниц склеповых могильников Центрального Предкавказья второй половины IV – начала II в. до н.э. // Пятая Кубанская археологическая конференция: материалы конференции. Краснодар: ГУЗ МИАЦ, 2009. С. 313–317.

14. *Прокопенко Ю.А.* Новые находки скифского звериного стиля из памятников Центрального Предкавказья V–IV вв. до н.э. // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь: ООО «Апрель», 2009. Вып. 1. С. 7–33.

15. *Прокопенко Ю.А.* К вопросу о конструктивных особенностях гробниц склеповых могильников Центрального Предкавказья кон. IV – I в. до н.э. // Новейшие открытия в археологии

Северного Кавказа: исследования и интерпретация: XXVII Крупновские чтения: Материалы Международной научной конференции (Махачкала, 23–28 апреля 2012 г.). Махачкала: Издательский дом «Мавраев», 2012. С. 218–220.

16. *Прокопенко Ю.А.* К вопросу о характерных особенностях центрально-предкавказского варианта звериного стиля в III–I вв. до н.э. // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь: Графа, 2012. Вып. 4. С. 38–52.

17. *Прокопенко Ю.А.* Материалы гробницы, раскопанной А.П. Глушковым в 1965 г. на ул. Орджоникидзе (г. Ставрополь) // Историко-археологический альманах. Армавир – Краснодар – Москва: ИА РАН, 2013. Вып. 12. С. 90–104.

18. *Прокопенко Ю.А.* Об особенностях керамического комплекса склеповых захоронений кон. IV – III в. до н.э. Центрального Предкавказья // Седьмые Прозрителевские чтения: Сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции (22–23 ноября 2012 г.). Ставрополь: Ставролит, 2013. С. 172–178.

19. *Прокопенко Ю.А.* Скифы, сарматы и племена кобанской культуры во второй половине I тыс. до н.э.: Монография. Т. I. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. 444 с.

20. *Прокопенко Ю.А.* Скифы, сарматы и племена кобанской культуры во второй половине I тыс. до н.э.: Монография. Т. II. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014а. 774 с.

21. *Прокопенко Ю.А.* Социальная организация носителей культуры склеповых захоронений кон. IV – I в. до н.э. по материалам могильников Ставропольской возвышенности и района Кавминвод // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа: XXIX Крупновские чтения: Материалы Международной научной конференции (Грозный, 18–21 апреля 2016 г.). Грозный: ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», 2016. С. 168–170.

22. *Прокопенко Ю.А., Рудницкий Р.Р.* Железная конская узда позднескифского времени из кургана «Каменная могила» близ Железноводска // Из истории народов Северного Кавказа: сборник научных статей. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. Вып. 4. С. 6–12.

23. *Прокопенко Ю.А., Рудницкий Р.Р., Фоменко В.А.* Склеповые сооружения эпохи раннего железного века района Кавминвод // Из истории народов Северного Кавказа: сборник научных статей. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. Вып. 3. С. 7–31.

24. *Рудницкий Р.Р., Фоменко В.А.* Археологические памятники у г. Верблюд. Пятигорск: Спецпечать, 2005. 87 с.

25. *Скаков А.Ю.* Орнаментированные топоры могильника Фаскау в Северной Осетии // Древности Северного Кавказа. М.: Наука, 1999. С. 273–278.

26. *Туаллагов А.А.* Об одном редком типе орнаментации средневековых аланских зеркал // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь: Графа, 2010. Вып. 2. С. 33–37.

27. Шедевры древнего искусства Кубани: Каталог выставки. М.: Внешторгиздат, 1987. 188 с.

28. *Яценко С.А.* О сармато-аланском сюжете росписи в пантикапейском «склепе Анфестерия» // Вестник древней истории. 1995. № 3. С. 188–194.

Подписи к иллюстрациям:

Рис. 1. Изображения птиц и хищников из гробниц склеповых могильников Центрального Предкавказья конца IV – I в. до н.э. (1–4 – южная пола каменной насыпи вокруг склепа № 1 могильника № 2 Татарского городища – южные окрестности г. Ставрополя; 5, 11 – склеп Кабангора – окрестности г. Кисловодска (по: Абрамова, 1993, рис. 29, 53); 6, 9 – район могильника Гремучка II; 7 – склеп № 2 могильника Волчий ручей II – южные окрестности г. Ставрополя; 8 – склеп на северо-западном подножии западной вершины г. Верблюд (по: Рудницкий, Фоменко, 2005, рис. 10, *1*); 10 – склеп на горе Брык; 12 – гробница, раскопанная А.П. Глушковым в 1965 г. на ул. Орджоникидзе (г. Ставрополь) (10 – кость, 11, 12 – бронза, остальные – бронза);

Рис. 2. Изображения ушастого зверя с вытянутым носом и птичьим хвостом из склепа «Каменная могила» и аналогии им из памятников Центрального Предкавказья IV – III вв. до н.э. (1–3 – склеп «Каменная могила»; 4 – могильник Индустрия, погребение 7/14 (по: Козенкова 1998: табл. XII, *19*); 5 – Бельтинский клад (по: Виноградов, 1986, с. 85, рис. 5); 6 – окрестности г. Кисловодска) (4–6 – бронза, остальные – железо);

Рис. 3. Изображения хтонических животных на предметах из гробниц склеповых могильников Центрального Предкавказья:

А – изображение хищника из склепа «Каменная могила» и его аналогии из памятников Центрального Предкавказья, Южного Приуралья и Алтая (1 – склеп «Каменная могила»; 2–3 –

Казинский клад (по: Королькова, 2001, рис. 103, рис. 5, *1, 2*); 4 – 2-й Пазырыкский курган (по: Королькова, 2001, с. 103, рис. 5, *10*); 5 – Уландрык 1, кург. 12; 6 – Уландрык II, кург. 7; 7 – Уландрык IV, кург. 2 (по: Королькова, 2001, с. 103, рис. 5, 6, 7, 8);

Б – изображения головок змей на концах браслетов из склепов конца IV – I в. до н.э. (1–2 – гробница, раскопанная А.П. Глушковым в 1965 г. на ул. Орджоникидзе – г. Ставрополь; 3–4 – склеп у п. Быкогорка – окрестности г. Железноводска) (А: 1 – железо, 2–3 – золото, 4 – татуировка; 5–7 – дерево; Б: 1–4 – бронза).

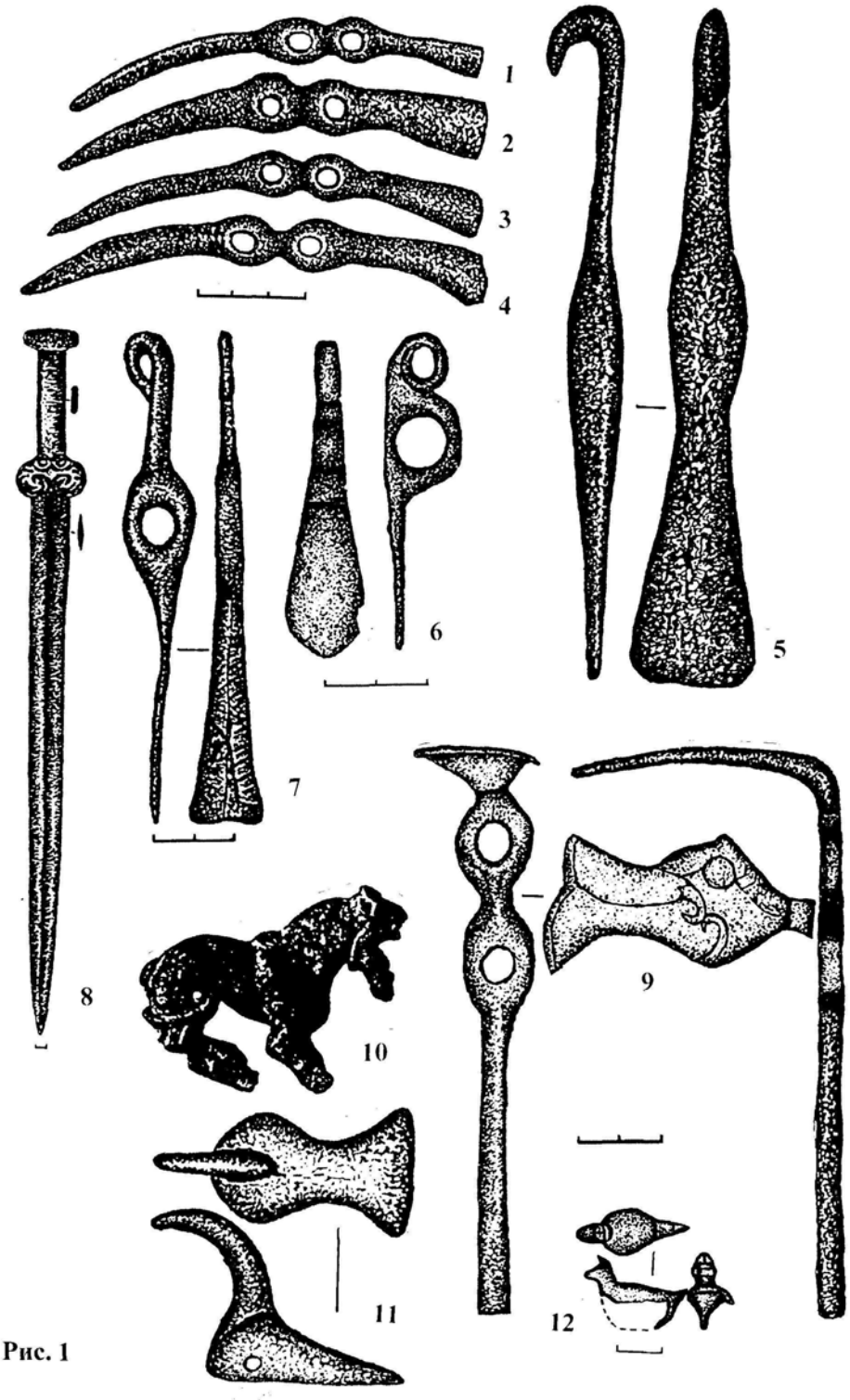


Рис. 1

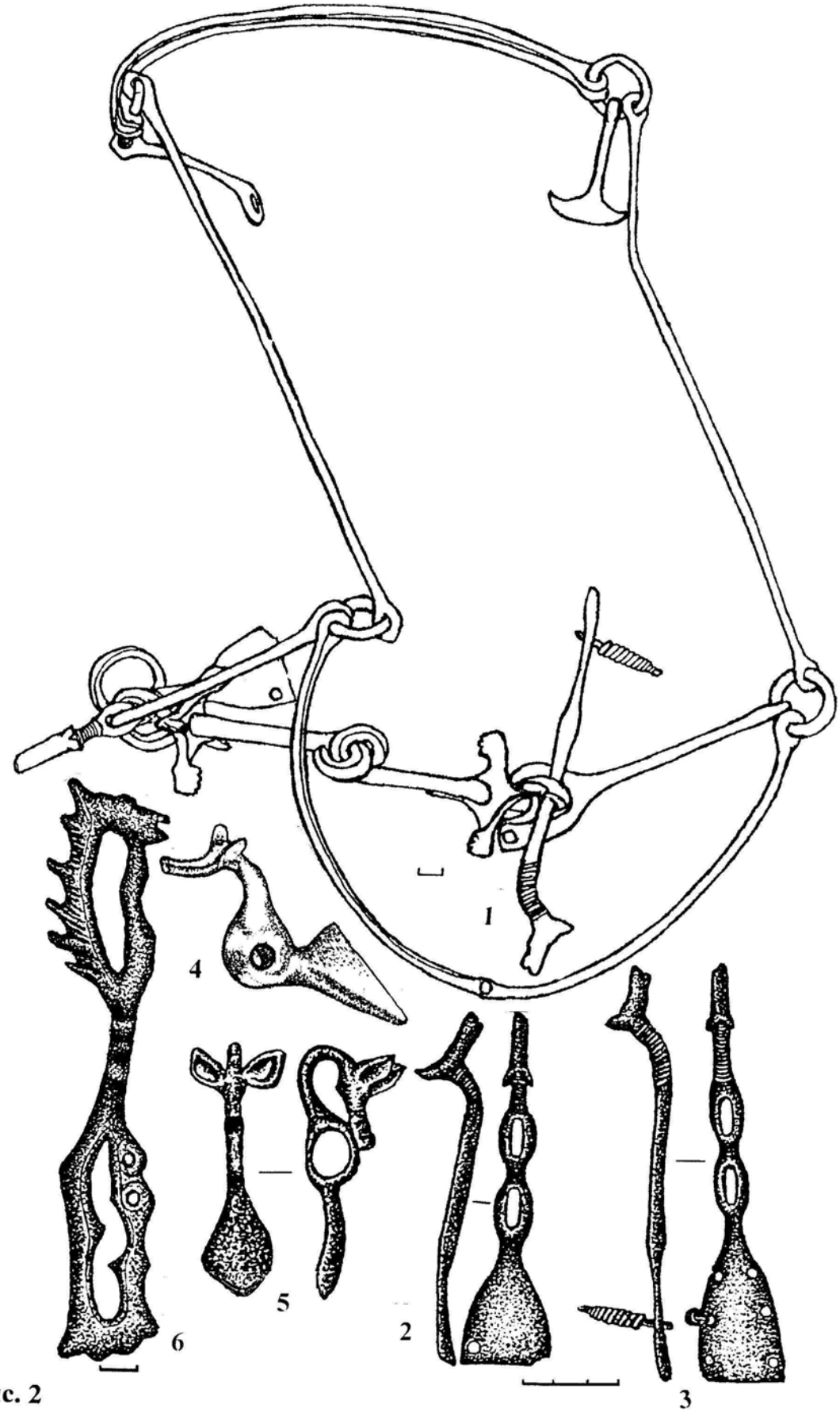


Рис. 2

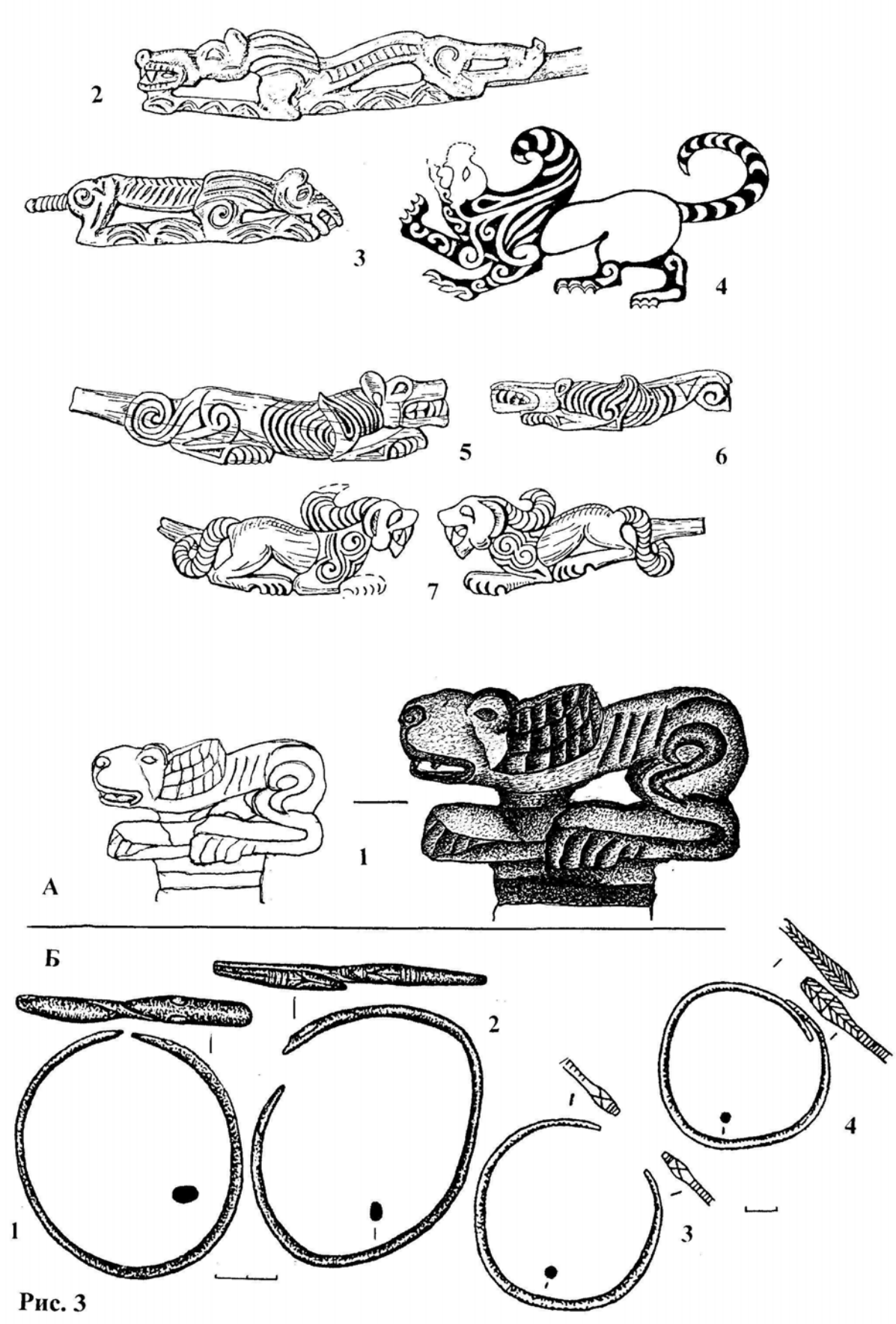


Рис. 3

В.Т. Чшиев

КОНТАКТЫ НАСЕЛЕНИЯ КАВКАЗА, ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ И СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ – РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

(По материалам памятников кобанской археологической культуры на территории РСО – Алания)

Аннотация. В статье, на основе систематизации импортных предметов в памятниках кобанской культуры, располагавшихся в местах с выгодными географическими и стратегическими условиями рельефа, реконструируются древние торговые и военные пути, проходившие через ущелья и перевалы Главного Кавказского хребта на территории современной Северной Осетии. На примере конкретных артефактов, характерных для инокультурных племен, населявших сопредельные регионы (Северное Причерноморье, Закавказье, Передняя Азия), но найденных в могильниках и поселениях кобанской культуры РСО – Алания, рассматриваются векторы военно-торговых связей. В частности, урартские (в том числе с клинописной надписью) и ассирийские шлемы маркируют южное или юго-западное направление этих связей. Некоторые типы кобанских украшений, посуда, предметы конской узды, найденные в памятниках Северного Причерноморья и Поднепровья, свидетельствуют о северо-восточном векторе связей кобанской культуры в эпоху поздней бронзы – раннего железа.

Ключевые слова: транскавказские перевальные пути в древности, экономические связи народов Передней Азии, Кавказа и Северного Причерноморья в эпоху поздней бронзы – раннего железа, кобанская археологическая культура.

V.T. Chshiev

CONTACTS OF POPULATION OF THE CAUCASUS, THE NEAR EAST AND THE NORTHERN BLACK SEA REGION IN THE LATE BRONZE AGE – EARLY IRON AGE

(on the materials of the monuments of the Koban archaeological culture in the Republic of North Ossetia – Alania)

Abstract. There are reconstructed the ancient trade and military routes through the gorges and passes of the Main Caucasian Range in the territory of modern North Ossetia. The research is based on systematization of imported items of Koban culture, located in places with advantageous geographical and strategic conditions of relief. On the example of specific artifacts that are typical for other tribes inhabited adjacent regions (Northern Black Sea Coast, Transcaucasia, and Near East), but found in burials and settlements of the Koban culture of North Ossetia – Alania, there are considered military-trade relations. In particular, Urartian (including cuneiform inscription) and Assyrian helmets mark the south or south-west direction of these relations. Some types of Koban jewelry, dishes, horse harness that were found among the monuments of the Northern Black Sea and the Dnieper region, indicate the northeast direction of Koban culture relations in the Late Bronze and Early Iron Ages.

Key words: Transcaucasian alpine roads in antiquity, economic relations of

the peoples of the Near East, the Caucasus and the Northern Black Sea coast in the Late Bronze and Early Iron Ages, the Koban archaeological culture.

Рассмотрение Кавказа с точки зрения трансграничного, транскультурного региона, неоднократно становилось темой исследования ученых – археологов-кавказоведов и востоковедов в конце XIX – начале XXI вв. (61, 39, 38, 9, 6, 12, 15–17, 5, 48, 49, 27, 28, 32–34, 59, 60, 24, 40, 44, 41, 52–55, 2, 21, 34 и др.) Одна из последних работ на эту тему – монографическое исследование В.И. Козенковой «Кобанская культура и окружающий мир» (М.: ТАУС, 2013), в котором на обширном археологическом материале (выборка из 325 типов и модификаций изделий) прослеживаются векторы связей, взаимоотношений, взаимовлияний кобанской культуры с окружающим миром. Значительное место в исследовании В.И. Козенковой отведено прояснению вопроса о контактах племен кобанской культуры с населением Закавказья, Передней Азии, Северного Причерноморья. В частности, автор рассматривает бронзовые кельты из района Чегемского моста и Упорной в качестве прямых импортов с территории Северного Причерноморья и Подунавья [34, с. 132–135]. В.И. Козенкова связывает эти находки с бытованием одного из трех реконструируемых ею древних караванных транскавказских путей, проходившего «по берегу Кубани в сторону Тамани и далее через Крым по низовьям междуречья Днепра и Днестра к устью Дуная» [34, с. 132]. Отметим, что оба вышеупомянутых памятника находятся вблизи от западнокавказских перевалов. Важное значение для дальнейшего исследования этого направления имеют публикация и произведенный А.В. Пьянковым и В.П. Пономаревым научный анализ бронзового кельта, типичного для Подунавья и степей Восточной Европы, но найденного на Западном Кавказе, у г. Абинска [51, с. 18–19].

Функционирование «кавказского моста» между народами Передней Азии, Ближнего Востока и севера Евразии осуществлялось через транскавказские перевалы, расположенные на территории Осетии – Алании, или сопредельные к ней: Рокский, Мамисонский, Гебеафцаг, верхнюю часть Дарьяльского ущелья, ведущего к Крестовому перевалу и несколько менее выгодных в транспортном смысле перевалов – Гурзиафцаг, Дзедо, Бахфандаг, Козский, Кударский, Кутх. Археологические материалы, найденные на территории РСО – Алания, свидетельствуют о достаточно интенсивных экономических и, вероятно, военно-политических связях местных племен в рассматриваемое время с инокультурными этническими массивами, располагавшимися как к югу от них, так и к северу и северо-западу.

На финальном этапе поздней бронзы и до конца раннежелезного века кобанская культура Кавказа переживала эпоху своего расцвета. Памятники кобанских племен от самых северных границ ареала центрального варианта ее обитания – Моздок, Комарово – до южной границы – Осприси, Кливан и др. активно развивались. Расширялась их территория, активно действовали металлургические, керамические и другие производственные центры. Экономические и военно-политические связи племен кобанской культуры в этот период активно развивались. Это касается как южного направления – Закавказье, Иран, Урарту, Ассирия, так и северного – Поволжье, Подонье. Особенно активно, на наш взгляд, функционировали связи с Северным Причерноморьем. Маркерами этих векторов связей выступают

на Кавказе как кобанские вещи, найденные на территории инокультурных памятников, так и импорты. В частности, активные контакты прослеживаются по этому показателю с населением Северного Причерноморья, Крыма, и даже среднего Поднепровья. Важную роль в развитии связей между Кавказом и Северным Причерноморьем в рассматриваемую эпоху играл высокий уровень развития металлургии и металлообработки племен кобанской культуры. Артефакты, типичные для кобанской археологической культуры, но обнаруженные в инокультурных памятниках, указывают на древние пути, по которым в том или ином виде распространялась кобанская бронза. Рассмотрим некоторые параллели в материальной культуре кобанских, северопричерноморских, поднепровских племен, а также находки, показывающие вектор южных связей кобанской культуры.

1. Керамические и бронзовые миски, близкие по форме фиалам

В погребении № 4 Николаевского могильника кобанской культуры в 2011 году нами была найдена глубокая лощеная миска с округлым плечом и плавно отогнутым коротким венчиком (рис. 1, *1*). Николаевский могильник расположен вблизи от южного «портала» Эльхотовских ворот – короткого ущелья, пробитого р. Терек в гряде Кабардино-Сунженского хребта. Проход через эти «ворота» по долине р. Терек открывает пути к нескольким главным транскавказским перевалам, по которым в древности и в настоящее время осуществляется наиболее удобное транспортное сообщение с Закавказьем, Передней Азией, юго-восточным Причерноморьем.

Миски рассматриваемого типа, по классификации В.И. Козенковой тип «и» (для древностей западного варианта) и тип XV (для восточного), широко представлены в материалах кобанской культуры [26, с. 79; 30, с. 98]. Но наиболее массово распространены в памятниках западного варианта. По подсчетам В.И. Козенковой, там эта форма составляет более 40% от общего числа мисок [30, с. 49]. Распространены они в памятниках кобанской культуры с 10-9 вв. до н.э. (Верхний Кобан, Уллубаганалы-2, Ессентукское, Этокское поселения), по 6-4 вв. до н.э. (Исти-су, Нестеровский, Аллероевский могильники) [26, с. 79]. В материалах кобанской культуры миски такой формы широко представлены также и в бронзе (Верхнекобанский, Тлийский, Терезинский, Султангорский 1 могильники [26, с. 21, рис. 5, *16*; 30, с. 198, табл. XLII, *1*; 32, с. 184, табл. 15, *9–10*, с. 185, табл. 16; 59, с. 393, табл. 103, *1*; с. 404, табл. 114, *1*; с. 408, табл. 118, *1*; с. 430, табл. 140, *1*].

Абсолютно аналогичная миска, бронзовая, а не глиняная,была найдена в лесостепной зоне Северного Причерноморья среди предметов Зелевкинского клада 9-8 вв. до н.э., на территории распространения чернолесской культуры (рис. 1, *2*). [11, с. 174, рис. 122, *1*]. Не вызывает сомнения, что данная миска – кобанская, иявляется импортом с Северного Кавказа.

2. Керамическая плошка «северопричерноморского» типа из поселения у с. Комсомольское

Комсомольское поселение находится на северной экспозиции Сунженского хребта, вблизи от восточной части северного входа в Эльхотовские ворота. Этот кобанский бытовой памятник находится на границе центрального и восточного вариантов культуры, что делает его изучение весьма перспективным в плане уточнения важных межлокальных взаимоотношений

внутри ареала собственно кобанской культуры. Кроме того, исследование этого поселения важно с точки зрения прояснения вопроса об основных торгово-стратегических пунктах кобанской культуры (сезонных «ярмарках», крупных поселениях на стратегических торговых трактах и др.), функции одного из них, судя по его выгодному расположению и большой территории, мог выполнять данный памятник.

Глиняная плошка, найденная на Комсомольском поселения (рис. 1, *7*), относится к немногочисленным пока находкам столовой посуды своеобразной формы – овальным в плане небольшим мискам, единичные экземпляры которых (три целых предмета) до настоящего времени были известны лишь «из слоя и ям в помещении XI близ керамической мастерской № 1» Сержень-Юртовского поселения восточного варианта культуры [31, с. 29, рис. 71, *2–5*; 26, с. 77, табл. LI, *7*]. Находки овальных блюд («рыбниц») среди материалов Сержень-Юртовского поселения связывают с контактами между сержень-юртовскими кобанцами и племенами белозерской культуры Северного Причерноморья и кизил-кобинской культуры Крыма [31, с. 35]. Единичность случаев находок данной категории предметов не только для ареала кобанской культуры (Сержень-юрт, Комсомольское), но и для Кавказа в целом, на данном этапе исследования подтверждают тезис о привнесенном характере этой своеобразной формы посуды и могут свидетельствовать о весьма удаленных культурных контактах населения восточного побережья Крыма с Восточным Предкавказьем.

3. Бронзовые биконические витые пронизи

В двух женских погребениях Эльхотовского могильника (центральная часть «Эльхотовских ворот») в процессе археологических исследований нами были найдены несколько биконических бронзовых витых пронизей (рис. 1, *4–5*). Подобные пронизи выступали в роли разграничителей сложносоставных женских украшений или в качестве отдельных привесок-украшений, или бус. По классификации В.И. Козенковой, для восточного варианта данные украшения отнесены к разделу бус VIII типа. Здесь они характерны для памятников района смешения центрального и восточного вариантов культуры (могильники у с. Кескем, Пседах, Ахлово) [26, с. 62; 30, с. 49]. На территории западного варианта они известны в Терезинском могильнике [28, с. 182, табл. XXVI, *2–3*]. В целом, данные пронизи / бусы типичны для материалов кобанской культуры всего ареала начала 1 тыс. до н.э., и доживают до 8-7 вв. до н.э. В погребении № 38 одна пронизь находилась в области груди вместе с бусами. В погребении № 69 пять подобных привесок-пронизей входили в состав сложного нагрудного украшения вместе с бусами и привесками других типов.

Абсолютно аналогичные кобанские бронзовые пронизи были найдены среди предметов вышеупомянутого Зелевкинского клада в Северном Причерноморье (рис. 1, *3*) [11, с. 174, рис. 122, *3*].

4. Бронзовые ситулы и кружки с зооморфными ручками

Одной из типичных категорий кобанской посуды классического периода являются бронзовые кованые ситулы и кружки с одной или двумя зооморфными ручками. Они представлены в материалах как горных, так и предгорных памятников культуры. Заметна бесспорная северная и северо-западная направленность вектора распространения

данного типа кобанских сосудов. Это подтверждается большим числом их находок в Прикубанье, районе Краснодара, Ставрополя, Украины, вплоть до среднего течения Днепра, в памятниках как предскифского («киммерийского»), так и собственно скифского времени [38, с. 131; карта на рис. 10]. В предскифское и раннескифское время рассматриваемые бронзовые сосуды становятся массовым типом посуды кобанской культуры (только в погребениях Тлийского могильника общее количество бронзовых сосудов, преимущественно рассматриваемого типа, достигает 200 экземпляров), что подразумевает большой объем их экспорта кобанцами в скифо-сарматскую культурную среду. Аналогичные кружки были нами найдены и при раскопках обширного Адайдонского некрополя, расположенного на пути, ведущем к Рокскому и Мамисонскому перевалам, в горной части Северной Осетии – Алании [57, с. 85]. Престижность и красота данного типа сосудов способствовали их распространению к соседям кобанцев [62, с. 97–99].

Так, находки подобных ситул и кружек известны в памятниках раннежелезного века Северного Причерноморья (Жаботинское поселение, могильник Квитки (рис. 1, *6*) и Прикубанья (Келермес), как в киммерийское время (Квитки), так и в раннескифское (Келермес) [18, с. 217, рис. 106, *47*; 10, с. 62, 64, рис. 87–88].

5. Двукольчатые бронзовые удила «новочеркасского» типа

В мужском воинском погребении № 60 Эльхотовского могильника нами были найдены бронзовые двукольчатые удила «ночеркасского» типа в сочетании с роговыми псалиями (рис. 2, *1*) [64, с. 53–88; рис. на с. 83, *9–10*].

Только в ареале центрального варианта кобанской культуры, на территории 18 памятников (поселений, могильников, кладов), обнаружено более 60 предметов от разнообразных типов конской сбруи. Примечательно, что «большая часть узды происходит с северного склона, причем более половины с территории Северной Осетии» [28, с. 59]. Из них большая часть кобанских бронзовых жестких уздечных комплектов «новочеркасского» периода, со временем постепенно модифицируясь, получила позднее широкое распространение в среде скифских племен. Большинство вариантов уздечных наборов «новочеркасского» типа составляет комплекс, который, по мнению С.Л. Дударева, «складывался в сфере кобанской культурно-исторической области» [17, с. 170]. Он не только был заимствован и модифицирован степными племенами скифского культурного круга, но и, в результате мобильности последних, был занесен и передан другим племенам, часто значительно отдаленным от Кавказа: в Северное Причерноморье (рис. 2, *2, 5–8*) и Подунавье [65, с. 19–33; 3, с. 45–47; 13, с. 11, 39].

6. Уздечный комплект с S-видными псалиями

Оригинальным типом узды, появившимся на Кавказе раньше, чем в регионах, расположенных от него к северу и северо-западу, является конский комплект, найденный в верховьях р. Ардон в 2007 г. При раскопках Адайдонского некрополя кобанской культуры в Зарамагской межгорной котловине Северной Осетии – Алании, в гробнице № 37 нами было исследовано воинское захоронение, сопровождавшееся всадническим уздечным набором строгого типа [63, с. 170–175]. Он представляет собой однокольчатые бронзовые удила с напускными

S-видными бронзовыми псалиями, концы которых оканчиваются зооморфными украшениями (рис. 2, *3–4*; фото 4). Несколько более позднего времени бронзовый S-видный псалий, концы которого оканчиваются головами хищников, был обнаружен у с. Галиат в Ирафском районе РСО – Алания [7; 38, с. 436, табл. XIV, *4*]. В Галиате, наряду с типичными для скифского времени бронзовыми псалиями, оканчивающимися головками баранов, или «грифобаранов», был найден бронзовый псалий с концами в виде изображения собаковидного животного в традиционном кобанском художественном стиле [38, с. 436, табл. XIV, *4–6*].

Еще один бронзовый S-видный псалий с зооморфными концами (рис. 2, *10*), также более позднего времени, был найден в районе предгорий Северной Осетии – Алании (коллекция Г.А. Вертепова, фонды Национального Музея РСО – А) (37, с. 142, рис. 42, *3*; 7, рис. 7, *5*).

Однокольчатые удила с большими круглыми внешними кольцами, мундштучная часть которых соединена друг с другом посредством загибания концов, сопряженные с напускными псалиями, концы которых украшены скульптурными изображениями кошачьих хищников, характерны для стран Передней Азии и Южного Закавказья уже в ранние периоды позднебронзовой эпохи, с 13 в. до н.э. Широко представлены в данном регионе напускные бронзовые S-видные псалии в 10 в. до н.э. [18, с. 147, 186–187, 190].

Несмотря на простоту изготовления и удобство, этот тип удил не получил широкого распространения в кобанской культуре. Но, как отмечалось выше, массово встречается в позднебронзовых памятниках Передней Азии и Закавказья. Удила такого типа из Луристана, снабженные чрезвычайно близкими адайдонским напускными псалиями, но с головками львов на концах, датированы Л. Ванден-Берге IX-VIII вв. до н.э. [4, с. 84, рис. 222]. Такие же удила со стержневидными трехдырчатыми псалиями найдены в могильнике Марлик [18, с. 147, рис. 68, *6*]. Несколько удил данного типа с разными вариантами псалиев происходят из Мелаани в Восточной Грузии, могильника Трели (Тбилиси), некрополей Димац (Кировокан), Калакент (Кировабад), кургана 1 у с. Арчадзор. В целом, А.И. Иванчик датирует подобные удила временем не позднее VIII в. до н.э. [18, с. 147, 186–187, 190, 193, рис. 89, *9, 12, 17, 18, 19–24*; с. 92]. Аналогичные удила с бронзовыми напускными псалиями из Хасанлу IV В (Иран) И.Н. Медведская связывает с упряжью колесниц, датируя серединой VIII в. до н.э.

Еще раз отменим, что рассматриваемый уздечный комплекс из Адайдона, типологически являясь дериватом переднеазиатских прототипов, где найдены наиболее ранние экземпляры подобных комплектов, изготовлен здесь, на месте, кавказскими мастерами.

Таким образом, в узде из Адайдонского могильника мы имеем дело с одной из наиболее ранних находок (не позднее 8 в. до н.э.) S-видных псалий с зооморфными окончаниями на территории Центрального и Северного Кавказа, а также юга России. Позднее мы видим S-видные псалии, снабженные зооморфными окончаниями близкого типа уже севернее, в предгорьях РСО – Алания (псалий из фондов Национального Музея РСО – А). В дальнейшем, на наш взгляд, этот тип узды, спустя 50-100 лет, встречается в Прикубанье, Северном Причерноморье и в скифских памятниках Северного Предкавказья (рис. 3, *5–9*) [50, с. 152–156; 65, с. 11–12].

Узда рассматриваемого типа из Адайдонского могильника маркирует таким образом один из путей проникновения S-видных псалиев с зооморфным оформлением из Передней Азии через горнокавказские памятники кобанской культуры на Северный Кавказ, в Прикубанье и Причерноморье, к скифам и меотам, где они получают распространение уже в 6-5 вв. до н.э. [65, с. 11–12, рис. 3; 50, с. 152–156, рис. 6, *9*; 7].

Новые материалы Адайдонского могильника, расположенного вблизи от Мамисонского и Рокского перевалов Главного Кавказского хребта, свидетельствуют, таким образом, о весьма активных связях между населением Передней Азии и Кавказа в древности.

Кроме того, рассмотренная выше новая находка уздечного комплекта переднеазиатского типа с S-видными псалиями в погребальном комплексе Адайдонского могильника еще раз подтверждает мнение А.А. Иессена о ведущей роли Передней Азии в формировании некоторых типов металлической узды предскифского времени [20, с. 49–110]. Соответственно, территория кобанских племен являлась районом творческой переработки и ретрансляции восточных культурных импульсов в Степь и Северное Причерноморье.

Также наличие вектора связей Передняя Азия – Северный Кавказ для времени начала «киммерийских военных компаний в последней четверти VIII в. до н.э.» отмечает С.Б. Вальчак [2, с. 115]. Интересно, что такой же путь продвижения, но уже для технологии производства железа (Передняя Азия → Кавказ → Северное Причерноморье [металлургическая мастерская Уч-Баш в Крыму]) со ссылкой на В.Р. Эрлиха отмечает М.Т. Кашуба [22, с. 128].

7. Клювовидные секиры-клевцы и топоры-секиры с широким лезвием

На южный/юго-западный вектор связей кобанских племен, на наш взгляд, указывают и такие материалы, как новые находки бронзовых клювовидных секир – алебард и топоров-секир с широким сегментовидным лезвием из Адайдонского могильника.

Бронзовые секиры с расширенным дважды изогнутым корпусом и широкой закругленной рубящей частью (по классификации бронзовых топоров Кавказа, произведенной С.Н. Кореневским: типы Фаскау – 6 и Фаскау – 7) ранее были найдены и в конце 19 в. на западе Северной Осетии – Алании, в верховьях ущелья р. Урух, на кобанских могильниках Фаскау (у с. Галиат) и Верхняя Рутха (у с. Кумбулта). И Адайдонский могильник, как говорилось выше, и последние два кобанских некрополя расположены на пути и вблизи от транскавказских перевалов (Рокский, Мамисонский, Гебеафцаг).

Клювовидные бронзовые секиры образованы сочетанием двух предметов вооружения – топора-секиры и клевца (тип 2,16 или тип Фаскау 6 по классификации топоров эпохи бронзы Кавказа, произведенной С.Н. Кореневским). Они относятся к относительно немногочисленной на сегодняшний день серии предметов древнего кавказского вооружения [35, с. 29, рис. 7, *12–21*).

До 2007 г. предметы вышеописанного типа были найдены только в горной зоне Закавказья (Брили), Адыгее (Майкоп) и западной части Северной Осетии, в Дигории [1; 19; 28; 30; 35, 36 и др.] Единичная находка подобного типа предмета известна в Восточной Осетии, из района сел. Верхний Кобан. Однако ни в центральной части Осетии, ни на территории Южной

Осетии находок предметов данного типа, за всю более чем полуторавековую историю развития кобанской археологии Кавказа, ранее обнаружено не было. Вследствие этого определенный интерес представляют находки клювовидных секир в 2007 г. в гробницах Адайдонского могильника, расположенного в центральной части Осетии (рис. 3, *1–2*).

При прояснении генезиса формы этого типа вооружения наиболее близкие территориально и хронологически параллели клювовидным секирам Кавказа обнаруживаются в юго-западных областях современного Ирана, в материалах из коллективных каменных гробниц знаменитой Луристанской бронзы [4, с. 74, 75, ил. 202, 204, 205]. Здесь мы имеем ту же выемку внизу клина и сильно вытянутый вперед «клюв» топора. На иранский импульс, как на одну из причин появления клювовидных секир на Центральном Кавказе, указывает, на наш взгляд, наличие в археологических материалах Луристана бронзовых топоров начала II тыс. до н.э. [4, с. 72, ил. 200], форма лезвия которых близка лезвию раннекобанских топоров типа Фаскау-7. А последний, в свою очередь, встречается в археологических комплексах Центрального Кавказа вместе с бронзовыми клювовидными секирами. Адайдонские секиры-клевцы являются продукцией местных кавказских кобанских металлургов, но их форма, вероятно, заимствована в древности с территории Ирана. При этом прототипами секиры-клевца близкого типа, уже для иранских экземпляров, в свою очередь, могли быть топоры и секиры Восточного Средиземноморья и Анатолии эпохи ранней и средней бронзы.

Рассматриваемые предметы вооружения встречаются, как отмечалось выше, и в закавказских материалах [35, с. 29, 30; 42, фото 13], но не известны нам севернее Кавказа.

8. Ассирийские и урартские шлемы в памятниках кобанской культуры

На переднеазиатский вектор кобанских контактов, но для несколько более позднего времени, 9-8 вв. до н.э., указывают импорты бронзовых шлемов ассирийского и урартского типов, найденные в кобанских памятниках РСО – Алания (рис. 3, *1–2*). Это бронзовый шлем из Урарту, найденный у высокогорного осетинского села Кумбулта в материалах кобанского могильника Верхняя Рутха. На шлеме урартской клинописью выбито – «склад Аргишти» [18, с. 234, 241]. Т.е. шлем был изготовлен в Урарту, в правление царя Аргишти I (ок. 786–764 гг. до н.э.). При раскопках урартской крепости Кармир-Блур археологами был найден шлем абсолютно аналогичной формы и орнаментации (рис. 3, *2*) [18, с. 241]. Бронзовые шлемы ассирийского типа были найдены, кроме того, в материалах кобанских могильников, расположенных у селений Чми (Дарьяльское ущелье → транскавказский Крестовый перевал) и Галиат (перевалы Сардиафцаг, Казатафцаг, Мамисонский), и еще один – в гробнице уже упомянутого могильника у с. Кумбулта (перевал Гебеафцаг, ведущий из Дигорского ущелья РСО – Алания через Главный Кавказский хребет в Грузию) [18, с. 228–230].

9. Кинжалы «переднеазиатского» типа

Учеными-кавказоведами ранее неоднократно отмечались связи между Передней Азией, Закавказьем и Северным Кавказом, выявленные на основании находок кинжалов и мечей «переднеазиатского» типа [8; 14; 38;

41; 43; 45; 46; 47; 58; и другие]. Эта связь подтверждается нашими находками в Адайдонском могильнике нескольких кинжалов и мечей аналогичных, а также близких им по технике изготовления и форме экземпляров (рис. 3, *5–6*).

Таким образом, достаточно большое количество находок импортных вещей (или их реплик) в материалах кобанской культуры Северной Осетии – Алании, в том числе новых артефактов, обнаруженных на памятниках, тяготеющих к перевалам Главного Кавказского хребта, свидетельствуют о прохождении через территорию кобанских племен, в рассматриваемое время, транскавказских военных и экономических путей.

Эти пути могли функционировать как в качестве караванных или эстафетных торговых трактов, так и путей перемещения воинских контингентов, которые опосредованно могли влиять на местную культуру.

Находки предметов, маркирующих связи кобанских племен с сопредельными регионами, свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что по территории Северной Осетии – Алании транскавказские караванные пути, проходящие вблизи от кобанских поселений, расположенных в местах с выгодным географическим рельефом, пролегали следующим образом. На востоке Республики это – долина р. Терека, с выходом на Крестовый перевал, обозначенная кобанскими памятниками, материальная культура которых отмечена активным взаимодействием с инокультурными племенами Предкавказья и Северного Причерноморья. В среднем течении р. Терека – это поселения и могильники в г. Моздок, с. Комарово, ст. Змейская, с. Эльхотово, г. Владикавказ, с. Чми. Только у с. Эльхотово, расположенного при входе с севера в небольшое ущелье, пробитое Тереком в невысоком Кабардино-Сунженском хребте, на сегодня известно пять кобанских поселений. Далее, вероятно, путь пролегал в Дарьяльское ущелье и, пересекая Крестовый перевал, спускался в Закавказье.

В центре Северной Осетии – это долина и ущелье р. Ардон с притоками, выходящее на Рокский и Мамисонский перевалы, отмеченные такими памятниками, как Адайдонский могильник, Зарамагское поселение, могильники у селений Цамад и Архон. Перейдя указанные перевалы, путь вел в Закавказье, к Черному морю и в страны Передней Азии и Ближнего Востока. На западе республики этот путь пролегал по ущелью и долине Уруха, его притокам и вёл к перевалам Гебевцег и Гурзиафцаг. Этот тракт отмечен такими поселениями, как Среднеурухское, Николаевское, Дур-Дур 5, Карагасы-обау, Сауар, могильниками Николаевский, Догуй Хунта, у селений Кумбулта (В. Рутха), Галиат (Фаскау), Дзинага и др.

Для нашей темы важно также то, что, согласно мнению В.И. Козенковой, «пути связей культур Подунавья и Северного Кавказа в конце II тысячелетия до н.э. проходили именно по Нижнему Поднепровью и Приазовью...» [27, с. 30]. Прослеживая истоки обряда кремации в кобанской культуре Кавказа, В.И. Козенкова приходит к выводу, что данный элемент погребальной традиции проник на Центральный Кавказ из Подунавья во второй половине II тыс. до н.э. [Там же]. При этом характерно, что «...обряд кремации вкупе с нижнедунайскими типами оружия и украшений первоначально механически наслоился на обряд местной культуры самого конца II тысячелетия до н.э., представленной комплексами типа Беахни-куп (ущелье р. Терек. – Х.Ч.), Рутха (ущелье р. Урух. – Х. Ч.) и Терезе [27, с. 31].

Добавим, что аналогичный обряд – сочетание кремации и ингумации в каменных гробницах – зафиксирован нами на Адайдонском могильнике.

В конечном счете, центрально-транскавказский, «кобанский», путь, проходивший по ущельям и перевалам Северной Осетии – Алании, был, разумеется, не единственным. Но на наш взгляд, наряду, видимо, с Дербентским, Восточно-причерноморским и Западно-кавказским, проходившими через Каспийское побережье, по восточному побережью Черного моря и перевалы Западного Кавказа, он являлся одним из основных трактов, связывавших в рассматриваемое время Поднепровье, Северное Причерноморье, Северное Предкавказье и Поволжье с Закавказьем и Передней Азией. Добавим, что ряд ученых (И.М. Дьяконов, А.Ю. Скаков, А.И. Джопуа, Г.К. Шамба, Г.Т. Квирквелия) оспаривают положение о возможности функционирования в древности Восточно-причерномор-ского пути, считая его труднопроходимым [12, с. 108; 23, с. 121–122; 55, с. 155; 56, с. 68–69). Разумеется, рассматриваемая проблема требует дальнейшего исследования, но надеемся, что анализ представленных новых материалов поможет в ее решении в будущем.

Источники и литература

1. *Абесадзе Ц.Н.* К истории медно-бронзовой металлургии триалетской культуры // Реставрация, консервация, технология музейных экспонатов. Т. 1. Тбилиси: Мецниереба, 1974. С. 62–77.

2. *Вальчак С.Б.* Переднеазиатские и европейские параллели в предскифских уздечных комплексах Северного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э.: Материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.А. Иессена / Ред. Ю.Ю. Пиотровский. СПб.: ГЭ, 1996. С. 113–115.

3. *Вальчак С.Б.* Предскифская узда Восточной Европы: уздечные комплекты с трехпетельчатыми псалиями (классификация и хронология) // Древности Евразии / Отв. ред. С.В. Демиденко, Д.В. Журавлев. М.: ГИМ, 1997. С. 88–119.

4. *Ванден-Берге Л.* Древности страны Луров: Каталог выставки / Сост. Л. Ванден-Берге. СПб.: Изд-во ГЭ, 1992. 126 с.

5. *Виноградов В.Б.* Новые находки предметов скифо-сибирского звериного стиля в Чечено-Ингушетии // СА . 1974. № 4. С. 258–263.

6. *Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П.* Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1980. С. 184–199.

7. *Вольная Г.Н.* Прикладное искусство населения Притеречья середины 1 тыс. до н.э. (на материале скифо-сибирского звериного стиля). Владикавказ: Иристон, 2002. 145 с.

8. *Вольная Г.Н., Депуева А.Б.* Фигурка конного всадника из экспозиции Национального музея Кабардино-Балкарской Республики // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации: XXVII Крупновские чтения: Материалы Международной научной конференции. Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 167–169.

9. *Газдапустаи Д.* Связи Северного Кавказа с Передней Азией и Центральной Европой в эпоху перехода от бронзы к железу: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Л.: ЛГУ, 1962. 11 с.

10. *Галанина Л.К.* Скифские древности Северного Кавказа в собрании Эрмитажа: Келермесские курганы. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. 80 с.

11. *Граков Б.Н.* Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М.: Изд-во МГУ, 1977. 232 с.

12. *Дьяконов И.М.* Киммерийцы и скифы на Древнем Востоке // Российская археология. 1994. № 1. С. 108–116.

13. *Дубовская О.Р.* К интерпретации комплексов типа Новочеркасского клада // СА. 1989. № 1. С. 63–69.

14. *Дударев С.Л.* Кинжал закавказского типа из Чечено-Ингушетии // СА. 1973. № 4.

15. *Дударев С.Л.* Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный: Изд-во Чечено-Ингушского государственного университета, 1991. 124 с.

16. *Дударев С.Л.* К проблеме взаимодействия племен Северного Кавказа с ранними кочевниками в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.). Армавир: КНИИТИМ,1995. 53 с.

17. *Дударев С.Л.* Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.). Армавир: ЦАИ АГПИ, 1999. 401 с.

18. *Иванчик А.И.* Киммерийцы и скифы // Степные народы Евразии / Ред-ры А. Иванчик, Г. Парцингер. Москва: Палеограф, 2001. Вып. II. 324 с.

19. *Иессен А.А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-

бронзового века // Материалы и исследования по археологии СССР / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. № 23. С. 75–124.

20. *Иессен А.А.* К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. XVIII. С. 49–110.

21. *Кашуба М.Т.* Ранняя фибула из поселения кобанской культуры. Змейское и северопонтийские смычковые фибулы XI–X вв. до н.э. // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Отв. ред. Х.М. Мамаев. Грозный – Москва: Ин-т археологии РАН; Ин-т гуманитарных исслед. АН ЧР, 2011. С. 64–81.

22. *Кашуба М.Т.* Некоторые причины асинхронного наступления раннего железного века в Северном Причерноморье // Проблемы периодизации и хронологии в археологии раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции / Отв. ред. Е.А. Черленок. СПб.: Скифия-принт, 2013. С. 125–130.

23. *Квирквелия Г.Т.* К вопросу о возможности использования киммерийцами меотидо-колхидского пути // Вопросы археологии Грузии. III. Тбилиси, 1985. С. 96–126 (на груз. яз.).

24. *Ковалевская В.Б.* Культурологический анализ, ареальный метод и проблемы выделения локальных вариантов археологической культуры // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа / Отв. ред. В.А. Кузнецов. Орджоникидзе: ИПЦ СОНИИ, 1988. С. 10–22.

25. *Ковалевская В.Б.* Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ОНТИ ПНЦ РАН, 2005. 398 с.

26. *Козенкова В.И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. 1982. Вып. В 2–5. 175 с.

27. *Козенкова В.И.* Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа // СА. 1982. № 3. С. 14–34.

28. *Козенкова В.И.* Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: ИА РАН, 1996. 162 с.

29. *Козенкова В.И.* Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры. Систематизация и хронология. Западный вариант // САИ / Отв. ред. В.Г. Петренко. Вып. В 2–5. М.: ИА РАН, 1995. 166 с.

30. *Козенкова В.И.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. Вып. В 2–5. Т. 5. М.: ИА РАН, 1998. 200 с.

31. *Козенкова В.И.* Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М.: Наука, 2001. 198 с.

32. *Козенкова В.И.* Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII–VIII в. до н.э. // Мат-лы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа / Гл. ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли, 2004. Вып. V. 220 с.

33. *Козенкова В.И.* Специфика некоторых атрибутов костюма древних «кобанцев» как показатель процесса миграций // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: сб. памяти М.П. Абрамовой (МИАР № 8) / Ред. В.И. Козенкова, В.Ю. Малашев. М.: Таус, 2007. С. 258–294.

34. *Козенкова В.И.* Кобанская культура и окружающий мир: взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде. М.: ТАУС, 2013. 252 с.

35. *Кореневский С.Н.* Втульчатые топоры – оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1981. С. 20–41.

36. *Крупнов Е.И.* Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // МИА / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.–Л.: Наука, 1951. Вып. 23. С. 17–74.

37. *Крупнов Е.И.* Древняя история и культура Кабарды. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 175 с.

38. *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 520 с.

39. *Куфтин Б.А.* Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949. 230 с.

40. *Марковин В.И.* Северо-восточный Кавказ в эпоху бронзы // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа / Ред. К.Х. Кушнарева, В.И. Марковин. М., 1994.

41. *Нераденко Т.Н.* К вопросу хронологии южных заимствований в памятниках эпохи поздней бронзы Северного Кавказа (на примере бронзового оружия) // Этнокультурные проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа / Отв. ред. Т.Б. Тургиев. Орджоникидзе: РИО СОГУ, 1986. С. 57–63.

42. Очерки истории Грузии. Грузия с древнейших времен до IV в. до н.э. / Ред. Г.А. Меликишвили, О.Д. Лордкипанидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1989. Том 1. 510 с.

43. *Папуашвили Р.* К вопросу об абсолютной хронологии могильников Колхиды эпохи поздней бронзы – раннего железа // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Отв. ред. Х.М. Мамаев. Грозный – Москва, 2011.

44. *Пиотровский Б.Б.* Археология Закавказья. Ленинград: ЛГУ, 1949. 133 с.

45. *Пицхелаури К.Н.* Кинжалы кахетинского типа // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Т. II. Тбилиси, 1959.

46. *Погребова М.Н.* Бронзовый кинжал «переднеазиатского» типа из Кедобекского могильника в Северном Азербайджане // Труды ГИМ. М., 1960. Вып. 37.

47. *Погребова М.Н.* Иран и Закавказье в раннежелезном веке. М., 1977.

48. *Погребова М.Н.* Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М.: Наука, 1984. 248 с.

49. *Погребова М.Н.* Зивие – Кавказ – Скифы: к анализу переднеазиатского элемента в скифской культуре // Кавказ и цивилизации Древнего Востока: материалы всесоюзной научной конференции / Ред. И.М. Дьяконов и др. Орджоникидзе, 1989. С. 30–31.

50. *Полидович Ю.Б.* Зооморфно-оформленные псалии как феномен скифской эпохи // Псалии: Элементы упряжки и конского снаряжения в древности / Отв. ред. А.Н. Усачук. Донецк: ИА НАН Украины; ООО «Апекс», 2004 (=Археологический альманах. Вып. 15). С. 143–165.

51. *Пьянков А.В., Пономарев В.П.* Несколько археологических находок из окрестностей г. Абинска (Западное Закубанье) // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея) / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Вып. 8. Армавир – М., 2002. С. 17–19.

52. *Ростунов В.Л.* Природно-климатические условия и заселение горной зоны Центрального Кавказа в эпоху энеолита – средней бронзы // МИАСК. Вып. 3. Армавир, 2004.

53. *Скаков А.Ю.* К вопросу об использовании перевалов Западного Кавказа в эпоху раннего железа // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. СПб., 2006.

54. *Скаков А.Ю.* Фибулы древней Колхиды: происхождение, типология, хронология // Revista Archeologică (=Археологический журнал). Serie noua. Vol. IV. Nr. 2. Chişinău. Кишинев, 2008. С. 74–99.

55. *Скаков А.Ю.* Транскавказские связи на Западном и Центральном Кавказе в эпоху раннего железа // Древняя и средневековая культура адыгов: Материалы международной научно-практической конференции (г. Нальчик, 16–20 октября 2013 г.) / Ред. Б.Х. Бгажноков, В.А. Фоменко. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. С. 151–172.

56. *Скаков А.Ю., Джопуа А.И, Шамба Г.К.* Новый могильник колхидской культуры в Бзыбской Абхазии // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 4. Армавир, 2004. С. 66–84.

57. Сокровища Алании // Археологические материалы из фондов Института истории и археологии РСО-А / Ред. М.М. Блиев. М.: Эксмо, 2011. 240 с.

58. *Техов Б.В.* Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М.: Наука, 1977. 238 с.

59. *Техов Б.В.* Тайны древних погребений. Владикавказ: Проект-Пресс, 2002. 512 с.

60. *Техов Б.В.* Археология южной части Осетии. Владикавказ: Ир, 2006. 639 с.

61. *Уварова П.С.* Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1900. Вып. VIII. 420 с.

62. *Чшиев Х.Т.* К вопросу о северо-кавказской керамике с зооморфными ручками сарматского времени // Российская археология. 2008. № 3. С. 97–99.

63. *Чшиев Х.Т.* Новые уздечные комплексы из памятников кобанской культуры предскифского-раннескифского времени Северной Осетии // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Отв. ред. Х.М. Мамаев. Грозный – Москва: Ин-т археологии РАН; Ин-т гуманитарных исслед. АН ЧР, 2011. С. 168–175.

64. *Чшиев Х.Т.* Эпоха поздней бронзы – раннего железа Северной Осетии. Кобанская культура // История Осетии / Отв. ред. С.А. Айларова, А.Г. Кучиев. Владикавказ: Издательство СОИГСИ им. В.И. Абаева, 2012. Т. 1. С. 53–88.

65. *Эрлих В.Р.* Новое меотское святилище в Закубанье // Историко-археологический альманах / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир – М.: Армавирский краеведческий музей. 2002. Вып. 8. С. 7–17.

Подписи к иллюстрациям:

Рис. 1. Посуда и украшения кобанской культуры: 1, 4, 5, 7 – Республика Северная Осетия-Алания; 2, 3, 6 – Поднепровье (1, 7 – керамика, 2–6 – бронза).

Рис. 2. Конская узда Северного Кавказа и Степи (бронза).

Рис. 3. Оружие и защитное вооружение: 1–3, 5, 6 – Республика Северная Осетия – Алания; 4 – Кармир-Блур. Урарту (бронза, дерево).

Рис. 4. Удила. Адайдонский могильник (бронза).

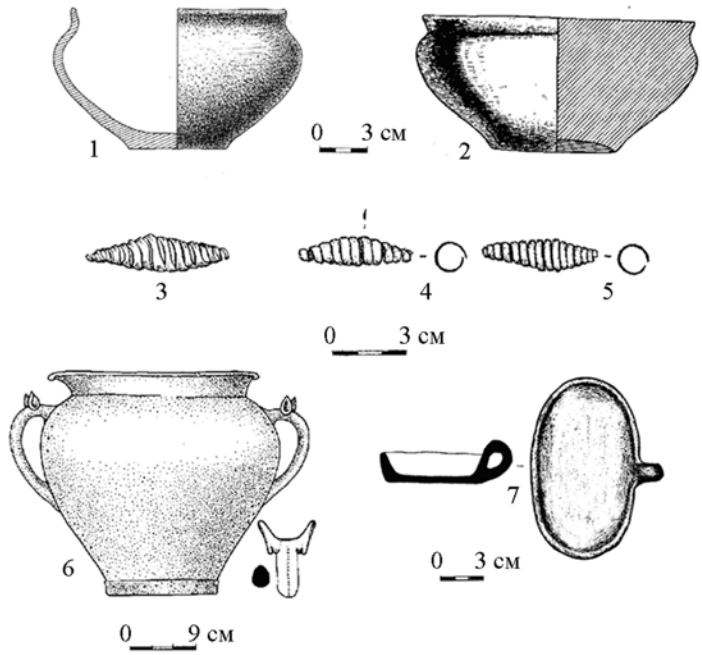


Рис. 1

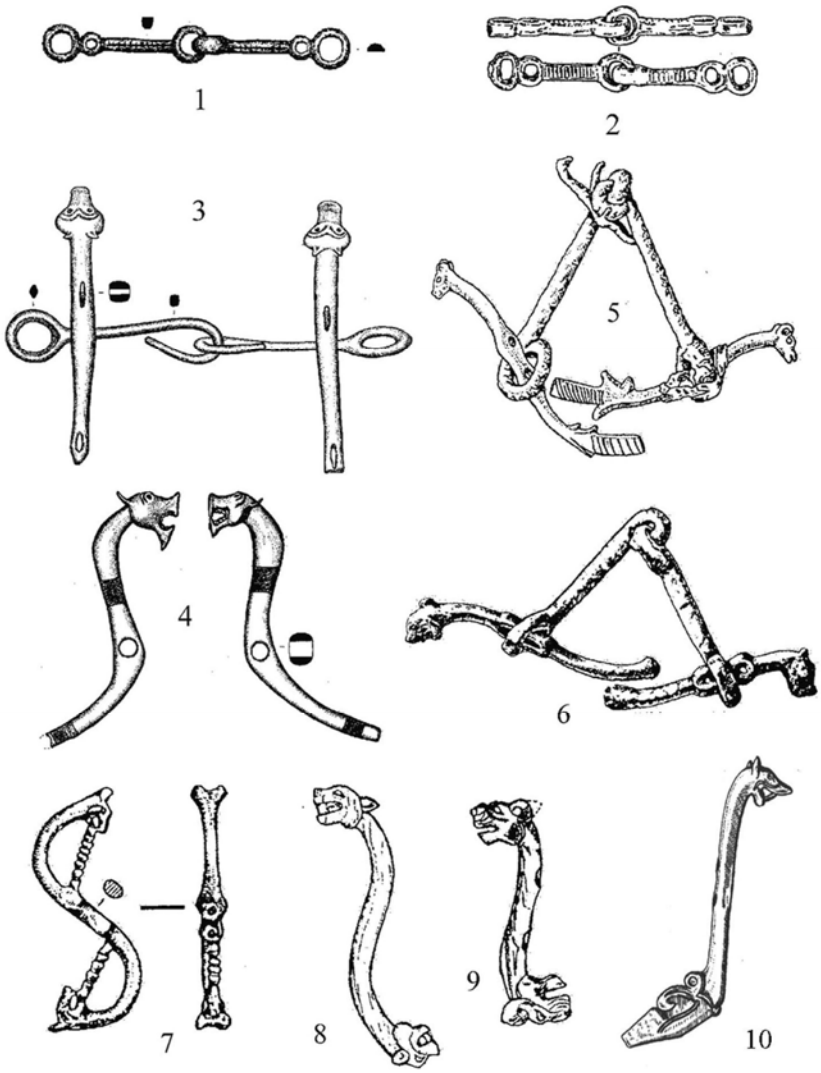


Рис. 2

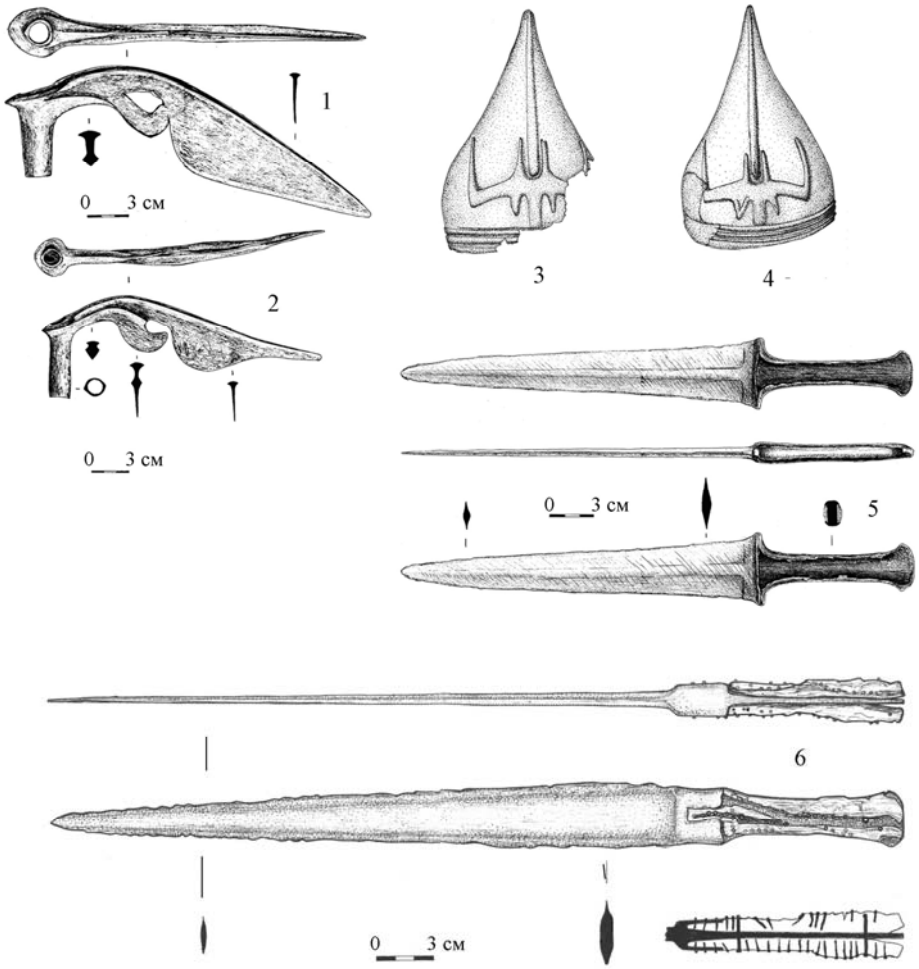


Рис. 3

Рис. 4

А.И. Джопуа, В.А. Нюшков

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОДАРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ЧЕРНОГО МОРЯ И АБХАЗИИ

(По материалам новых археологических находок)

Аннотация. Черноморское побережье Кавказа вследствие своего исключительно благоприятного расположения, находясь на перекрёстке морских и сухопутных дорог, на протяжении всей истории являлось связующим звеном взаимодействия как родственных, так и иноэтнических групп населения. Этот процесс протекал и в период поздней античности. Данный отрезок времени в статье избран не случайно, так как он совпадает с периодом существования могильника в Ачмарде. В прошлом году здесь были изъяты у «черных копателей» предметы, представляющие большую историческую ценность как для Абхазии, так и краснодарского побережья Черного моря, поскольку сам могильник находился на периферии активных межэтнических связей населения Восточного Причерноморья в период поздней античности.

Ключевые слова: Краснодарское Причерноморье, Абхазия, саниги, Ачмарда, могильник, связи, Цабал.

A.I. Jopua, V.A. Nyushkov

INTERETHNIC RELATIONS OF THE POPULATION OF THE KRASNODAR BLACK SEA COAST AND ABKHAZIA

(based on new archaeological findings)

Abstract. The Black Sea Coast of the Caucasus, because of its exceptional favorable location, throughout history being at the crossroads of the sea and the overland roads, was the connecting element between the interaction of both related and other ethnic groups of the population. This process was in progress also in the period of the Late Antiquity. This period in our article was chosen by us not accidentally, because it fully corresponds with the period of the existence of the cemetery in Achmdard. It is interested by that in the past year here were confiscated from "black archaeologists" many items that have the great historical value for both Abkhazia and the Krasnodar´s Black Sea Coast. The cemetery itself was situated on the periphery of the active interethnic relations of the population of the Eastern Black Sea Region during the Late Antiquity.

Key words: Krasnodar Black Sea Coast, Abkhazia, Sanigi, Achmarda, burial ground, communications, Tsabal.

Данная тема исследования выбрана не случайно, ещё в 2006 г., когда в Сухуме проходила Первая международная абхазская археологическая конференция, посвящённая памяти Ю.Н. Воронова, в работе этого форума принял участие наш уважаемый юбиляр, друг Алексей Васильевич Пьянков. Его доклад был опубликован в материалах этой конференции и посвящён юго-восточным связям населения Краснодарского Причерноморья в III–VII вв. н.э., по материалам могильников. В свой статье, что особенно важно, исследователь для сравнения с кубанским археологическим материалом использует материал из цебельдинских могильников. В конце своей работы автор подводит итог, отмечая, что сегодня ещё нет достаточно материала, чтобы делать окончательные выводы о характере связей населения Краснодарского Причерноморья со своими юго-восточными соседями.

Между тем мы намерены более подробно рассмотреть поднятую А.В. Пьянковым проблему, поскольку за последнее время появился новый материал, который дает дополнительные основания утверждать о существовании не только с рубежа нашей эры, но и уже в первом тысячелетии до н.э. оживлённых связей между населением всего Кавказского Причерноморья. Свидетельством этому являются данные археологии. По мнению В.Р. Эрлиха, на протяжении всего I тысячелетия до н.э. между территорией Абхазии и миром меотской культуры существовало тесное культурное взаимодействие [1, с. 173].

Существует несколько точек зрения по вопросу, как могли осуществляться связи между группами населения, проживавшего как на Северном Кавказе, включая причерноморский регион, так и на Южном Кавказе (Абхазия и остальное Закавказье) в эпоху I тыс. до н.э. и в I тыс. н.э., поскольку, на наш взгляд, причины, порождавшие эти связи, оставались практически без изменений на протяжении нескольких тысячелетий. Согласно В.Р. Эрлиху, эти связи могли осуществляться как через перевалы Центрального Кавказа, так и морем, либо комбинированным путем: морем и по сухопутным маршрутам [1, с. 173]. Безусловно, этому во многом способствовала близость населения, жившего по обе стороны от Западного Кавказа и на западнокавказском побережье [1, с. 173]. Логично предположить, что эти связи имели в большей мере торговый характер. А.В. Пьянков, исследуя находки аналогичных предметов в Цебельде и на побережье краснодарского Причерноморья, отмечает, что предметы могли быть изготовлены как на месте, так и попасть привозным образом, т.е. в результате торговли [2, с. 302]. Здесь следует заметить: «поступлению импортных изделий в Санигию способствовал известный перевальный путь, шедший от побережья через Воронцовскую пещеру, в обход вершины Ахуц на Красной поляне и далее на Северный Кавказ», сохранявший своё торговое значение с раннебронзовой эпохи вплоть до VIII в. н.э. [3, с. 105].

В то же время следует согласиться со А.Ю. Скаковым, что «сводить характер контактов между племенами Западного Закавказья и Центрального Кавказа к торговым связям было бы упрощением». «Торговля продукцией скотоводства и земледелия, рабами, солью и т.д., безусловно, имела место», но встречающиеся по обе стороны Главного Кавказского хребта в довольно значительном количестве импортные предметы, на его взгляд, имеют церемониальный, или парадный, характер [4, с. 158].

Поступление значительного количества импортной продукции в рассматриваемые регионы Кавказа связано было с их удобным географическим расположением на берегу Чёрного моря; кроме того, решающую роль в активизации этого торгового процесса играло соседство мощного государства – Римской (позднее Византийской) империи. Между тем археологические материалы из могильников Северо-Восточного Причерноморья позднеантичного и раннесредневекового времени содержат предметы юго-восточного происхождения [2, с. 297], характеризующие культуру местного древнеабхазского населения.

Согласно Арриану, древнеабхазские племена санигов во II в. н.э. занимали довольно значительную территорию от Себастополиса до реки Ахеунты (современная Шахе), однако к V в. н.э. территория проживания санигов сузилась, и они упоминаются лишь на территории между реками Ахеунта и Абаском (современные

Псоу или Хашупсе), далее, южнее, уже локализуются, вплоть до Себастополиса, абасги и далее – апсилы. На это указывают элементы местной материальной культуры (браслеты, фибулы, керамика, оружие), «не проявляющие в позднеантичный период никакой существенной разницы по обе стороны реки Псоу» [5, с. 344]. Для данной территорииот района современного Сочи до Цабала общими являются мечи, топоры, наконечники копий, щиты, ножи, значительная часть браслетов, фибул, пряжек, серег, туалетных инструментов, хрустальных бус и др. [6, с. 57]. Следует добавить, что следы материальной культуры апсилов чётко фиксируются на левобережной стороне р. Кодор и далее к югу.

В этой связи интересен регион, относящийся к месту проживания санигов, а именно – предгорная часть современного Гагрского района, ущелья рек Хашупсы, Ачмарды, Лапсты. Здесь, в результате археологических разведок экспедицией, организованной Абхазским институтом языка, литературы и истории им. Гулиа в 1967 г., был выявлен из могильников Хашупса, Ачмарда, Лапста интереснейший археологический материал. Несмотря на незначительное число выявленных погребений в Гагрском районе, они в целом почти не отличаются по ритуалу захоронения от могильников Цебельдинской культуры, расположенных вдоль Военно-Сухумской дороги, в окрестностях с. Цабал. Более того, просматривается явное сходство и в инвентаре: топоры цебельдинского типа, двулезвийные и однолезвийные мечи, лучковые фибулы с крестовидной дужкой, бронзовые браслеты, наконечники копий, ножи, бусы и т.д. [7, с. 64]. Нельзя не отметить и находку, обнаруженную на Красной поляне, – глиняный кувшин, изготовленный в апсилийской мастерской в IV-V вв., указывающий на реальные связи санигов с апсилами. На реальные связи апсилов с абасгами показывает и керамика, выявленная экспедицией под руководством А.Ю. Скакова и А.И. Джопуа в с. Ачандара на могильнике Цоухуа (IV–VI вв. н.э.) с 15 погребениями. Идентичность выявленных предметов на данном могильнике и в некрополях Цебельды подтолкнула А.Ю. Скакова и А.И. Джопуа заключить, что оба могильника принадлежат одной группе населения, образуя предположительно локальный вариант Цебельдинской культуры [8, с. 243, 246]. Надо отметить, что синхронный могильник Цоухуа был выявлен и исследован в селе Ачандара Гудаутского района М.М. Гунба и А.Н. Габелия в конце 1980-х годов. Также, в 2001 г., археологическая экспедиция АбИГИ провела раскопки в селе Куланурхуа могильника поздней античности и раннего средневековья. Было обнаружено 27 захоронений (среди них 15 были безынвентарными). Могильник содержал фрагменты тарной и кухонной посуды в небольшом количестве. Особо можно выделить фрагменты керамики цебельдинского типа с чашечкообразным венчиком в 3 экземплярах, а также фрагменты пифосов с налепным орнаментом с пальчиковыми вдавливаниями под горловиной. На могильнике Куланурхуа было найдено 10 ритуальных глиняных кувшинов, 3 железных ножа и 1 фрагмент бронзового браслета [9, с. 31].

Таким образом, в результате проведённых археологических работ в разных местах, в основном в центральной и южной части Абхазии, были выявлены предметы, близкие тем, что были обнаружены в окрестностях с. Цабал. Тем самым расширился ареал данной культуры. В последние годы в ходе раскопок, проводимых в северо-западной Абхазии, археологи А.Ю. Скаков,

А.И. Джопуа, З.Г. Хондзия и др. выявили ряд предметов, идентичных цебельдинским, что может означать, что абасги и саниги имели схожую с апсилами культуру. В более ранних исследованиях (Г.К. Шамба, Ю.Н. Воронова и др.) также отмечаются общие черты вещей, выявленных как в могилах апсилов, так и в погребениях северо-западной Абхазии (абасгов и санигов).

Очевидно, территория Северо-Западной Абхазии (совр. Гагрский и Гудаутский районы) в течение многих веков служила дорогой различных народов и культур, двигавшихся с юго-востока на северо-запад. Данная территория (исходя из своего приграничного положения с современным Краснодарским краем РФ) с давних времён являлась зоной экономических и политических контактов, родственных взаимоотношений абхазов и адыгов. Эти взаимоотношения могли проявляться и в браках.

Надо отметить, известные сегодня крупные двучленные лучковые фибулы с равномерно расширенной ножкой происходят из могильника Бжид-I. Они же сегодня известны и в Цебельдинских памятниках, и часто имеют слабо заметную прогнутость, встречаются они вместе с крестовидными фибулами с аналогично орнаментированными спинками [2, с. 298]. Вместе с тем, отмечает А.В. Пьянков, в силу редкости лучковых фибул в памятниках зихов, их вполне можно отнести к абхазскому импорту [2, с. 298]. В отношении одночленных проволочных подвязных лучковых фибул позднеантичного времени Ю.Н. Воронов также высказался об импорте, заметив, «что эти фибулы являются не результатом эволюции кавказской дуговидной фибулы I тыс. до н.э., а занесены сюда через римские прибрежные крепости» [10, с. 150]. Однако не будем столь категоричны в отношении импорта и заметим, что местная производственная база хорошо справлялась со своей задачей; в частности, это касается орудий земледельческого труда. Их экземпляры были найдены на территории Абхазии и Сочинского региона, что указывает на общий приём изготовления их местными кузнецами [11, с. 64].

Но вернёмся к Ачмардинскому могильнику, так как о нём есть разрозненная информация в статьях и в тезисах, но нет общей картины самого могильника. Датируется он периодом поздней античности и раннего средневековья. Находится могильник возле села Ачмарда, в предгорной части территории Абхазии, на реке Хашупсе в Гагрском районе. На самом могильнике археологических работ не проводилось. Работы были связаны с деятельностью «чёрных копателей». В феврале 2005 г. организованная Управлением охраны памятников Абхазии поездка открыла мрачную картину разрушения кладоискателями памятников на северо-восточной окраине села Ачмарда. Здесь на площади 3 га было вырыто около 100 грабительских ям разной давности. По-видимому, разорение могильников велось в течение нескольких лет. Сотрудники управления собрали ценную коллекцию железных предметов и большое количество различной керамики. Среди предметов было обнаружено 7 длинных мечей с широкими лезвиями. 10 крупных разнотипных наконечников копий, 3 ножа, 2 наконечника от посоха. Что касается керамических обломков, то следует указать местную удлиненную амфору с перехватом и более крупную амфору округлой формы, а также небольшой красноглиняный кубок конусовидной формы. В составе глины кубка почти нет примеси, а на поверхности, с внешней и внутренней сторон, сохранились следы бурого лака. Судя по материалам,

доставшимся археологам, вскрытые кладоискателями захоронения должны датироваться в пределах III–VI вв.

С целью доисследования разрушаемого могильника под эгидой Управления охраны памятников были начаты стационарные охранные раскопки. На этом объекте доисследовано четыре разрушенных погребения, между которыми вскрыто неповреждённое женское погребение. В разрушенных погребениях, по всей вероятности, были захоронены мужчины. Здесь найдены обломки мечей, наконечники копий и дротиков. В погребении 5 (в женском) нет вооружения, но присутствует богатый инвентарь, в т.ч. серебряный сосуд с посвятительной надписью на древнегреческом языке. Надпись под венчиком нанесена точечной гравировкой, предварительно читаемая как: «Я, царь Бакур, овцам (своим) дал». Находка датируется первой пол. III в. н.э. [12, с. 893; 13, с. 565]. В ходе дальнейших изыскательских работ на данном могильнике экспедиция доисследовала одну из грабительских ям, выявив на глубине 0,3-0,9 м погребение 6, ориентированное по линии ЮЗ-СВ. Предварительно датируется оно VI в. Там лежал скелет коня и кости жертвенных животных (козы, свиньи, домашней птицы). Слева, у берцовой кости скелета найдены остатки железного меча с деревянной обкладкой, фрагменты двух керамических амфор местного производства, лежавшие между костями человека и коня, серебряная пряжка и кольцо от конской узды, обнаруженные на левой лопаточной кости коня [14, с. 719]. Без сомнения – данное погребение можно считать всадническим.

Между тем в 2016 г. Служба государственной безопасности Абхазии впервые задержала троих "чёрных копателей" в районе могильника Ачмарда. Они не успели что-то ценное откопать, как это было, в частности, в случае с ценнейшим артефактом – серебряным ритоном позднеантичного времени (рис. 6), который впоследствии был выставлен в Англии на аукционе «Christie’s». Конфискованные предметы были переданы в Абхазский государственный музей министерством культуры и охраны памятников Республики Абхазия. Вместе с тем эти вещи являются ценными артефактами и имеют особую значимость для позднеантичной истории не только Абхазии, но и для всего Северо-Восточного Причерноморья, ибо аналогии им можно проследить в материальной культуре Римской ойкумены и всего Восточного Причерноморья.

В своей статье мы хотим представить наиболее яркие образцы обнаруженных вещей: 5 мечей (фрагментированные, местами с остатками древесины от ножен, короткие однолезвийные и обоюдоострые). На хвостовике сохранилась железная гарда и бронзовая (медная) заклепка. В районе гарды имеются следы древесины от ножен и рукояти (рис. 4), 10 наконечников копий, представляющие вытянутую лавролистную форму с ребром жесткости, с выраженным ребром жесткости, местами со следами древка внутри втулки (рис. 5), ножи (рис. 1), все экземпляры фрагментированы. Всего 5 шт.: 2 – с изогнутым клинком. 3 – с прямым клинком. Также нельзя не отметить обнаруженные две дуговидные фибулы из серебра и бронзы (рис. 2) и бронзовую пряжку (рис. 3).

Таким образом, анализ новых материалов и сопоставление их с другими памятниками Северо-Восточного Причерноморья явственно свидетельствует о существовавших в период поздней античности (и не только) коммуникационных связей населения прибрежной зоны «краснодарского» Причерноморья и Абхазии.

Источники и литература

1. *Эрлих В.Р.* К проблеме коммуникации Западного Кавказа в I тыс. до н.э.: Абхазия и меотский мир // Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Памяти Владислава Григорьевича Ардзинба (к 70-летию со дня рождения): материалы международной научной конференции. Сухум – Москва: АбИГИ, ИВ РАН, 2016. С. 160–174.

2. *Пьянков А.В.* Юго-восточные связи населения краснодарского Причерноморья в III–VII вв. н.э.: по материалам могильников // Первая Абхазская Международная конференция: материалы конференции, посвященной памяти Ю.Н. Воронова. Сухум, 2006. С. 297–303.

3. *Маан О.В.* Из истории торгово-экономических связей древней и средневековой Абхазии. Сухум: Дом печати, 2012. 344 с.

4. *Скаков А.Ю.* Транскавказские связи на Западном и Центральном Кавказе в эпоху раннего железа // Древняя и средневековая культура адыгов: материалы Международной научно-практической конференции. Нальчик, 2014. Часть I. С. 151–172.

5. *Воронов Ю.Н.* Древности Сочи и его окрестностей // Ю.Н. Воронов. Научные труды. Сухум: АбИГИ, 2014. Том IV. С. 169–272.

6. *Воронов Ю.Н.* Материалы по археологии Абазгии и Санигии (II–VII вв.) // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 49–61.

7. *Шамба Г.К.* Археологические разведки 1967 года в Гагрском районе // Материалы по археологии и искусству Абхазии. Сухуми: Алашара, 1974. С. 48–65.

8. *Скаков А.Ю., Джопуа А.И.* Могильник абазгов в Бзыбской Абхазии // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2006. Вып. 6. С. 235–260.

9. *Джопуа А.И.* Новый могильник поздней античности и раннего средневековья в с. Куланурхуа (Гудаутский район, Абхазия) // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные: материалы Международной научной конференции. М.: ИА РАН, 2015. С. 31–33.

10. *Воронов Ю.Н.* Колхида в железном веке // Ю.Н. Воронов. Научные труды. Сухум: АбИГИ, 2006. Том I. С. 11–292.

11. *Амичба Г.А.* Абхазия в эпоху раннего средневековья. Сухум: АбИГИ, 2002. 235 с.

12. *Бжания В.В., Агумаа А.С., Бжания Д.С., Хондзия З.Г., Сакания С.М., Канделаки Д.А., Виноградов А.Ю.* Работы в Гагрском районе // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа: Крупновские чтения, 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. Выпуск VIII. С. 892–893.

13. *Бжания В.В., Агумаа А.С., Бжания Д.С., Виноградов А.Ю., Канделаки Д.А., Сакания С.М., Хондзия З.Г.* Охранные исследования в Гагрском районе // АО-2005. М., 2007. С. 565–570.

14. *Бжания В.В., Агумаа А.С., Барцыц Р.М., Бжания Д.С., Бирюков Ю.Д., Канделаки Д.А., Сакания С.М., Хондзия З.Г.* Исследования Управления охраны историко-культурного наследия // АО-2006. М., 2009. С. 716–721.

Подписи к иллюстрациям:

Рис. 1. Ножи (фрагменты). Ачмарда.

Рис. 2. Дуговидные фибулы. Ачмарда.

Рис. 3. Пряжка. Ачмарда.

Рис. 4. Мечи. Ачмарда.

Рис. 5. Наконечники копий. Ачмарда.

Рис. 6. Серебряный ритон.

Рис. 1–3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

А.В. Шишлов, А.В. Колпакова, Н.В. Федоренко

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ПЛЕМЕН ПРИБРЕЖНОЙ ЗОНЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В XII–XIII вв.

(По материалам курганного могильника «Кедровая Роща»)[9]

Аннотация. В 2007 году были проведены археологические исследования 19 курганов средневекового курганного могильника «Кедровая Роща» в п. Кабардинка Геленджикского района Краснодарского края. Большинство погребений совершено по обряду кремации (25), кроме этого, зафиксировано 6 грунтовых погребений (ингумаций) и 8 ритуальных погребений лошадей. Курганный могильник датируется концом XII–XIII вв. В ходе раскопок в кургане № 5 был зафиксирован вторичный обряд погребения, где в одной погребальной урне наряду с кремациями находились и не кремированные погребённые. Это обстоятельство указывает на то, что погребение индивидуумов происходило не сразу после смерти, а только после распада мягких тканей, что подразумевает существование обряда выставления.

Ключевые слова: средневековый курганный могильник, обряд кремации, ингумация, вторичный обряд погребения, Черноморское побережье.

A.V. Shishlov, A.V. Kolpakova, N.V. Fedorenko

BURIAL RITES IN THE COASTAL NORTHWESTERN CAUCASUS IN THE 12TH-13TH CENTURIES AD: The case of the Kedrovaya Roshcha burial mounds

Abstract. Nineteen burial mounds were excavated in 2007 in the medieval mound cemetery Kedrovaya Roshcha (Kabardinka village, Krasnodar krai, Russia) dated to the late 12st cent. to 13rd cent. AD. Only 6 of the examined graves are inhumations, while 25 others are made by performing a cremation rite. In addition, 8 ritual burials of horses were found. An urn from mound 5 containedbones of both cremated and uncremated individuals, thus demonstrating a secondary burial practice presumably involving corpse exposure for excarnation prior to eventual burial.

Key words: medieval mound cemetery, cremation, inhumation, secondary burial, Black Sea coast.

В 2007 году археологический отряд Новороссийского исторического музея-заповедника провёл раскопки 19 курганов средневекового курганного могильника Кабардинский-2 и части поселения раннего железного века на территории гостиничного комплекса (пансионата) ООО «Кедровая Роща» в п. Кабардинка Геленджикского района Краснодарского края [13; 15, с. 77–78]. Курганный могильник находится на юго-восточной окраине п. Кабардинка, на ССЗ отроге горы Дооб. Территория памятника вытянута с юго-востока с расширением площади памятника к северо-западу. Юго-восточная часть курганного могильника (территория памятников) находится в лесу, северо-западная часть – на территории санатория «Жемчужина моря». С северо-востока на юго-запад, в 20-23 м к северо-западу от границ гостиничного комплекса ООО «Кедровая Роща», памятник пересекает проселочная дорога вдоль линии ЛЭП, проектируемая в будущем как ул. Дообская.

[9] Статья написана на основе тезисов на IV Международную Абхазскую археологическую конференцию «Кавказ и Абхазия в Древности и в Средневековье: взаимодействие и преемственность культур», в г. Сухум в 2013 г.

В 1990 году часть курганного могильника (51 насыпь), находившаяся на территории санатория «Жемчужина моря», исследовалась Приморским отрядом Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ под руководством Л.М. Носковой [5; 6].

Участок могильника, исследованный в 2007 году, получил название Кедровая Роща. Курганы высотой до 1 м, диаметром 6-8 м. Большинство погребений (25) совершено по обряду кремации, прах погребенных был помещен в керамические урны, в 2-х случаях в грунтовые ямки. В одном случае в урну наряду с кремацией были помещены не сожжённые кости троих человек, в другом случае одного. Кроме этого, в курганах зафиксировано 4 грунтовых детских погребения (одно – в каменном ящике) и 7 ритуальных погребений лошадей, а в межкурганном пространстве было обнаружено 2 грунтовых погребения и 1 ритуальное погребение лошади.

Курганный могильник в целом датируется концом XII-XIII вв. В ходе раскопок кургана № 5 были получены материалы, проливающие свет на особенности погребального обряда племен прибрежной зоны Северо-Западного Кавказа.

Курган № 5 (рис. 1, *1*). Насыпь, сильно оплывшая, овальной в плане формы вытянута по линии с юга на север, размером 660 х 600 см, высотой до 99 см от северной подошвы. После снятия гумусного слоя выяснилось, что насыпь кургана состоит из светло-серого суглинка со щебнем, а центральную и северо-восточную часть насыпи кургана перекрывает каменный панцирь, состоящий из рваного камня (скальных обломков) разного размера (от 10 х 9 х 12 см до 6 х 40 х 84 см). По периметру насыпи кургана зафиксирована каменная обкладка, состоящая из плоских обломков скалы размером от 5 х 12 х 40 см до 5 х 50 х 60 см. Камни обкладки в *В, СВ* и *ЮЗ* секторах остались стоять относительно вертикально (с отклонением наружу или внутрь насыпи), остальные рассыпались веером по периметру кургана; исходя из того, что раньше они стояли вертикально, можно определить размеры кургана на момент его возведения, измеряя расстояние между концами плит обкладки, обращённых внутрь насыпи. Таким образом, насыпь кургана была в плане овальной формы, вытянутая по линии юг-север, размером 540 х 480 см. При зачистке юго-западного края обкладки были найдены фрагменты красноглиняных и лепных сосудов и железное шило (рис. 1, *3*). В 30 см к северу от погребения 4, при разборке бровки, в насыпи обнаружены фрагменты красноглиняного сосуда (рис. 1, *4*) и пуговица из медного сплава (рис. 1, *2*).

Описание предметов из насыпи кургана 5:

1. Сосуд красноглиняный (фрагментирован) с вертикальным лощением. Венчик со сливом. Тулово округлое, горло узкое. Ручка овальная в сечении. Высота – 14,1 см. Венчик – 7,0 х 6,4 см. Д. тулова – 9,5 см. Д. дна – 7,2 см. Ш. ручки – 1,6 см (XI–XIII вв.) [1, табл. 101/4] (рис. 1, *4*).

2. Шило железное (фрагмент), круглое в сечении. Длина – 2,6 см (рис. 1, *3*).

3. Пуговица из медного сплава, штампованная, элипсоидная, пустотелая, из 2-х половинок, без петельки. Д. – 1,2 см. Высота – 1,0 см. (рис. 1, *2*).

На площади кургана зафиксировано 4 погребения, 3 из которых обнаружены в ЮВ секторе кургана в урнах, стоявших рядом друг с другом, но на разном уровне, и одно впускное погребение, обнаруженное в Ю секторе кургана (рис.1, *1*).

Погребение 1, содержащее останки пяти человек, обнаружено в ЮВ

секторе кургана на уровне +3 от R0 (верх), -52 (дно), на расстоянии 104 см от условного центра (УЦ) (рис. 1, *1*) в красноглиняном пифосе, накрытом плоской, подтреугольной в плане, окатанной каменной плиткой размером: 25 х 25 х 2,5 см. Два человека были погребены по обряду кремации (женщина 20 лет и мужчина старше 40 лет (*определение ведущего научного сотрудника Отдела теории и методики ИА РАН д.и.н. Добровольской М.В.*), а кости и черепа ещё 3-х погребенных (женщины 20-25 лет и двух детей – 7-8 лет и 4-5 лет (*определение зав. лабораторией антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН Балуевой Т.С.*) были компактно уложены в урну.

Описание инвентаря погребения 1:

1. Пифос красноглиняный с расчесами (урна). Тулово яйцевидной формы. Венчик с выносом, овальным в сечении. На горле волнистый орнамент. Дно пробито в древности. Высота – 52,0 см. Д. венчика – 20,0 см. Д. дна – 17,5 см (XI–XIII вв.) [1, табл. 101/25] (рис. 2, *1*) .

2. Кольца височные (2 шт.) из серебра (970 пробы) с позолотой, сцеплены вместе, одно в одно. Концы не сомкнуты, обрезаны прямо. Кольца трубчатые, заполнены тяжелым металлом (свинцом?). Д. – 2,3 см. Д. трубки – 0,5 см (XII–XIII вв.) [7, рис. 1, *3*] (рис. 2, *2*).

3. Кольца (2 шт.) из медного сплава круглопроволочные. Д. – 2,8 и 2,7 см (рис. 2, *5, 6*).

4. Булавка (фрагментирована) железная, из проволоки круглой в сечении, на одном конце кольцо из плоской в сечении проволоки, обтянутое тканью. Дл. – 7,9 см. Д. бляшки – 1,6 см (рис. 2, *8*).

5. Пряжка железная (фрагментирована). Рамка подквадратной формы из проволоки, округлой в сечении. Размеры: 2,1 х 2,0 см. (рис. 2, *10*).

6. Пуговица костяная с одним отверстием, плоско-выпуклая, сегментовидная в сечении, орнаментирована циркульным орнаментом. Д. – 2,7 см. Высота – 0,8 см. Д. отверстия – 0,5 см (рис. 2, *3*).

7. Пуговица костяная с одним отверстием, плоско-выпуклая, сегментовидная в сечении, орнаментирована 4-мя циркульными кружочками и 3-мя треугольниками из двойных линий. Д. – 2,6 см. Высота – 0,6 см. Д. отверстия – 0,5 см (XI–XIII вв.) [1, табл. 100/15] (рис. 2, *4*).

8. Фрагмент накладки костяной с циркульным орнаментом. Обожжен. Размеры: 1,2 х 0,6 х 0,3 см (рис. 2, *9*).

9. Бусы янтарные (5 шт.). Усеченно-биконической, 8-миграннной формы. Дл. – 1,4-1,6 см (рис. 2, *7*).

10. Оселок каменный (фрагментирован). Удлиненной подпрямоугольной формы, с отверстием. Дл. – 9,1 см. Ш. – 2,9 см. (XI–XIII вв.) [1, табл. 100/6] (рис. 2, *11*).

Погребение 2 обнаружено в *ЮВ* секторе кургана на уровне -38 от R0 (дно) на расстоянии 130 см от УЦ (рис. 1, *1*). Погребение по обряду кремации было помещено в красноглиняный двуручный сосуд.

Описание инвентаря погребения 2:

1. Сосуд (урна) красноглиняный (фрагментирован). Тулово яйцевидной формы, с 2-мя петлевидными, овальными в сечении ручками. Венчик утрачен. Д. тулова – 25,2 см. Д. дна – 15,0 см. Ш. ручки – 2,6 см (XI–XIII вв.) [1, табл. 101/16, 17] (рис. 3, *1*).

2. Нож железный с уступами со стороны прямой спинки и брюшка. Дл. – 13,5 см. Ш. – 1,5 см (XI–XIII вв.) [1, табл.100/3] (рис. 3, *2*).

3. Наконечник стрелы железный, черешковый, с упором. Перо не

сохранилось. Дл. – 8,5 см. Ш. – 0,5 см (рис. 3, *3*).

4. Наконечники стрел (3 шт.) железные, черешковые, ромбические с упором. Дл. – 10,4; 8,4; 7,5 см. (XI–XIV вв.) [4, Тип 48, табл.18/20; 23/26] (рис. 3, *4–6*).

5. Наконечник стрелы железный, черешковый. Узкий, пирамидальный, ромбического сечения с перехватом у черешка. Дл. – 8,1 см (XI–XIII вв.) [1, табл. 99/28] (рис. 3, *7*).

6. Кресало железное, калачевидное, со сведенными загнутыми петлями концами. Дл. – 5,9 см. Ш. – 3,1 см. (XI–XIII вв.) [1, табл. 100/10, 13] (рис. 3, *8*).

7. Фрагмент накладки костяной с сетчатым орнаментом и с фрагментом отверстия. Размеры: 2,2 х 1,1 х 0,5 см (рис. 3, *9*).

Погребение 3. Обнаружено в *ЮВ* секторе кургана на уровне -8 от R0 (верх урны), -82 (дно урны) на расстоянии 88 см от УЦ (рис. 1, *1*). Погребение двух человек по обряду кремации (мужчины 20-30 лет и ребёнка около 5 лет) и ингумационное погребение младенца (*определение Добровольской М.В.*) были помещены в двуручный красноглиняный пифос.

Описание инвентаря погребения 3:

1. Пифос красноглиняный (урна). Тулово реповидной формы, с 2-мя петлевидными овальными в сечении ручками и 3-мя горизонтальными валиками. Венчик отогнут раструбом, край прямой. Черепок с серым закалом в центре. Высота – 64,0 см. Д. венчика – 21,5 см. Д. дна – 21,0 см. Ш. ручки – 3,4 см. (XI–XIII вв.) [1, табл. 101/16, 17] (рис. 4, *1*).

2. Нож железный с уступами со стороны прямой спинки и брюшка. Вдоль спинки с одной стороны продольная бороздка-кровосток. Дл. – 11,2 см. Ш. – 1,3 см. (XI–XIII вв.) [1, табл. 100/3] (рис. 4, *2*).

3. Нож железный (фрагмент). Дл. – 4,5 см (рис. 4, 3).

4. Кольцо (фрагмент), трубчатое, полое внутри из медного сплава. Деформировано. Дл. – 3,7 см (XII–XIII вв.) [7, рис. 1, *3*; 1, табл. 100/46] (рис. 4, *4*).

5. Бусина стеклянная, глазчатая, из глухого стекла. Округлая, поперечно-сжатая с желто-красно-белыми глазками на зеленоватом фоне. Д. – 1,8 см. Ш. – 1,7 см (XI–XIII вв.) [1, табл. 100/27] (рис. 4, *5*).

Погребение 4. Впускное ингумационное погребение ребенка (1-1,5 года, *определение Балуевой Т.С.*) обнаружено в южном секторе кургана на уровне -18 от 0, на расстоянии 172 см от УЦ (рис. 1, *1*). Погребение было завалено скальными обломками из насыпи кургана. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на восток. Под челюстью найден железный предмет (пряжка?) (рассыпался). На правой половине таза лежал раздавленный лепной сосудик. У нижней части левого бедра зафиксированы кресало железное и фрагмент железной пластинки (рассыпалась). За черепом, в заполнении обнаружена пуговица из медного сплава. При разборке погребения, под нижней челюстью обнаружены костяная пластинка с отверстием и фрагмент раковины с отверстием.

Описание инвентаря погребения 4:

1. Сосудик лепной (фрагментирован). Тулово баночной формы. Горло широкое, венчик отогнут наружу, треугольный в сечении, украшен рядом округлых выемок, на плечиках ряд косых насечек-выемок. Тесто рыхлое, с примесью ракушки. Высота – 7,7 см. Д. дна – 6,2 см (рис. 5, *2*).

2. Пуговица из медного сплава, литая биконической формы с уплощенной петелькой, прямоугольной в плане. Д. – 1,0 см. Высота – 1,5 см. (XI–XIII вв.) [1, табл. 97/25] (рис. 5, *5*).

3. Фрагменты предмета железного (пряжки?). Рассыпались. Д. – ок. 2,2 см.

4. Кресало (фрагментировано) железное, калачевидное, со сведенными утолщенными концами. Дл. – 5,7 см (рис. 5, *6*).

5. Пластинка костяная, уплощенная в сечении, с отверстием. Размеры: 2,7 х 1,5 х 0,1 см (рис. 5, *3*).

6. Пуговица перламутровая из раковины, уплощенная в сечении, с отверстием. Размеры: 1,8 х 1,8 х 0,1 см (рис. 5, *4*).

Материалы из погребений кургана № 5 имеют довольно широкую датировку и укладываются в период существования могильника XII–XIII вв. Самым поздним погребением в кургане является впускное грунтовое погребение 4. Погребения в урнах 1, 2, 3, вероятно, были одновременными, так как располагались плотно друг к другу и стратиграфических изменений в насыпи над ними не отмечено. В материалах этого кургана главное внимание привлекают урны погребения 1 и погребения 3, в которых зафиксирован комбинированный обряд погребения, где наряду с кремированными костями находились и не кремированные.

Особенно информационной оказалась не кремированная часть погребения 1, где зафиксированы кости, принадлежащие трём разным людям: женщине 20-25 лет и двум детям – 7-8 лет и 4-5 лет, причём черепа находились в урне по частям. После того, как Т.С. Балуева в 2007 году склеила черепа, оказалось, что они не проходят в горловину сосуда, следовательно, черепа были изначально помещены в урну по частям, что можно сказать и об остальных частях скелетов погребенных. Это обстоятельство указывает на то, что погребение происходило не сразу после смерти, а только после распада мягких тканей, что подразумевает существование обряда вторичного погребения или обряда выставления перед конечным погребением.

Из этого можно было сделать предположение, что и кремационные погребения также совершались по обряду вторичного погребения. Наша версия была подтверждена при проведении М.В. Добровольской в 2013 году дополнительных исследований кремированных останков из погребений могильника Кедровая Роща [10]. Таким образом, кремационные погребения и ингумационные погребения, помещённые в урны, на курганном могильнике Кедровая Роща несут следы обряда вторичного погребения. Насколько эта традиция верна для других памятников, покажут последующие исследования.

Говоря об аналогиях обряда, следует обратить внимание на территорию близлежащей Абхазии, где существование обряда вторичного погребения известно вплоть до позднего средневековья [3, с.103].

Необычностью представленных погребений является помещение в одной и той же погребальной урне кремированных и не кремированных останков. Такое в курганных могильниках с кремациями XII–XIII вв. н.э. пока не имеет широких аналогий. Зафиксированная ситуация в погребениях 1 и 3 кургана № 5, возможно, является стечением неких обстоятельств. Нами подобный комбинированный обряд был впервые встречен в 1989 году в на курганном могильнике в п. Мысхако г. Новороссийска. Памятник был открыт В.И. Сизовым в 1886 г. [9]. Территория памятника находится в зоне жилой застройки, насыпи курганов не просматриваются. В 1989 году строители, при планировании территории, обнаружили два погребения по обряду кремации. Эта находка в дальнейшем послужила толчком к исследованию территории всей строительной площадки [2; 11;

12; 8]. В одной из обнаруженных строителями урн вместе с кремированными костями находился не кремированный череп и фаланги пальцев рук. Череп стоял на основании поверх кремированных костей, причем верхняя часть урны была расколота в древности, так как череп при погребении, видимо, не проходил в горловину.

Описание инвентаря погребения с не кремированным черепом из могильника Мысхако:

1. Сосуд (урна) красноглиняный (фрагментирован). Тулово вытянутой, яйцевидной формы, с одной петлевидной, овальной в сечении ручкой (вторая утрачена). Венчик отогнут раструбом, край закруглен. В верхней части тулова горизонтальный валик. Высота – 49,5 см. Д. венчика – 18,2 см. Д. тулова – 34,0 см. Д. дна – 16,5 см. Ш. ручки – 3,2 х 1,9 см. (XI–XIII вв.) [1, табл. 101/17] (рис. 6, *1*).

2. Штырь (шило?) с петлей и продетым в петлю фрагментом кольца (?). Дл. – 13,6 см (XI–XIII вв.) [1, табл. 101/58] (рис. 6, *2*).

3. Зеркало из медного сплава. Лицевая сторона гладкая, тыльная со скошенным краем и петелькой в центре, украшена двумя взаимно перпендикулярными валиками-диаметрами, образующими крестовидный орнамент. Д. – 6,0 х 6,3 см. Толщина – 0,2 см (XI–XIII вв.) [1, табл. 97/26] (рис. 6, *3*).

4. Кольца височные (2 шт.) из медного сплава. Концы не сомкнуты. Кольца трубчатые, из завёрнутой в полтора оборота пластинки. Д. – 3,8 и 3,1 см. Д. трубки – 0,6 см (XII–XIII вв.) [7, рис. 1, *3*; 1, табл. 100/46] (рис. 6, *4, 5*).

5. Пуговица из медного сплава, штампованная сферическая с проволочной петлёй. Нижняя половинка орнаментирована гравировкой, в виде треугольника, нанесённого двойной линией. Д. – 1,0 см. Высота – 1,3 см. (рис. 5, *6*).

6. Трубочка из серого металла. Оплавлена. Размеры: 2,1 х 1,4 х 1,0 см. (рис. 5, *7*).

7. Бусина из глухого стекла чёрно-жёлтого цвета. Округлая, поперечно-сжатая, с широким каналом отверстия. Основа чёрного цвета, украшена нитью жёлтого непрозрачного стекла, уложенной 4-мя витками по спирали крупной волной. Дл. – 1,8 см. Ш. – 1,7 х 1,8 см (рис. 6, *8*).

8. Бусина из глухого стекла, округлая, поперечно-сжатая, обгоревшая до белого цвета. Дл. – 1,5 см. Ш. – 1,3 х 1,4 см (рис. 6, *9*).

Материалы из погребения датируется в пределах XII–XIII вв. [14].

Вполне вероятно, и другие исследователи встречали подобные отклонения в погребальном обряде кремационных погребений XII–XIII вв. н.э., но эти случаи не получили должного освещения. Возможно, дальнейшее накопление материала и внимание к этой проблеме позволит интерпретировать такое нарушение обряда и объяснить помещение в одной и той же погребальной урне кремированных и не кремированных останков.

Источники и литература

1. *Армарчук Е.А., Дмитриев А.В.* Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века // Археология. М.: Наука, 2003. 533 с.

2. *Дмитриев А.В.* Отчет об исследовании археологических памятников в пос. Мысхако в зоне строительства спортивно-оздоровительного комплекса объединения Пермлеспром в 1990 году. Часть 2. Физкультурно-оздоровительный комплекс. Новороссийск, 1991 // Архив Новороссийского исторического музея-заповедника НА-5432/1, 5432/2.

3. *Инал-Ипа Ш.Д.* Вопросы этнокультурной истории абхазов. Т. III. Сухум: Дом печати, 2011. 688 с.

4. *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел). VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е 1–36. М.: Наука. 1966. 188 с.

5. *Носкова Л.М.* Исследования средневековых курганов в пос. Кабардинка // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. Ейск, 1992. С. 59–62.

6. *Носкова Л.М.* Средневековый могильник в посёлке Кабардинка близ Геленджика (по материалам раскопок 1990 года) // Материальная культура Востока: Сб. статей. Выпуск 5. М.: Государственный музей Востока, 2010. С. 167–200.

7. *Пьянков А.В., Хачатурова Е.А.* Погребение половчанки из степного Прикубанья // Историко-археологический альманах. Вып. 1. Армавир – М., 1995. С. 154–156.

8. *Пьянков А.В., Тиханов А.А., Федоренко Н.В., Хушт М.А., Шишлов А.В.* Новые находки древнерусских культовых предметов на Северном Кавказе // Археология и краеведение Кавминвод в контексте межрегиональных связей и контактов: Сборник материалов межрегиональной конференции 17–18 ноября 2011 г. К 100-летию со дня рождения и 25-летию памяти А.П. Рунича (1911–1986). Пятигорск, 2011. С. 32–37.

9. *Сизов В.И.* Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. Т. II. М., 1889. С. 71–77.

10. *Успенский П.С., Добровольская М.В., Клещенко Е.А., Шишлов А.В., Федоренко Н.В.* Воинские погребения по обряду трупосожжения биритуального могильника Кедровая Роща // КСИА. 2013. Вып. 231. С. 141–153, 255.

11. *Федоренко Н.В.* Отчет об исследовании археологических памятников в зоне строительства спортивно-оздоровительного комплекса объединения Пермлеспром в 1991 году. Новороссийск, 1992 // Архив Новороссийского исторического музея-заповедника НА-5865.

12. *Федоренко Н.В.* Отчет об исследовании археологических памятников в зоне строительства спортивно-оздоровительного комплекса объединения Пермлеспром в 1992 году. Новороссийск, 1992 // Архив Новороссийского исторического музея-заповедника НА-5866.

13. *Федоренко Н.В.* Отчёт об археологических раскопках 19 курганов курганного могильника и поселения на территории пансионата «Кедровая Роща» в пос. Кабардинка по ул. Дообская в г. Геленджике Краснодарского края в 2007 г. // Новороссийск, 2008: Архив Новороссийского исторического музея-заповедника НА-8295/1-3.

14. *Шишлов А.В.* 1989. Сборы из разрушенных средневековых погребений на территории бывшего гаража совхоза «Малая земля» в п. Мысхако. НМ-7193 (Акт приемки-сдачи № 320 от 10.11.1989 г. Новороссийский исторический музей-заповедник).

15. *Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В.* Работы Новороссийского исторического музея-заповедника в 2007 году // АО – 2007 г. М.: Наука, 2010. С. 77–78.

Подписи к иллюстрациям:

Рис. 1. *Курган 5.* 1 – план кургана № 5; 2 – пуговица из медного сплава; 3 – шило железное; 4 – сосуд красноглиняный.

Рис. 2. *Курган 5.* Погребение 1. 1 – пифос красноглиняный (урна); 2 – височные кольца серебряные с позолотой; 3, 4 – пуговицы костяные; 5, 6 – кольца из медного сплава; 7 – бусина янтарная; 8 – булавка железная; 9 – фрагмент накладки костяной; 10 – пряжка железная; 11 – оселок каменный.

Рис. 3. *Курган 5.* Погребение 2. 1 – сосуд красноглиняный (урна); 2 – нож железный; 3–7 – наконечники стрел железные; 8 – кресало железное; 9 – накладка костяная.

Рис. 4. *Курган 5.* Погребение 3. 1 – пифос красноглиняный (урна); 2, 3 – ножи железные; 4 – кольцо из медного сплава; 5 – бусина стеклянная.

Рис. 5. *Курган 5.* Погребение 4. 1 – план погребения; 2 – сосудик лепной; 3 – пластинка костяная; 4 – пуговица из раковины; 5 – пуговица из медного сплава; 6 – кресало железное.

Рис. 6. *Могильник Мысхако.* Разрушенное погребение. 1 – сосуд красноглиняный (урна); 2 – штырь (шило?) железный; 3 – зеркало из медного сплава; 4, 5 – височные кольца из медного сплава; 6 – пуговица из медного сплава; 7 – трубочка из серого металла; 8, 9 – бусы стеклянные.

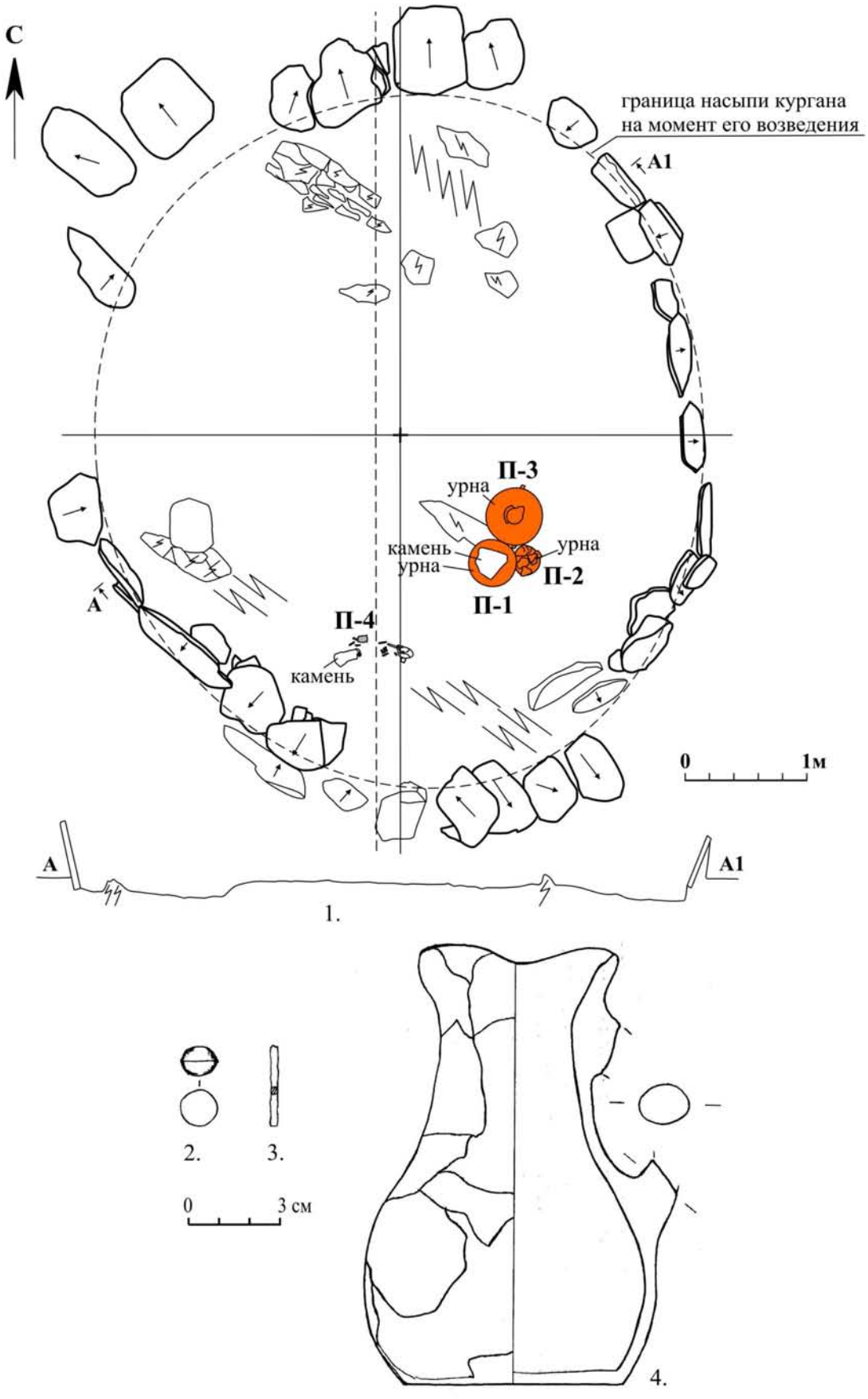

С
граница насыпи кургана
на момент его возведения
А1
А
П-3
урна
камень
урна
урна
П-2
П-1
П-4
камень
0
1м
А
А1
1.
2.
3.
0
3 см
4.

Рис. 1

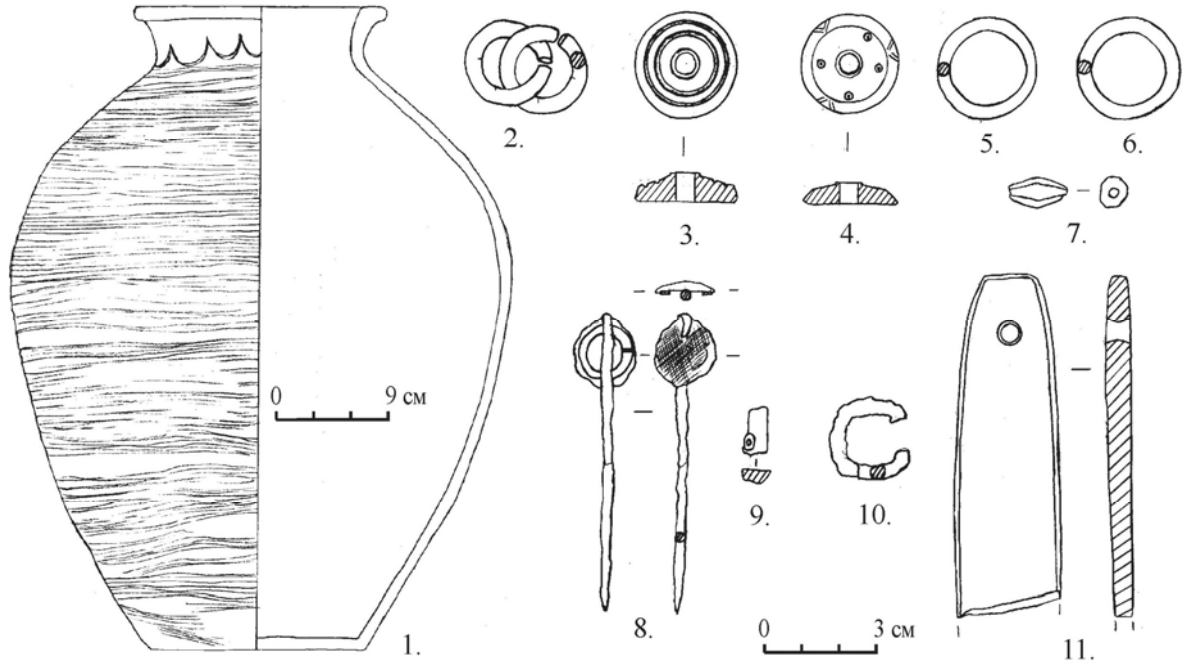


Рис. 2

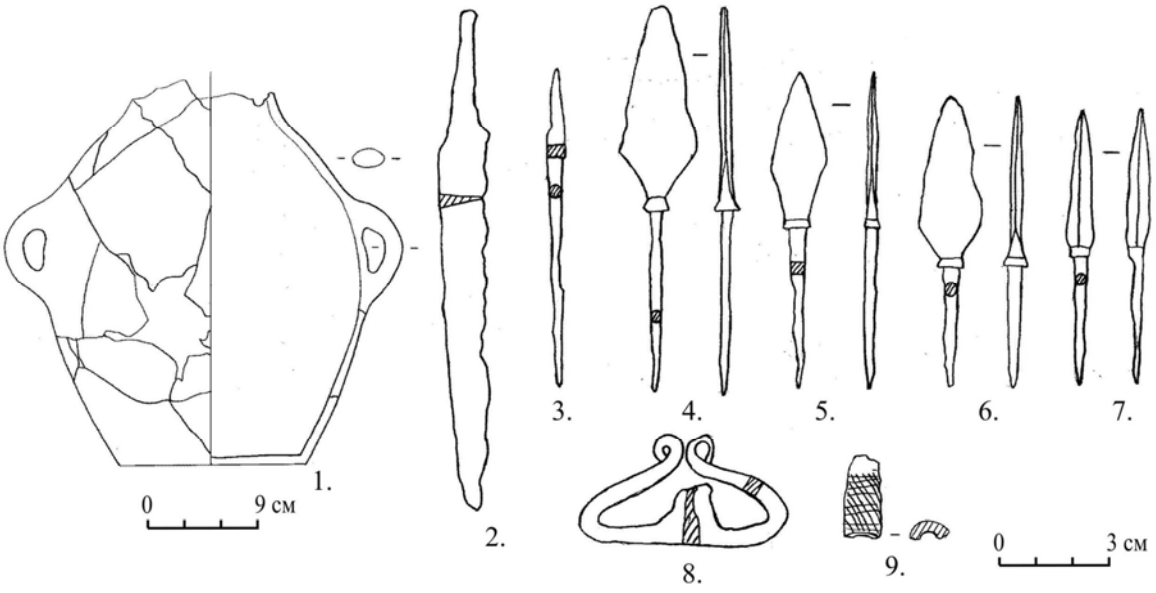


Рис. 3

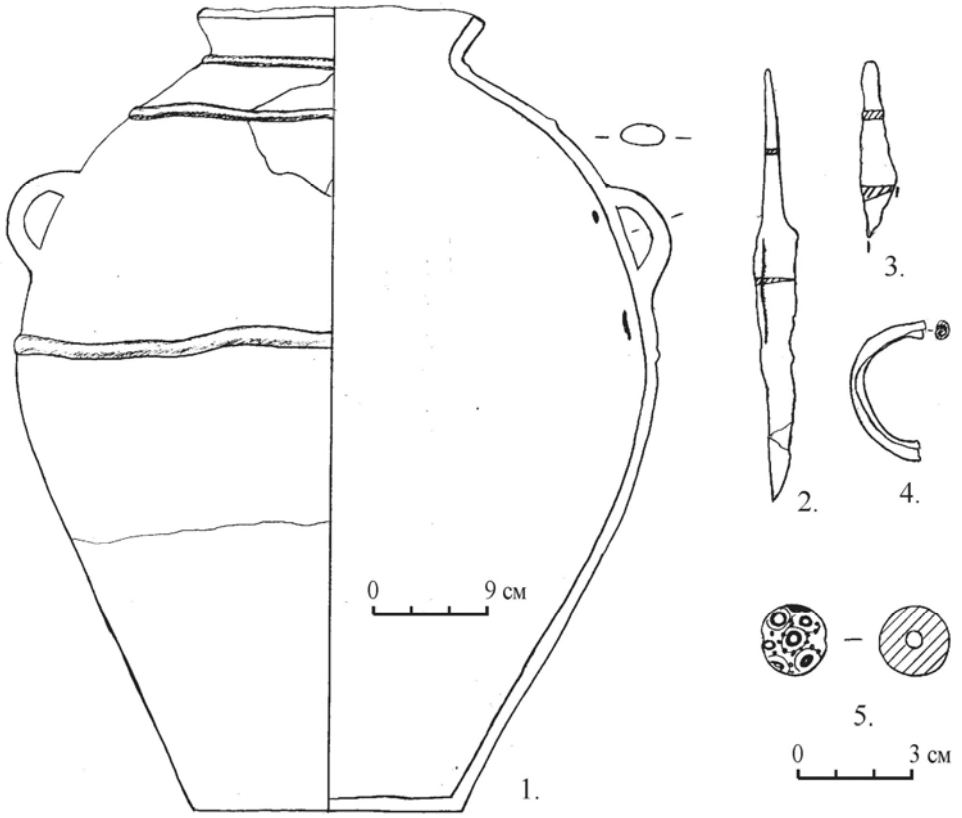
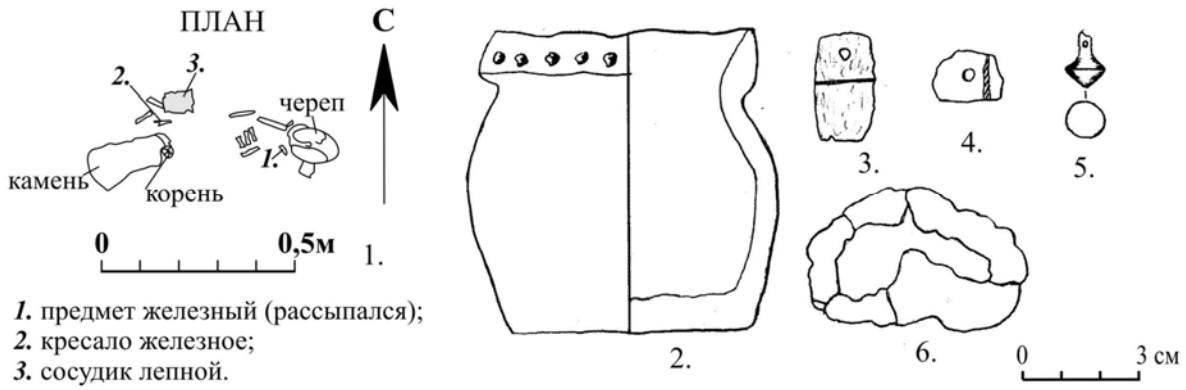


Рис. 4



1. предмет железный (рассыпался);
2. кресало железное;
3. сосудик лепной.

Рис. 5

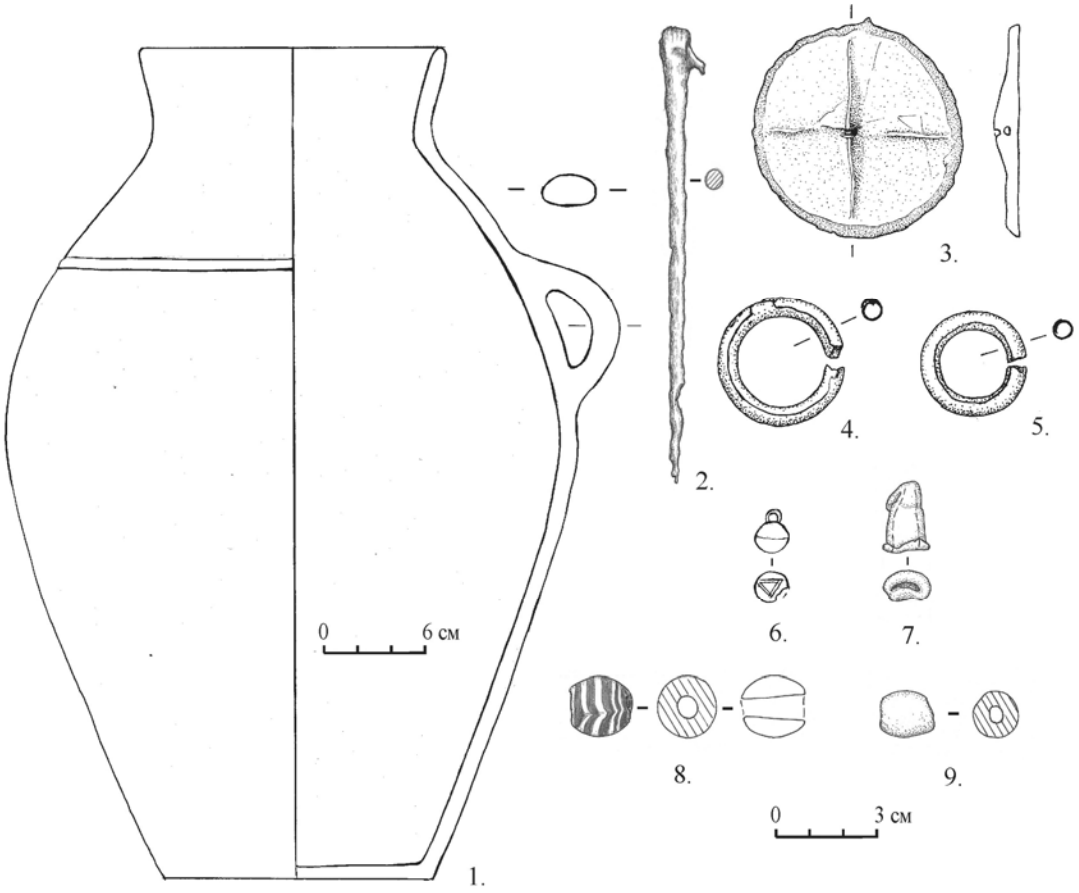


Рис. 6

А.М. Новичихин

НОМИСМА НИКИФОРА III ВОТАНИАТА ИЗ СОБРАНИЯ АНАПСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Аннотация. В статье публикуется найденная в Анапе и хранящаяся в Анапском археологическом музее золотая византийская монета – номисма Никифора III Вотаниата.

Ключевые слова: византийская нумизматика, номисма, гистаменон, Никифор III Вотаниат, Анапа, средневековая археология.

A.M. Novichikhin

NOMISMA OF THE NIKEPHOROS III BOTANEIATES FROM THE COLLECTION OF THE ANAPA ARCHAEOLOGICAL MUSEUM

Abstract. The article is devoted to the publications of the Byzantine gold coin – nomisma of the Nikephoros III Botaneiates found in Anapa and stored in the Anapa archaeological museum.

Key words: Byzantine numismatics, nomisma, histamenon, Nikephoros III Botaneiates, Anapa, medieval archaeology.

Многообразие научных интересов юбиляра – Алексея Васильевича Пьянкова – время от времени открывает нам новые грани археологии и истории Кубани. Среди них – мир средневековой, прежде всего, византийской нумизматики, который благодаря его

исследованиям стал ближе и понятней многим, в том числе и автору настоящих строк. Пользуюсь счастливой возможностью поделиться с юбиляром сведениями и размышлениями еще об одной, найденной на Кубани, византийской монете.

В нумизматическом собрании Анапского археологического музея вот уже более полувека находится золотая византийская монета (рис. 1), до настоящего времени не введенная в научный оборот и не ставшая предметом изучения.

Л.с. Погрудное изображение Иисуса Христа в складчатом одеянии с рукавами (колобии), держащего у груди Евангелие, украшенное тремя рядами «жемчужин». Вокруг головы Спасителя нимб с крестом, ветви которого украшены «жемчужинами»: правая и верхняя – двумя, левая – тремя. Контур нимба обозначен ложновитым валиком, контур креста – гладкими валиками. Глаза Христа обозначены выпуклыми «жемчужинами», цепочкой «жемчужин» обозначен контур бороды. Отчетливо проработаны локоны длинных волос. По сторонам от бюста Спасителя надпись IC – XC с титлами. Вокруг изображения – двойной точечный ободок, частично «смазанный» при чеканке.

О.с. Погрудное изображение императора в одеянии (доспехе?), состоящем из прямоугольных пластин с «жемчужинами» посередине и в месте соединения, и аналогичными наплечниками. На шее императора «пектораль» в виде гривны и ожерелья из девяти бусин. На голове корона, увенчанная крестом, со свисающими по обеим сторонам от головы бусинными подвесками с крестовидными окончаниями. Лицо императора широкое с усами «скобкой» и окладистой бородой, глаза обозначены крупными выпуклыми «жемчужинами». В правой руке император держит крест на длинном древке, украшенный на концах «жемчужинами», в левой, слегка отведенной в сторону, – державу в виде шара с крестом. Вокруг головы дугообразно расположенная надпись +NIK Н ФРΔЕСПТ. Вокруг изображения двойной точечный ободок. Надпись и ободок смазаны при чеканке.

Изначально монета была выпукло-вогнутой (скифатной), в древности ее попытались выпрямить, в результате чего выпуклые части изображения стали несколько «забитым», а на краях остались вмятины от инструмента, которым наносились удары. От края монеты к центру проходит извилистая трещина, пересекающая на лицевой стороне правую часть фигуры Христа, а на оборотной – крест и часть лица императора. Над головой Христа у края монеты сохранились следы припоя от утраченного ушка, указывающие на то, что выпрямленная монета использовалась в качестве подвески (нательной иконки-образка). На этой же стороне у левого края множественные царапины, нанесенные каким-то орудием, оставившем на металле монеты серый цвет – вероятнее всего, эти повреждения нанесены находчиками. На экземпляре имеются также множественные мелкие царапины и потертости, полученные при его использовании в качестве монеты и подвески.

Диаметр монеты 3-3,2 см. Вес 4,3 г. Золото 375º. Соотношение осей – 6 часов. Инвентарный номер КМ 8365/22239, АЗ-29.

Согласно записи в «Книге поступлений», монета поступила в музей 4 августа 1963 г. Эта запись – единственный источник информации о монете: ни акта передачи музею, ни какой-либо другой записи или документа, указывающих на место и обстоятельства находки, в музее нет.

Со слов Н.Д. Нестеренко, научного сотрудника Анапского археологического музея в 1976–1996 гг., в круг научных интересов которого входила топография находок античных монет в Анапе, известно, что данная византийская монета была найдена в Анапе на территории одного из частных домовладений напротив Городского дома культуры – на нечетной стороне ул. Гребенской, между ул. Терской и Крымской.

Монета представляет собой золотую номисму-гистаменон Никифора III Вотаниата, класса I по классификации Ф. Грирсона: особенностью монет этого класса является погрудное изображение Христа и императора [11, p. 200, 370, class I, pl. 52, 927]. По мнению британского исследователя, монеты этого типа чеканились на протяжении всего периода трехлетнего правления Никифора III (апрель 1078 – апрель 1081 гг.).

Никифор Вотаниат, представитель знатного аристократического рода армянского происхождения, выдающийся византийский военачальник; будучи стратигом фемы Анатолик, поднял мятеж против императора Михаила VII Дуки (Парапинака), добился его отречения от престола и 3 апреля 1078 г. в возрасте 77 лет был торжественно увенчан императорской короной. Трехлетнее правление Никифора III было очень беспокойным. Женитьба на Марии Аланской – жене свергнутого и постриженного в монахи Михаила VII – не принесла ожидаемого упрочения политических позиций нового императора. И западные, и восточные области империи были охвачены мятежами, поднятыми другими местными администраторами и военачальниками, также претендовавшими на императорский престол. Все восстания были успешно подавлены при участии Алексея Комнина, который в итоге сам организовал мятеж против престарелого императора, добившись отречения Никифора III Вотаниата от престола и ухода его в монастырь: 4 апреля 1081 г. сам Алексей Комнин был провозглашен императором и венчан на царство [1, с. 389–399; 2, с. 290–293; 12, p. 1479].

Номисма из собрания Анапского археологического музея – третья золотая монета Никифора III, найденная в зоне Северо-Западного Кавказа: примечательно, что все три монеты относятся к одному и тому же типу – классу I по классификации Ф. Грирсона.

Первая номисма Никифора III Вотаниата с погрудным изображением Христа и императора найдена на аланском Ильичёвском городище, находящемся на правом берегу р. Уруп, в развалинах христианского храма XII в. У края монеты над головой Христа имеется отверстие, свидетельствующее, что ильичёвский экземпляр, так же, как и анапская находка, использовался в качестве подвески (образка). Монета выпукло-вогнутая, диаметр – 3 см, вес – 4,22 г [3, с. 272, 274, рис. 5; 8, с. 34–38].

Еще одна золотая номисма Никифора III Вотаниата этого же типа найдена в составе инвентаря позднекочевнического воинского погребения, открытого И.Н. Парусимовым в 1985 г. в дельте Дона на могильнике Бубнов Ерик IV. Монета скифатная, хорошей сохранности, отверстие или ушко для подвешивания отсутствуют. Диаметр – 2,8 см, вес – 4,23 г, золото 420º [7, с. 315, 316, рис. 6, *5*].

Кроме того, известен экземпляр номисмы Никифора III Вотаниата этого же типа, приобретенный И.И. Толстым в Крыму, и, возможно, являющийся местной находкой. Вес монеты – 3,45 г. Крымская находка вместе с ещё тремя номисмами Никифора III этого типа из коллекции И.И. Толстого

в настоящее время хранится в Государственном Эрмитаже [10, с. 98, табл. 85, *1*, с. 123, примеч. 67].

В Крыму имели хождение номисмы Никифора III Вотанита другой разновидности – класса III по Ф. Грирсону: с изображениями Христа на троне без спинки и императора в полный рост [11, p. 200, 370, class III, pl. 52, 929]: три таких монеты вместе с номисмой Алексея I Комнина входили в состав небольшого клада, найденного при раскопках античного поселения Ортли близ Евпатории [9, с. 397–399].

Возвращаясь к вопросу о месте находки монеты, необходимо указать, что сведения были получены от Н.Д. Нестеренко во время обсуждения статьи о топографии городища и некрополя Горгиппии, которую Николай Дмитриевич в середине 1980-х гг. готовил к публикации [5, с. 26–36]. По сведениям анапского краеведа А.С. Корытина, в районе находки, близ пересечения ул. Гребенской и Крымской, еще в начале XX в. прослеживались следы трех больших курганов. Было высказано предположение, что монета могла происходить из разрушенного средневекового погребения, впущенного в одну из курганных насыпей.

Случайные находки из этой части Анапы, ставшие известными в последние десятилетия, заставляют несколько иначе относиться к факту обнаружения здесь византийской монеты XI в.

Прежде всего это вырезанное из сиреневато-бежевого, напоминающего овручский шифер, камня скульптурное изображение «Девы с младенцем», как назвал ее В.Е. Максименко. По его сведениям, фигурка найдена в Анапе в 1970-е гг. «на глубине около метра во время рытья траншеи где-то к юго-востоку от центрального рынка» [4, с. 91]. Обозначенный В.Е. Максименко район находки соотносится с тем же кварталом в пределах улиц Крымской, Гребенской, Терской и Красноармейской, в юго-западной части которого, ближе к ул. Гребенской, была найдена хранящаяся в Анапском археологическом музее монета. Изучение переданной В.Е. Максименко в Анапский археологический музей находки привело к выводу, что она представляет собой резную каменную иконку, несущую образ Богородицы Никопеи. Икона выполнена довольно схематично, с некоторыми отклонениями от канона. Стилистические особенности дают основания считать ее произведением провинциального мастера комнинского периода – второй половины XI – начала XIII в. [6, с. 239–243].

Еще одна находка, происходящая из этой же части Анапы, стала известна в 1998 г. В сентябре указанного года на старом кладбище Анапы у братской могилы советских воинов, погибших при освобождении Анапы в 1943 г., состоялось торжественное перезахоронение останков «неизвестного солдата» – бойца Красной армии, погибшего при освобождении города в сентябре 1943 г. и похороненного местной жительницей на территории ее домовладения по ул. Горького, на участке между ул. Красноармейской и Краснозеленых. Рядом с установленным на месте перезахоронения памятным знаком была уложена известняковая плита с рельефным изображением четырехконечного креста в рамке, до 1998 г. служившая надгробным знаком над захоронением безымянного воина. Со слов представителя местного самоуправления (председателя квартального комитета) известно, что плита с крестом, использованная в качестве надгробия, была найдена женщиной в развалинах вблизи рынка, т.е. в той же части города, где обнаружены публикуемая монета и каменная иконка Никопеи. Каменная плита с крестом (рис. 2), шириной 70 см,

высотой 62 см и толщиной 16 см, вероятно, изначально была частью декора средневекового христианского храма.

Все перечисленные находки дают основания считать, что версия о происхождении золотой византийской монеты из разрушенного погребения не единственно возможная. Весьма вероятно, что в средние века в этой части современной Анапы располагалась поселение, имевшее свою церковь. Определенные аргументы в пользу этого дает историческая топография Анапы. Сегодня квартал города, где были найдены монета и иконка, находится на достаточно заметном в рельефе возвышении. Судя по карте рвов и оврагов Анапы на начало XX в., составленной анапским краеведом А.С. Корытиным (рис. 3), эта возвышенность представляла собой край оврага, сильно вдававшегося в равнину в южном направлении со стороны приморской низины (следы этого оврага и сегодня прослеживаются на квартале, расположенном к юго-западу от места находки). Участок местности над крутым склоном протяженного оврага, вполне вероятно, имевшего водоток, представляется весьма удобным для расположения поселения. Следует указать, что до настоящего времени в этой части города не проводилось археологических раскопок или наблюдений за земляными работами, поэтому предположение о существовании здесь средневекового поселения пока не более чем гипотеза.

Как бы то ни было, найденная в этой части Анапы и хранящаяся в Анапском археологическом музее номисма-гистаменон Никифора III Вотаниата пополняет корпус находок византийских монет на Юге России и дает основания задаться вопросом о причинах распространения в регионе монет этого императора, относительно недолго правившего в Византии.

Источники и литература

1. *Величко А.М.* История византийских императоров. Том. 4. М.: ФИВ, 2009. 799 с.

2. *Каждан А.П.* Внутриполитический кризис в конце XI в. и внешнеполитический разгром // История Византии. Т. 2. М.: Наука, 1967. С. 278–294.

3. *Ложкин М.Н.* Новые памятники средневековой архитектуры в Краснодарском крае // Советская археология. 1973. № 4. С. 270–276.

4. *Максименко В.Е.* Загадочное изображение // Донская археология. 1999. № 2. С. 91.

5. *Нестеренко Н.Д.* Новые данные о топографии Горгиппии // Горгиппийский сборник. Анапа, 2000. С. 26–36.

6. *Новичихин А.М.* К атрибуции анапской «девы с младенцем» // Кондаковские чтения – II. Проблемы культурно-исторических эпох: Материалы II международной научной конференции. Белгород, 2008. С. 239–243.

7. *Парусимов И.Н.* Воинские позднекочевнические погребения с левобережья и дельты Дона // Средневековые древности Дона. М. – Иерусалим: Мосты культуры, 2007. С. 312–324.

8. *Пьянков А.В., Юрченко Т.В.* О номисме Никифора III Вотаниата, найденной на Ильичевском городище // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. IV / Науч. ред. С.Н. Малахов, сост. С.Г. Немченко. Армавир – Отрадная, 2016. С. 34–38.

9. *Сидоренко В.А.* Монетный клад времени Алексея I Комнина (1081–1118 гг.), найденный на античном поселении Ортли // История и археология Крыма. 2015. Вып. II. С. 397–399.

10. *Толстой И.И.* Византийские монеты. Вып. 10. Барнаул: День, 1991. 176 с.

11. *Grierson P.* Byzantine Coins. London, 1982. 411 p.

12. The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 3. New York – Oxford: Oxford University Press, 1991. P. 1475–2232.

Подписи к иллюстрациям:

Рис. 1. Номисма Никифора III Вотаниата из собрания Анапского археологического музея. Фото автора.

Рис. 2. Каменная плита с рельефным изображением креста. Фото автора.

Рис. 3. «Карта рвов и оврагов в начале XX века г. Анапа», составленная А.С. Корытиным. Архив Анапского археологического музея. Красной точкой обозначено примерное место находки монеты.

Рис. 1

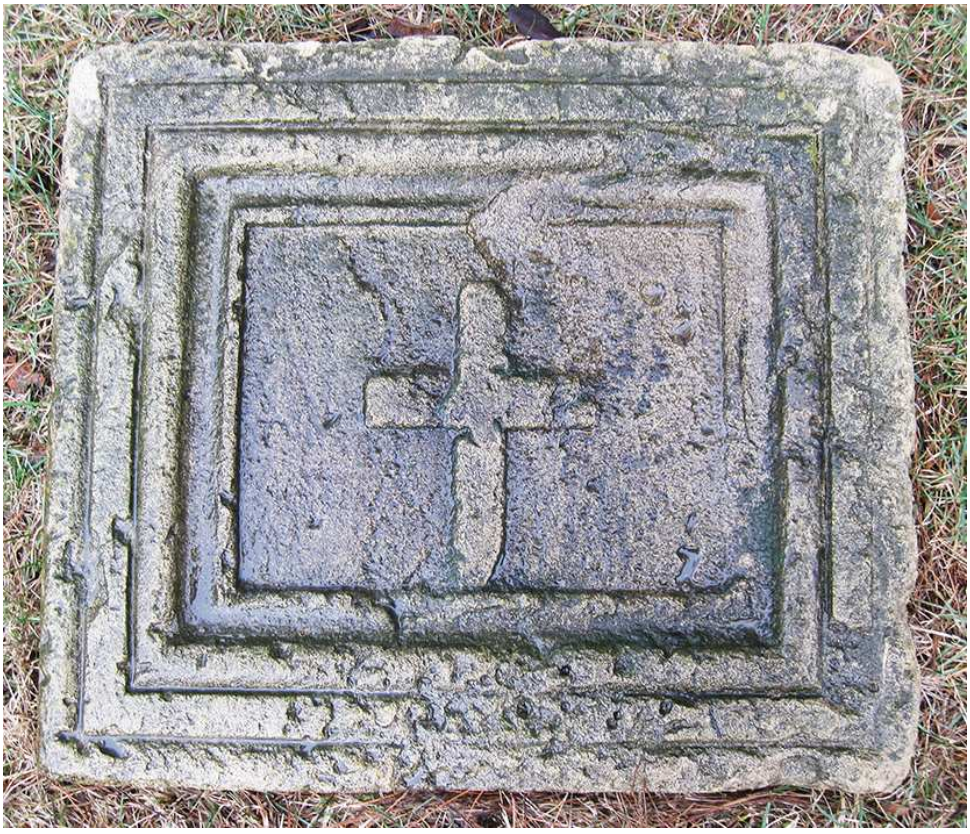


Рис. 2

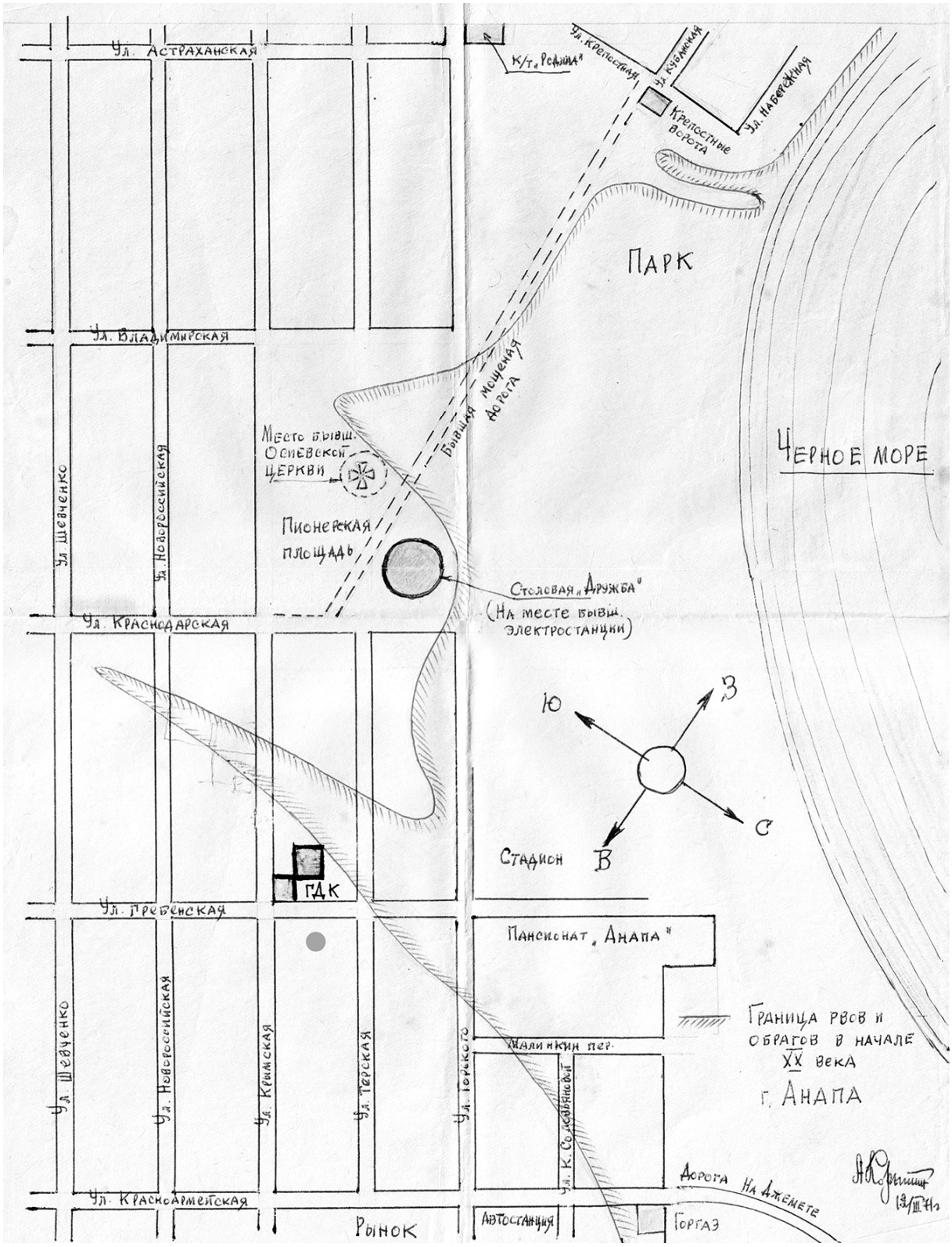

Ул. Астраханская
К/т „Родина"
Ул. Крепостная
Ул. Кубанская
Крепостные ворота
Ул. Набережная
Парк
Ул. Владимирская
Бывшая мощеная дорога
Место бывш. Осиевской церкви
Черное море
Ул. Шевченко
Ул. Новороссийская
Пионерская площадь
Столовая „Дружба"
(На месте бывш. электростанции)
Ул. Краснодарская
Ю
З
С
В
Стадион
ГДК
Ул. Гребенская
Пансионат „Анапа"
Граница рвов и обрагов в начале XX века
г. Анапа
Малинкин пер.
Ул. Шевченко
Ул. Новороссийская
Ул. Крымская
Ул. Терская
Ул. Горького
Ул. К. Соловьяновой
Дорога на Джемете
Ул. Красноармейская
Рынок
Автостанция
Горгаз

Рис. 3

А.В. Пьянков, А.А. Тиханов

ТРИ СВИНЦОВЫЕ ИКОНКИ ИЗ НОВЫХ ПОСТУПЛЕНИЙ В ФОНДЫ КРАСНОДАРСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Аннотация. В Краснодарский музей поступили три свинцовые иконки с изображением святого Георгия на одной стороне и креста, пустившего растительные побеги. Они были найдены в 2014 году в водах Таманского залива в 100 метрах от берега с остатками Таманского городища. Все три иконки имеют признаки производственного брака. Они маркируют остатки литейной мастерской. Здесь копировали свинцовые иконки, привезённые из Северо-Восточной Болгарии, где их изготавливали. Производство иконок этого типа возникло во второй половине X и прекратилось после набега печенегов в первой половине XI вв. Копирование иконок, вероятно, продолжалось и позднее. Артефакты свидетельствуют о политико-экономических связях между разными берегами Черного моря в тмутараканский период.

Ключевые слова: Краснодарский музей, Тамань, средневековое город, Северо-Восточная Болгария, мастерская, свинец, икона, святой Георгий, крест, X–XI века.

A.V. Pjankov, A.A. Tikhanov

THREE LEAD ICONS FROM NEW ARTIFACTS FOR THE FUNDS OF THE KRASNODAR MUSEUM-PRESERVE

Abstract. Three lead icons with the image of St. George on one side and a cross letting vegetable shoots enter the Krasnodar Museum. They were found in 2014 in the waters of the Taman Bay, in 100 meters from the shore with the remnants of the Taman town. All three icons have signs of a production defect. They mark the remains of the foundry. Here the lead icons brought from North-Eastern Bulgaria were copied, where they were made. The production of icons of this type arose in the second half of X and ceased after the Pechenegs raid in the first half of the 11-th centuries. Copying of icons, probably, continued and later. Artifacts testify to the political-economic relations between the different shores of the Black Sea in the Tmutarakan period.

Key words: Krasnodar Museum, Taman, medieval town, North-Eastern Bulgaria, workshop, lead, icon, St. George, cross, X–XI centuries.

В 2014 г. в Таманском заливе, в 100 м от берега, местные жители нашли христианские предметы личного благочестия. Со слов находчиков, место обнаружения металлических вещей было расположено против Таманского городища на небольшой глубине, предметы были относительно компактно сосредоточены на дне. Три предмета сегодня переданы в Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына (далее – КГИАМЗ). Это свинцовые иконки, представляющие значительный интерес для специалистов и заслуживающие отдельной публикации. Приводим описание предметов.

Иконка 1. Прямоугольная, двусторонняя свинцовая иконка (рис. 1, *1*; 2, *1*), на лицевой стороне которой рельефно изображена стоящая в полный рост фигура Святого Георгия в виде пешего воина, с непокрытой головой. Святой изображён в фас, правая рука отставлена в сторону и держит древко

копья; внизу, у правой ноги, угадывается извивающееся тело змея-дракона, левая рука придерживает стоящий у левой ноги щит, изображенный в профиль. Голова святого обрамлена округлой причёской из курчавых локонов и окружена нимбом. Святой воин одет в рубаху до колен, поверх которой – доспехи (пластинчатая броня или кольчуга с набедренником). Слева от фигуры на уровне головы заметна рельефная буква «О». Вся композиция по краю обрамлена рельефным валиком, состоящим из точек, ограниченных с двух сторон линиями.

На оборотной стороне иконки – рельефное изображение процветшего креста, концы которого завершаются тремя полукружиями: крупным центральным и двумя меньшего размера, расположенными по сторонам первого, в средокрестии находится крупное полукружие, охваченное рельефным кругом с четырьмя небольшими полукружиями. По сторонам верхней ветви креста сохранились остатки двустрочной надписи: «I[C] X[C] / NH [K]A». Буквы первой строки под титлами, первый слог второй строки передан с лигатурой. По сторонам нижней ветви креста симметрично изображены побеги, проросшие из её основания. Композиция обрамлена двумя рельефными валиками, между которыми сохранились следы точечного валика.

По середине верхней стороны иконки имеется полукруглый выступ, оставшийся от неотлитой петли (брак) для подвешивания иконки.

Сохранность. На обеих сторонах заметны следы отливки в плохой форме. На лицевой стороне рельеф размыт, отсутствует чёткость изображения, практически не читаются надписи, не просматриваются черты лица и причёски головы святого, от копья сохранился фрагмент древка, выступающий из кисти правой руки вверх, туловище змея угадывается, его голова не видна. На оборотной стороне надписи растительные побеги и валики по краю просматриваются частично. У середины иконки заметны следы поперечного перегиба пластинки.

Иконка 2. Прямоугольная, двусторонняя свинцовая иконка (рис. 1, *2*; 2, *2*), на лицевой стороне рельефно изображена стоящая в полный рост фигура Святого Георгия в виде пешего воина, с непокрытой головой. Святой изображён в фас, правая рука поднята вверх, левая рука удерживает стоящий у левой ноги щит, изображенный в профиль. Голова святого обрамлена нимбом. Святой воин одет в рубаху до колен, поверх которой, вероятно, одеты доспехи. Справа и слева от фигуры на уровне головы и верхней части туловища заметны рельефные следы букв, хорошо видна первые буквы: «О» и вписанная в неё «А». Вся композиция по краю ограничена рельефным валиком, состоящим из точек, ограниченных с двух сторон линиями.

На оборотной стороне – рельефное изображение процветшего креста, концы которого завершаются тремя полукружиями: крупным центральным и двумя меньшего размера, расположенными по сторонам первого; в средокрестии находится крупное полукружие, охваченное рельефным кругом с четырьмя небольшими полукружиями. По сторонам верхней ветви креста сохранились остатки нечитаемой надписи. По сторонам нижней ветви креста симметрично изображены побеги. Сохранились следы рельефного валика, обрамлявшего композицию.

По середине верхней стороны иконки имеется фигурный выступ от плохо отлитой петли (брак) для подвешивания иконки, сквозное отверстие отсутствует.

Сохранность. На обеих сторонах заметны следы отливки в плохой форме. На лицевой стороне рельеф размыт,

надписи и змей-дракон не сохранились. От фигуры святого остался только контур. Один нижний угол иконки был загнут, а затем распрямлён, на что указывает сохранившаяся косая складка у этого угла пластинки. Второй нижний угол – загнут назад. Верхний и нижний края пластинки имеют треугольные выщерблины.

Иконка 3. Прямоугольная, двусторонняя свинцовая иконка (рис. 1, *3*; 2, *3*), на лицевой стороне рельефно изображена стоящая в полный рост фигура Святого Георгия в виде пешего воина, с непокрытой головой. Святой изображён в фас, правая рука отставлена в сторону и держит древко копья, внизу у правой ноги угадывается извивающееся тело змея-дракона, левая рука удерживает стоящий у левой ноги щит, изображенный в профиль. Голова святого обрамлена округлой причёской из курчавых локонов и окружена нимбом. Святой воин одет в рубаху, поверх которой, предположительно до колен, одеты доспехи. Изображение по краю отделено рельефным валиком, состоящим из точек, ограниченных с двух сторон линиями.

На оборотной стороне рельефное изображение процветшего креста, концы которого завершаются тремя полукружиями: крупным центральным и двумя меньшего размера, расположенными по сторонам первого, в средокрестии находится крупное полукружие, охваченное рельефным кругом с четырьмя небольшими полукружиями. По сторонам верхней ветви креста сохранились остатки двустрочной надписи: «[IC] X[C] / NH [K]A». Буквы первой строки под титлами, первый слог второй строки передан с лигатурой. По сторонам нижней ветви креста симметрично изображены побеги, проросшие из её основания. Изображение на оборотной стороне имеет остатки рельефного валика.

На лицевой стороне иконки, чуть ниже верхнего обреза, сохранился небольшой каплевидный выступ, загнутый вниз, оставшийся от неотлитой петли (брак) для подвешивания иконки.

Сохранность. На обеих сторонах заметны следы отливки в плохой форме. На лицевой стороне рельеф размыт, отсутствует чёткость изображения, не читаются надписи, не просматриваются черты лица и причёска головы святого, от копья сохранился фрагмент древка, опускающийся ниже правой руки, туловище змея угадывается, его голова не видна. На оборотной стороне надписи, растительные побеги и валики по краю просматриваются частично. Верхний правый угол пластинки загнут, противоположный нижний угол иконки утрачен.

Все три свинцовые иконки отлиты в одной двухстворчатой форме, для изготовления которой был использован прототип, вероятно, свинцовая иконка, уже имевшая следы потёртости. Состояние всех трёх изделий свидетельствуют о производственном браке: во-первых, изображения отлиты некачественно (фигура святого передана контурно, многие её детали и атрибуты не просматриваются, надписи практически не читаются); во-вторых, петли для ношения у двух иконок не были отлиты, а у одной петля отлита коряво и не имеет сквозного отверстия; в-третьих, все три отливки несут следы отношения мастера как к браку (у одной иконки следы перегиба с последующим исправлением, две из них имеют загнутые углы, а у одной угол оторван).

То, что бракованные изделия найдены примерно в одном месте, допускает предположение, что в прошлом там была мастерская литейщика. Авторам известно, что там же ранее находили бронзовые литые нательные крестики и подвески с изображением крестов.

Иконки с изображением на лицевой стороне Святого Георгия в образе пешего воина-змееборца, стоящего в полный рост и поражающего копьем извивающегося у его ног змия-дракона, с процветшим крестом и надписью «IC XC / NH (с лигатурой) KA» на обороте, известны в науке. Добавим лишь, что на публикуемых иконах остались следы от надписей, расположенных в столбик по обе стороны верхней части туловища и головы святого воина: «ОА[внутри О вписана А] ГНОС ГЄОРГНОС». Кроме того, на всех иконках хламида, одетая на Святого Георгия, не видна; плохо просматривается или совсем не различима фигура змея. Во всём остальном таманские иконки полностью соответствуют ранее публиковавшимся аналогам. Речь идёт о свинцовых иконках из Северо-Восточной Болгарии, открытых в таких памятниках, как Доростол, Попин, Скала и Средище, опубликованных Г. Атанасовым [2, с. 36–44; 3, с. 336–338, рис. 3, *1, 4, 6*; 5, с. 50, рис. 2; 3; 4], позднее изучавшихся и К. Тотевым [10, с. 362–369, рис. 1, *1–3*].

Г. Атанасов пришёл к выводу, что в Южной Добрудже локализуется производство свинцовой христианской культовой пластики, о чём свидетельствуют находки в слоях упомянутых городищ и поселений свинцовых слитков, формочек, готовых иконок и других предметов христианского благочестия из этого же металла (крестики, подвески с крестами и иконки других типов) и допускает появление описанного типа именно здесь [3, с. 338–339]. Автор, на основании изучения иконок из разных памятников, разделяет работы по художественному уровню, при этом ремесленный центр в Доростоле (Дрыстр / Силистра), выделявшийся своими размерами, возможно, был основным [3, с. 338]. По мнению К. Тотева, образцом для иконок со Святым Георгием послужила иконка из более дорогого материала, изготовленная в Константинополе, Салониках или каком-либо другом византийском центре [10, с. 369].

Вопрос о датировке свинцовых иконок со Святым Георгием из Северо-Восточной Болгарии вызвал споры между двумя болгарскими исследователями: Г. Атанасовым и К. Тотевым. Оба исследователя приводили разные аргументы в обосновании своих хронологических построений.

Так, К. Тотев после анализа пластики образа святого воина и процветшего креста утверждал, что по аналогиям такие изображения датируются позднекомниновским и раннепалеологовским временем, то есть второй половиной XII – серединой XIII в. [10, с. 367–369].

В свою очередь Г. Атанасов датировал иконки второй половиной X – 30-40 годами XI в., основываясь на времени существования крепости Скала, которая, как установили раскопки, функционировала с середины X века вплоть до печенежского нашествия 1036 г., когда крепость была разрушена и запустела, как и другие поселения в регионе [4, с. 82–83; 3, с. 338]. В это время уже известны изображения процветших крестов в Византии [3, с. 340].

На основании изучения иконографии святого воина автор пришёл к выводу, что после середины IX в., без прямого заимствования со стороны, именно в Южной Добрудже, зарождается и распространяется особая иконография «Святой Георгий – пеший воин-змееборец», как образ святого патрона для пеших воинов [3, с. 341].

Наблюдения Г. Атанасова надёжно фиксируют время появления таких иконок в Северо-Восточной Болгарии во второй половине X – первой трети XI в.

В пользу этой даты свидетельствуют изображения процветших крестов с трёхчастными завершениями ветвей на оборотной стороне Лимбургской ставротеки X в. и на задних крышках реликвариев XI в. из Эрмитажа и сокровищницы церкви Сан Джованни ин Латерано в Риме [1, с. 31–33, рис. 9, *11–13*]. Процветшим крест такого же типа изображён на каменной плите X в., происходящей из средневекового Херсона [6, с. 82, кат. 81; 7, с. 73–74, кат. 531]. Сегодня эта плита датируется более широко, в пределах X–XI вв., как и другие плиты с изображением процветших крестов, имеющих по паре «слёзок» на концах ветвей [8, с. 158, 439–441, кат. №№ 30–32].

Судя по таманским находкам, свинцовые иконки со Святым Георгием копировали за пределами Северо-Восточной Болгарии. Это обстоятельство указывает на то, что их производство не могло прекратиться после разгрома печенегами ремесленных центров в Южной Добрудже. Как долго продолжалось копирование свинцовых иконок и насколько оно было распространено в северопричерноморских византийских ремесленных центрах, в настоящее время не известно. Однако производство отлитых из свинца двусторонних иконок со святыми воинами на лицевой стороне и процветшим крестом на обороте, правда, других типов, продолжалось ещё долго после середины XI в. [9, с. 150–161, рис. 1; 2].

Источники и литература

1. *Банк А.В.* Прикладное искусство Византии IX–XII вв. Очерки. Культура народов Востока. Материалы и исследования. М., 1978.

2. *Атанасов Г.* Ранносредновековни оловни иконки със св. Георги-воин от Южна Добруджа // Археология. 3. София, 1992.

3. *Атанасов Георгий.* Святой Георгий – пеший воин-змееборец: возникновение иконографии, памятники, семантика и распространение // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны КОРЗУХИНОЙ (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). СПб.: Нестор-История, 2010.

4. *Атанасов Г.* Свети Георги Победоносец – спорни иконографии и датировки // Археология. 3-4. София, 2004.

5. *Атанасов Г.* Сребърен медалион с образите на пророк Даниил и свети Георги от ранносредновековната крепост до с. Цар Асен, Силистренско // Археология. 3. София, 1990.

6. Византийский Херсон. Каталог выставки / Отв. ред. И.С. Чичуров. М.: Наука, 1991.

7. Искусство Византии в Собраниях СССР // Каталог Выставки в 3-х томах / Под науч. ред. А.В. Банк и О.С. Поповой. Том 2. Искусство эпохи иконоборчества. Искусство IX–XII веков. М.: Советский художник, 1977.

8. *Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залесская В., Журавлёв Д.* Наследие византийского Херсона / Автор проекта Т. Яшаева. Севастополь – Остин: Телескоп, Институт классической археологии, 2011.

9. *Степаненко В.П.* Свинцовая иконка из Новгорода и культ Св. Дмитрия Солунского в Византии и Болгарии конца XII – первой половины XIII века // Византия в контексте мировой истории: Материалы научной конференции, посвященной памяти А.В. Банк / Отв. ред. В.Н. Залесская. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004.

10. *Тотев К.* Средневековые византийские свинцовые иконы из Северо-Восточной Болгарии (к иконографии Святого Георгия-драконоборца) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VII / Ред.-сост. А.И. Айбабин, В.Н. Зинько. Симферополь, 2000.

Подписи к иллюстрациям:

Рис 1. Свинцовые иконки из КГИАМЗ, найденные у Таманского городища в заливе: 1 – иконка № 1; 2 – иконка № 2; 3 – иконка № 3. Фото А.В. Пьянкова.

Рис. 2. Свинцовые иконки из КГИАМЗ, найденные у Таманского городища в заливе: 1 – иконка № 1; 2 – иконка № 2; 3 – иконка № 3. Рисунки Е.Г. Пьянковой.

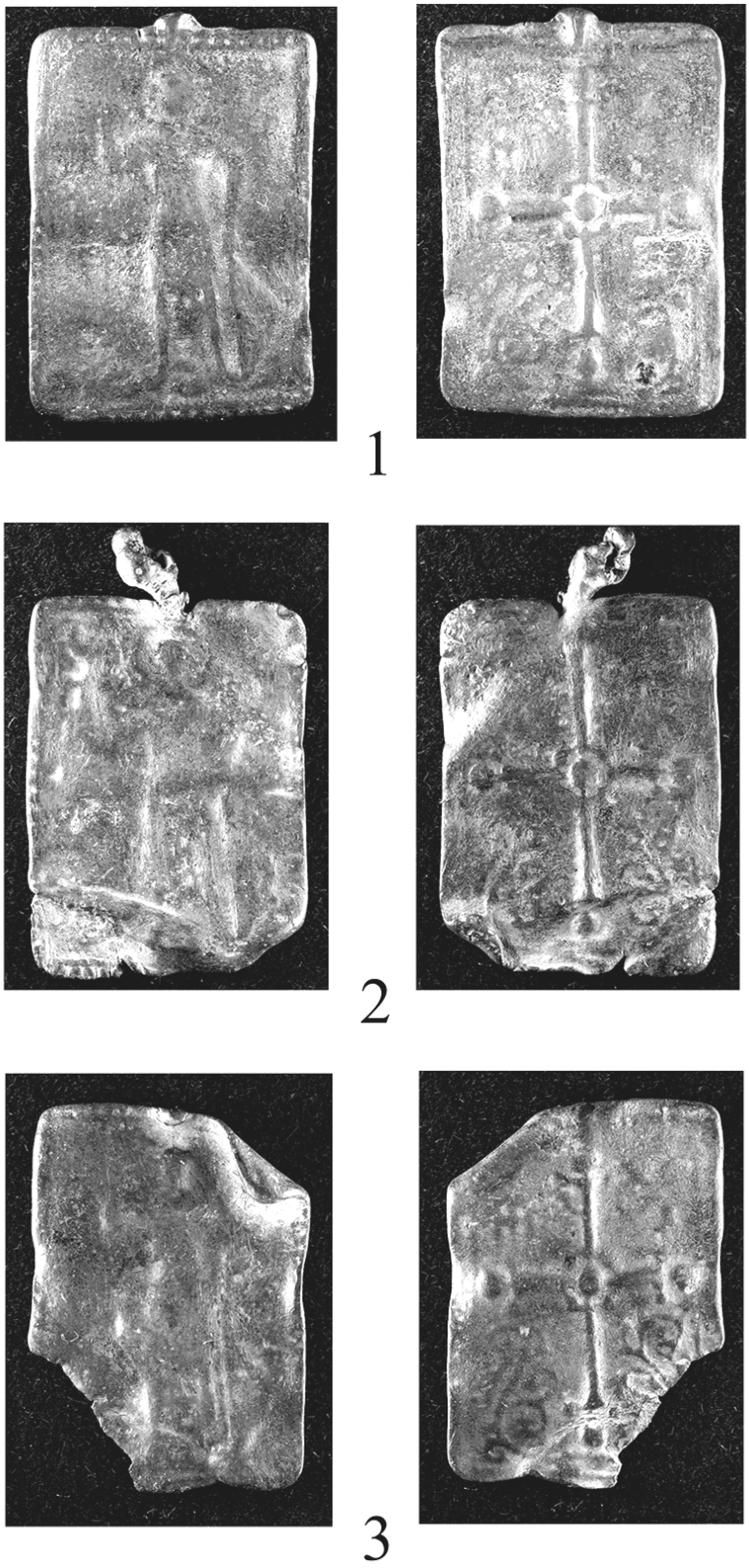


Рис. 1

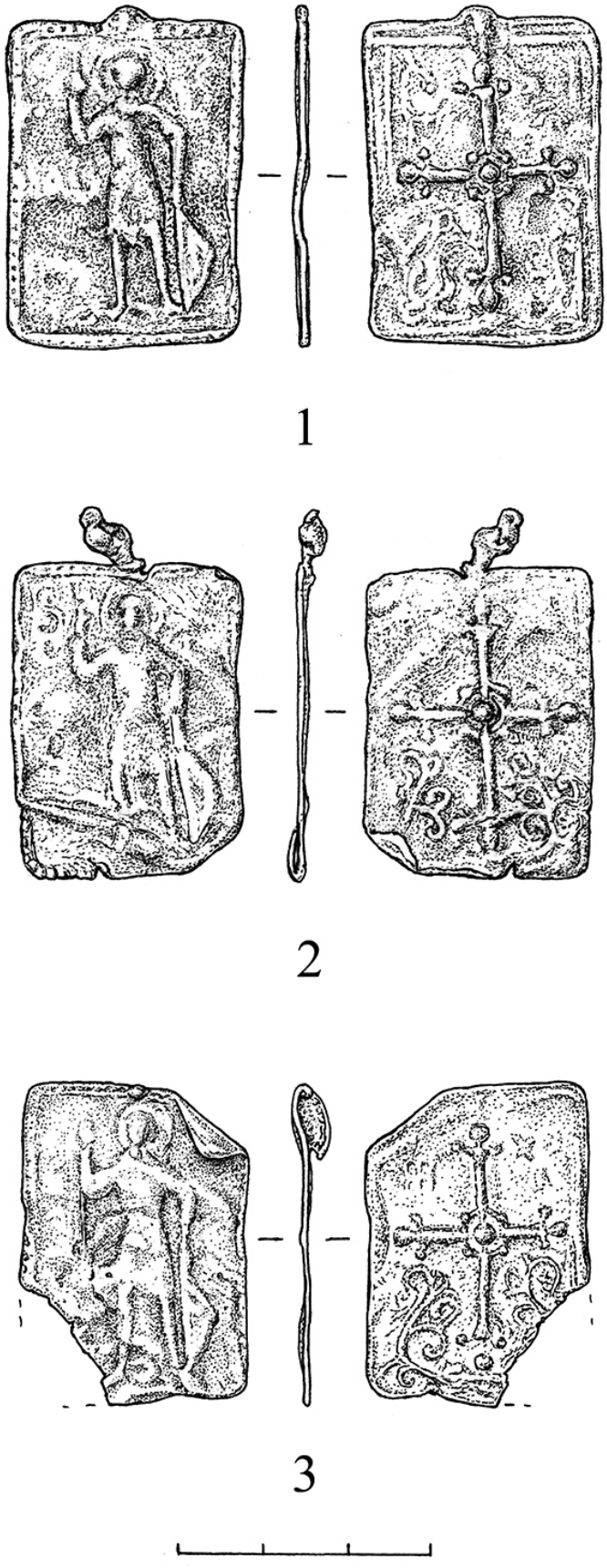


Рис. 2

И.В. Волков, А.А. Тиханов

ШАКРАН И ШАКРАК С НЕДОКАЗУЕМОЙ СВЯЗЬЮ

Аннотация. Статья посвящена итальянской средневековой печати, найденной на городище Ангелинский Ерик (станица Ивановская) в 2016 г. Бронзовая прикладная печать с именем владельца – еще одно свидетельство присутствия итальянцев в Золотой Орде. Приводятся данные письменных источников о генуэзском купце Шакране, хотя его деятельность не обязательно связана с городом Шакраком.

Ключевые слова: Золотая Орда, город Шакрак, итальянский купец Шакран, печать, генуэзцы, городище Ангелинский Ерик.

I.V. Volkov, A.A. Tikhanov

SHAKRAN AND SHAKRAK WITH UNPROVABLE CONNECTION

Abstract. The article is devoted to the Italian medieval seal found on the ancient settlement of Angelinsky Yeric (stanitsa Ivanovskaya) in 2016. The bronze applied seal with the owner's name is another evidence of Italian presence in the Golden Horde. There are given the data of written sources about the Genoese merchant Shakran, although his activity is not necessarily connected with the city of Shakrak.

Key words: Golden Horde, Shakrak town, Italian merchant Shakran, seal, Genoese, ancient settlement of Angelinsky Yerik.

Связь двух имен по теме – не только не очевидна, но и сомнительна в высшей степени. Речь идет об одном городе Шакраке, упомянутом только Абу-л-Фидой, и генуэзском купце Шакране, фигурирующем в сочинении Бадр-ад-Дина ал-Айни. Поводом для напоминания об этих двух похожих именах стала находка на городище Ангелинский Ерик бронзовой печати европейского происхождения, скорее всего, итальянского. Находка редкая, показывающая присутствие итальянцев в городе, расположенном на пути из Тамани в Азак. Об эфемерной связи двух имен и археологическом артефакте и пойдет речь.

О локализации города Шакрака на месте городища Ангелинский Ерик (у станицы Ивановской Краснодарского края) пространно написано прежде (1, с. 85–92; 3, с. 43–47; 4, с. 62–64). Кратко все сводится к следующему. Упомянутый в «Упорядоченье стран» при описании моря Азака город Шакрак находился у берега этого моря, путь от Тамани к Шакраку идет на восток, а от Шакрака к Азаку – на север. Дельта Кубани не является сушей в полном смысле, и ее граница может считаться побережьем, к которому примыкает огромное пространство лагун, лиманов, плесов и плавней, а другого золотоордынского поселения, соответствующего по рангу городу, на этой территории просто нет.

Генуэзский купец Шакран упоминается ал-Айни в двух местах, фрагменты приведем полностью в связи с неординарностью фигуры. В первом случае этот генуэзец выполнял поручение египетского султана по освобождению захваченных корсарами послов.

«В 711 году [20 мая 1311 – 8 мая 1312 г.] возвращались послы султана от царя Токты; в сообществе их [находились] послы Токты.

В раби' ал-авваль [18 июля – 16 августа 1311 г.] на них напали франки и всех их взяли в плен, а было их со

свитой около 60 человек. Они [франки] поехали с ними в прибрежные области, предложили их в продажу и клялись, что возьмут за них не менее 60 000 [динаров], но никто не купил их, и они отправились с ними на остров Мастики [Хиос]. Тогда султан приказал схватить франкских купцов, находившихся в Александрии, и наложить запрещение на имущества их до тех пор, пока они не представят послов его. Поехал на остров Мастики генуэзский купец Шакран, освободил их и отослал их в Египет, [куда] они прибыли 16 раби' ал-ахир 712 года [21 августа 1312 г.]» (6, с. 513–514).

Как видим, персона весьма важная, и можно было бы рассчитывать на иные, независимые источники об этом человеке. Однако их найти пока не удалось. Вероятно, потому, что зафиксированное имя, скорее всего, – прозвище, данное в Египте. Нарицательное его значение однозначно определить сложно, поскольку есть несколько вариантов. Во-первых, это может расцениваться как «Благодарность» (**شكران**). Менее вероятно, что это производное от слова «белокурый, русый» (**اشكر**). Очень похож также корень, совершенно соответствующий названию города – «**شقرق**» («быть веселым»). Скорее даже, что это было прозвище без ярко выраженного нарицательного значения. То есть, это могла бы быть нисба, указывающая, например, на город, в который купец часто ездил. Но для этого не хватает суффикса «**ي**». Впрочем, искажения в именах собственных – явление обычное, особенно когда речь идет об иностранцах.

Во второй раз Шакран стал жертвой конфликта султана ал-Малика ан-Насыра и Узбека в 1322 г.

«Вознегодовал Узбек на это гневом сильным, причем еще случилось следующее. Один великий купец франкский, по имени Шакран, пользовался большим почетом у Эльмелик-Эльмузаффара Бейбарса, [доходившим] до того, что он [Бейбарс] называл его братом. Когда Бейбарс умер, Шакран же остался [в живых], то кади Керимеддин, управлявший собственностью [султана], потребовал Шакрана и подарил ему 60 000 динаров, сахару и другого товара на 40 000 динаров для торговли этим. Этот Шакран был знаток торговли, пользовался хорошей репутацией в земле своей и неоднократно совершал поездки в [разные] страны. Случилось, что он снарядил из земли Узбековой корабль, нагруженный всякими товарами. Когда прибыл шейх Номан и сообщил Узбеку о приключившемся ему поругании, то Узбек не нашел иного успокоения для своего гнева, как ограбление имущества Шакрана и умерщвление его. Он отнял [действительно] все, что у него было, и убил его.

Вслед за этим случилось прибытие к нему посла султана [египетского]. Он [Узбек] не обратил внимания на дело его, не обращался к нему и самое большое, что он один [только] раз сказал ему, [заключалось в том], что он спросил его: «Здоров ли ал-Малик ан-Насыр?» Тот [посол] ответил: «Да». Тогда он [Узбек] сказал: «Мы также здоровы», и после того не допускал его к себе на аудиенцию, запретил им [лицам, прибывшим с послом] покупать что-нибудь в землях [его], утверждал, что Шакрана убил один из островных царьков…» (6, с. 523–524).

Итак, имеется минимум информации о месте убийства Шакрана. Во-первых, это место поблизости от побережья моря, где можно было снарядить корабль. Во-вторых, это должен быть приблизительно остров, где есть «царьки», не подконтрольные самому хану. Не вызывает сомнений то, что «неподконтрольность» – выдумка

Узбека с целью оправдаться, но какая-то подоплека у этой версии должна была быть. Т.е. должны были существовать какие-то «островные царьки». И уж, по крайней мере, недостаточно контролируемые «острова». Попробуем подобрать таковые.

В первую очередь в сознании возникает Крым, который действительно могли называть островом. Здесь определенной самостоятельностью пользовались князья Феодоро, но вероятность того, что грабежом и убийством купца его правители провоцировали бы конфликт с генуэзцами, невелика. Исключать это нельзя, но вероятность попадания информации о таком событии в письменные источники значительна, если бы оно действительно имело место. К тому же грабительские действия Узбека на этой территории были предельно затруднены, в том числе из-за обилия «свидетелей».

Совсем близко к резиденциям Узбека находились острова дельты Волги. Но с ними не очень увязывается канва упомянутых событий. Путь на корабле с берегов Волги – не самый удобный. Суда можно было перетаскивать из Волги в Дон и следовать далее хоть вплоть до Средиземного моря, но для занятий этим время было еще неподходящим. В это время у европейцев еще не было факторий не только в Сарае, но и в Азаке. Фрахтовать или покупать в этот период корабль так глубоко в степи было слишком рискованно. К тому же даже предположение о существовании «островных царьков» «под носом» у самого хана не выглядит возможным.

Другое место, где были труднодоступные острова, не очень контролируемые золотоордынской администрацией, – это дельта Кубани. Конечно же, наименование племенных адыгских вождей царьками – слишком громкое, но все же допустимое. Городище Ангелинский Ерик находится на границе этой обширной области, занятой лиманами, плавнями и многочисленными протоками Кубани. В отличие от Крыма, Таманских островов и даже дельты Волги здесь было практически невозможно развернуть многочисленный воинский контингент (особенно кавалерию) и тем более продержать его длительное время во враждебном окружении.

Существенно, что в это время генуэзцы и венецианцы еще не имели участков в Азове, а до Шакрака можно было добраться из Тамани. Корабль мог быть разграблен в Матреге, а убийство Шакрана – списано на полунезависимых владетелей островов, окруженных водой и зарослями тростника. Естественно, такую локализацию событий можно расценивать лишь как туманное предположение. Все аргументы сводятся к тому, что именно в дельте Кубани был выход к морю для корабля и допустимо существование «островных царьков».

Итак, печать найдена на земельном участке, находящемся во владении А.А. Тиханова, в 2016 г. Она прикладная, небольшого размера, с обломанной верхней частью рукояти (рис. 1, *2*); выполнена из качественной бронзы, с благородной патиной черного цвета. Сохранившаяся высота – 22 мм. Поле круглое, диаметром 18 мм, толщина диска по краю – 2 мм, к центру он утолщается. Рукоять смещена относительно диска, ее высота – 19 мм, в средней ее части, в фигурном расширении сделано отверстие для подвешивания диаметром 2,5 мм.

В центральной части поля расположен треугольный щит, разделенный на четыре части вертикальной и горизонтальной линиями. Два диагонально расположенные поля щита разделены на три горизонтальных полосы, два

других диагональных поля заполнены мелкой косой штриховкой, что должно соответствовать цвету – красному или синему. Щит находится в ободке из мелких точек. Внешнее кольцо составляет надпись из 15 букв с разделителями: крестом и тремя двоеточиями. По самому краю прослеживаются остатки внешнего ободка из мелких точек.

Само прочтение надписи не является затруднительным в силу хорошей сохранности предмета.

+:S:CHOLO:MAG IVL IRO:

Легко определяется значение первой буквы – sigillo или suggello, то есть печать. Последующие пять букв, скорее всего, сокращенная форма имени Nicolo. Последующие девять букв могут быть фамилией или именем и сокращением названия должности. К сожалению, ни среди генуэзских, ни среди венецианских нобилей найти такую фамилию не удалось. Дальнейшие предположения не могут быть надежно обоснованы. Например, буквы «MAG» могут быть сокращением слова «magistrato» (судья, должностное лицо).

Приписывать найденную печать убитому Шакрану, конечно, авантюрно. Возможно, большая определенность с положительным или отрицательным ответом была бы в случае однозначной интерпретации надписи на печати. Ясно только, что владелец печати был европейцем-христианином, скорее всего – итальянцем.

Личных прикладных печатей итальянцев в Золотоордынских владениях немного. Прежде были известны два экземпляра из грабительских сборов в округе Азова (5, с. 113, 120; 2, с. 58). По крайней мере, три находки происходят с территории Крыма (ни одна из них не связана с научными раскопками). Представляемая печать – еще одно свидетельство присутствия итальянцев в Золотой Орде.

Об этом же свидетельствуют сведения о генуэзском купце Шакране, хотя его деятельность не обязательно связана с городом Шакраком.

Источники и литература

1. *Волков И.В.* Возможности локализации золотоордынского города Шакрак // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы IV Международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г.А. Федорова-Давыдова (30 сентября – 3 октября 2008 г.). Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2009. С. 85–92 (Донские древности. Вып.10).

2. *Волков И.В.* Тана // Археология Нижнего Дона: Учебник: Проспект / Отв. ред. А.В. Киященко. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2013. С. 58.

3. *Волков И.В., Лопан О.В.* Работы на городище Ангелинский Ерик и возможности локализации золотоордынского города Шакрак // Пятая Кубанская археологическая конференция: материалы конференции. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2009а. С. 43–47.

4. *Волков И.В., Лопан О.В.* Мечеть золотоордынского города Шакрака: некоторые наблюдения об истоках культовой архитектуры Золотой Орды // Форум «Идель – Алтай»: Материалы научно-практической конференции «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей: тезисы докладов. Казань: Институт истории АН РТ, 2009б. С. 62–64.

5. *Масловский А.Н.* Золотоордынский Азак и его округа. Краткий очерк // Средневековая Евразия: Симбиоз городов и степи: Материалы II Международного Болгарского форума (21–23 мая 2011 г., г. Казань) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Отечество, 2013. С. 110–121 (Археология Евразийских степей. Вып. 17).

6. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884.

Подписи к иллюстрациям:

Рис. 1. Прикладная печать с городища Ангелинский Ерик (ст. Ивановская). Прорисовка И.В. Волкова.

Рис. 2. Прикладная печать с городища Ангелинский Ерик (ст. Ивановская). Фото И.В. Волкова.

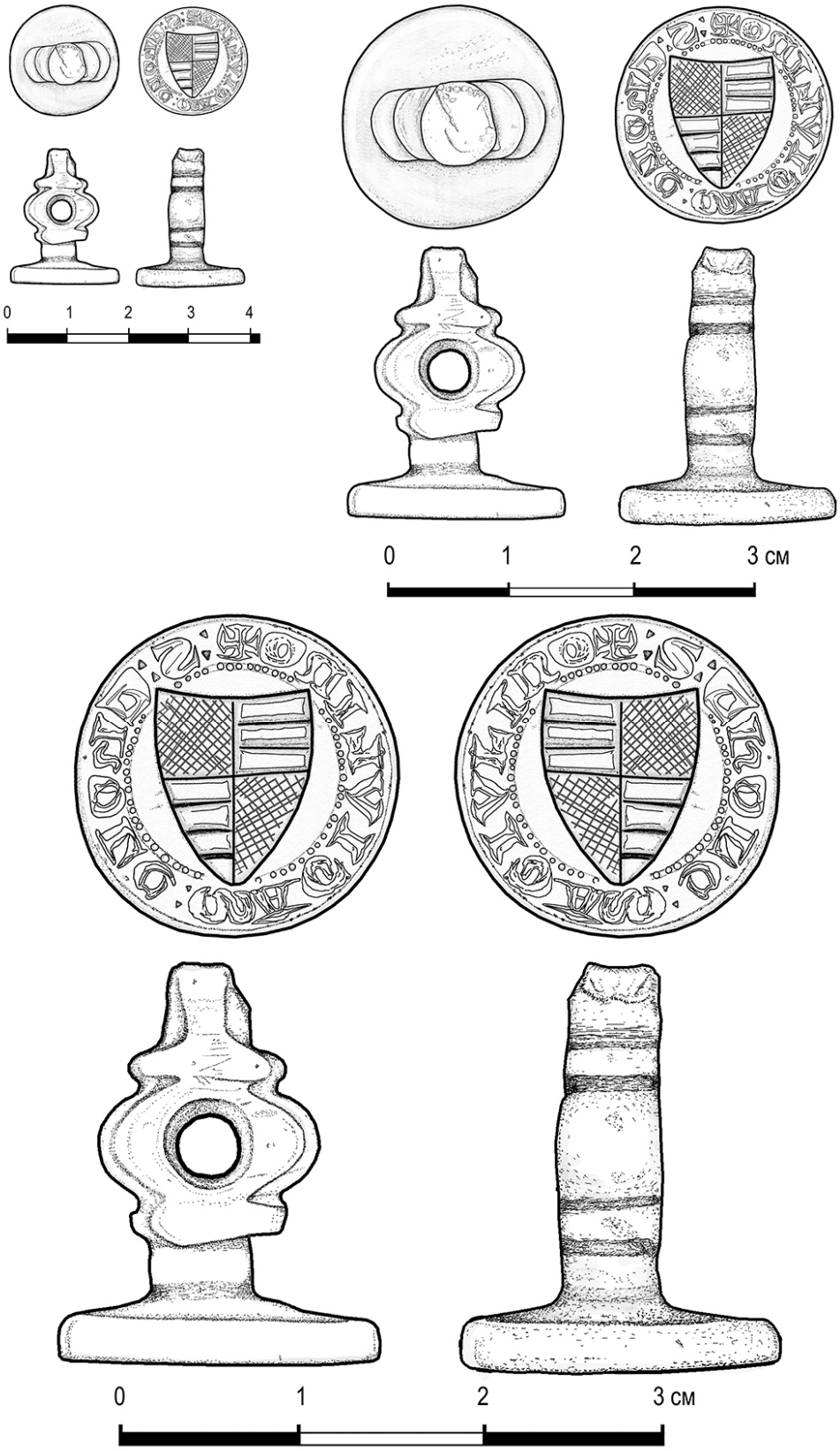


Рис. 1

Рис. 2

С.Н. Малахов

АЛАНСКАЯ МИТРОПОЛИЯ И АЛАНЫ В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ КОНЦА 1390-х – 1470-х гг.

Аннотация. В статье систематизируются некоторые прямые и косвенные свидетельства об аланах и Аланской митрополии в XIV–XV вв., сохранившиеся в нарративных источниках, церковных актах и эпистолярных памятниках. Автор делает вывод, что Аланская митрополия в этот период продолжает существовать как церковно-административное подразделение Константинопольского патриархата и числится в его нотициях. В этот период у аланского населения не исчезают традиции приходского православия. Сохранение православных обрядов в повседневной жизни алан поддерживало их этническую идентичность.

Ключевые слова: Алания, Аланская митрополия, аланы, Трапезунд, Константинопольский патриархат.

S.N. Malakhov

ALANIAN METROPOLIA AND ALANS IN WRITTEN SOURCES OF THE LATE 1390s – 1470s

Abstract. There is systematized direct and indirect information about the Alans and the Alanian Metropolia in the 14th – 15th centuries, preserved in narrative sources, church acts and epistolary documents. The author concludes that the Alanian metropolia existed in that period as a church-administrative subdivision of the Patriarchate of Constantinople and is listed in its notations. During that period, the traditions of the parish Orthodoxy did not disappear in the Alanian population. The preservation of Orthodox rites in the daily life of Alans supported their ethnic identity.

Key words: Alania, Alanian Metropolis, Alans, Trapezund, Constantinople Patriarchate.

По мере возрастания территориальных утрат Византийской империи в Малой Азии сведения об Аланской митрополии в документах Константинопольского патриархата становятся всё более отрывочными и лаконичными, а иногда заменяются новыми названиями этнономенклатурного характера, свидетельствующими о важных демографических, языковых и культурных трансформациях в северокавказском регионе. Константинопольский патриархат испытывает затруднения в поддержании связей с территорией Аланской митрополии. Политическая раздробленность, бедность аланского населения, втянутого в политические раздоры наследников Золотой Орды, формирование новых племенных образований и динамичное изменение этногеографической карты Предкавказья – всё это не привлекало в регион византийских клириков, отправлявшихся преимущественно из Империи и восточных патриархий за милостыней – финансовой поддержкой – на Русь, во владения великого московского князя, крепнущее государство которого становится мощным оплотом Православия в Восточной Европе.

В историографии утвердился тезис о полном упадке христианства в Алании после монголо-татарского нашествия в 1239 г. и похода Тимура в ордынские владения Северного Кавказа в 1395 г. [9, с. 329–348], однако имеющиеся, хотя во многом и лаконичные, сведения письменных источников свидетельствуют о сохранении

христианских традиций у позднеаланского населения, а также церковных связях приходов митрополии с Трапезундом и Константинополем.

Уникальным свидетельством прочных православных традиций в Алании начала XV в. является приписка армянского монаха-писца Симеона, сделанная к книге «Нарек. Толкование Нарека» в Крыму («стране Сурхат») в 1412 г. в монастыре Отуз [3]. На л. 733 сохранилась маргиналия: «Народы, которые состоят в роду Христианском: Руссы – письменность и язык, Аланы – письменность и язык, Чаргазы, Хыпчахи, Асы, Артаюды, Тады, Луды, Султахи, Влахи, Сырпы – эти подвластны греческому престолу» [20, с. 201, № 114]. Армянский монах указывает прямо на существование «письменности и языка» не только у «руссов», но и у алан. Речь идет об особой системе письменности и языке богослужения у этих двух народов. Важно, что «Асы» перечисляются отдельно от алан, они тоже христиане, но особой письменности не имеют [об аланах и асах в Крыму подробнее см.: 15, с. 64–77]. С кавказской локализацией также могут быть связаны «Чаргасы» (Черкесы) и «Хыпчахи» (Кипчаки). Однако «Артаюды» (Арнауты?), «Влахи», «Сырпы» (Сербы) – балканские народы. Упоминание письменности и особого языка богослужения косвенно подтверждает сохранение к началу XV в. у кавказских алан церковной структуры и ее подчинении Константинопольскому патриархату.

В дипломатической переписке и официальной титулатуре византийских императоров ещё иногда упоминаются аланы и Алания как территория христианская, подчиненная «императору всех христиан» и «самодержцу Ромеев». Но это выглядит скорее горделивой констатацией утраченного политического влияния, которое когда-то император и василевс, как владыка христианской ойкумены, имел над Аланией.

Динамика этих изменений с середины XIV по середину XV вв. наглядно отражается в переписке с правителями мамлюкского Египта. Султан Мелик Насир Насир-ад-дин Мухаммед (1310–1341) в своем письме от 1340/41 г. Андронику III Палеологу титуловал императора ромеев «благоразумнейшим Андроником… мечом Македонского царства, доблестью царства эллинов, императором Болгарии и Влахии, и Алании, самодержцем России и Иверии, и турок, наследником Римской империи, властвующим над двумя морями и реками, Дукой Ангелом Комнином Палеологом» [34, p. 58. 6–14]. Примерно в этот же хронологический период, отражая декларируемый империей статус и самооценку императорской канцелярией границ влияния Византийской империи, султан Мелик Насир Насир ад-дин Хасан (1347–1351) в письме императору Иоанну VI Кантакузину от 30 октября 1349 г. [о дате письма см.: 30, X, p. 27] называет византийского государя «мечом македонян <…>, императором эллинов, императором болгар, асаниев, влахов, русских и аланов, честью учения ивирцев и сирийцев, наследником империи земли своей, властелином морей и рек великих и островов, Ангелом Комнином Палеологом Кантакузином» [35, p. 94. 10–17]. Таким образом, к середине XIV в. Константинополь, церковь и императорская власть ещё декларируют Аланию как территорию, а алан как этнос в составе «византийского содружества», гордо называя василевса не только императором македонян и эллинов, но также императором болгар, «асаниев», влахов, русских и аланов. Вхождение православных территорий Алании, Руси, Влахии, Болгарии, Ивирии

в своеобразный союз восточноправославных народов рассматривается византийской официальной дипломатией как основание для того, чтобы заявлять о политической супрематии над указанными землями и народами. Церковные связи маркировали границы политического влияния, религиозного и культурного доминирования Византийской империи.

Однако более реалистичная картина открывается в письме мамлюкского султана Ашрафа Сейф-ад-дин Барсбея (1422–1438) императору Иоанну VIII Палеологу. Хотя письмо и выдержано в духе византийских дипломатических посланий, в нем нашли отражение элементы византийской доктрины ойкумены, но оно оказалось более деконкретизированным за счет льстивых восточных клише, которые не унижали императора, но и не уточняли реальных границ его влияния, возможно, с целью пощадить самолюбие византийского василевса, от былого могущества которого осталась лишь одна тень. Правитель Египта именует Иоанна VIII «природным императором, Палеологом, природным правителем и властителем, системой и основой учения Христова, и самодержцем ромеев и всех городов приморских, и наследником империи Цезаря, и главой всей христианской веры, и справедливым для народа под его властью, одним-единственным императором из императоров, верующих во Христа, хозяином престола и стеммы и смотрителем моря и рек, Иоанном, императором всех императоров и Сирии, и опорой всех крещеных, и любимцем Римского папы, и наследником старой дружбы, и настоящим другом мусульман, и любимым императором всех императоров султаном Иоанном Палеологом» [16, с. 107. 17–28]. Письмо было написано между 1428 и 1435 гг. [16, с. 108–110] и фактически отражает полную изоляцию византийского императора и Константинополя от христианской ойкумены, а из этнических и географических названий, которые как бы подтверждали границы господства и влияния Византийской империи, упомянуты только, что он самодержец ромеев, приморских городов, «император всех императоров и Сирии».

Православные народы Восточной Европы, Кавказа в титулярном списке византийского императора более не упоминаются, а именно они придавали ему «политический вес» в середине XIV века. Василевс теперь называется «султаном», «настоящим другом мусульман», «любимцем Римского папы», что отражало реальные и трагические изменения во внешней политике и церковной дипломатии Константинополя.

Аланская митрополия постепенно утрачивает свое значение в глазах Священного синода, уходит из дипломатических проектов патриархата на второй план, что отражало конфессиональную и этническую перестройку в северокавказском регионе в конце XIV – первой половине XV века. Частично об этом свидетельствуют воспоминания о Феррaро-Флорентийском соборе (1438–1439) Сильвестра Сиропула [21]. В мемуарах высокопоставленного церковного чиновника, позднее незадолго до своей смерти занявшего в Константинополе патриарший престол (1463–1464 гг.), отражается общее критическое состояние византийской церкви перед заключением унии с католическим Римом. Император Иоанн VIII Палеолог, вспоминая о Первом Вселенском соборе, говорит о необходимости показать на грядущем соборе многочисленность православных народов, чтобы добиться паритетных условий при его проведении: «И с нашей стороны многочисленны

почитающие наше древнее учение. И они почти равны им по числу (т.е. католикам. – *С.М.*) Ведь есть перед нами и с западной, и с восточной стороны народы трапезундцев, ивиров, черкесов, менгрелов, готов, россов, влахов, сербов, тех, которые на островах, а еще и восточные Патриархи вместе с теми, кто вокруг них. Я слышал о том, что внутри Эфиопии есть великий и многолюдный народ, православный и во всем следующий нашим догматам. Думаю, что к ним надо отправить посла, призывая их на Собор. Итак, многочисленны, как я сказал, и наши» [21, с. 54]. Характерно, что в этом перечне ранее упоминавшиеся аланы в числе ближайших друзей империи уже отсутствуют. Возможно, Сильвестр Сиропул, когда писал свои мемуары, просто не стал перечислять всех православных народов Кавказа, но и в этой, приводимой по памяти речи императора есть особенность: появляются «новые» народы – «трапезундцы», черкесы, менгрелы, наряду со старыми этниконами, ранее использовавшимися в императорской дипломатической переписке – росами, влахами, сербами. Вероятно, в этот период аланы были уже «не на слуху» в патриаршей канцелярии, а на материальную помощь из Аланской митрополии рассчитывать не приходилось. Присутствие или отсутствие аланского топоса в патриаршем канцелярском дискурсе, вероятно, определялось степенью реального присутствия и политическим значением алан и представителей из Аланской митрополии в Константинополе. Ведь не случайно ещё раз о черкесахи влахах (теперь уже как о «рабах») вспоминает Сильвестр Сиропул в конце своих мемуаров, когда описывает трудности возвращения морем в Константинополь. «Обещавший возвратить нас в Константинополь со всяческим удобством, на больших кораблях и с великой честью [папа] устроил так, что мы имели столько места и удобства на грузовых галерах, сколько имеют черкесские или скифские рабы, которых везут на кораблях из Кафы или Аспрокастры» [21, с. 309]. «Черкесия», как и «черкесы», в этот период были скорее новыми формирующимися этногеографическими понятиями, которые постепенно начинают вытеснять политоним «Алания» как этноязыковое и политическое пространство в средневековой модели мира.

Именно в этот период Константинопольский патриархат, вероятно, проводит новое административное деление, и от Аланской митрополии часть территории с православным населением передается в окормление отдельному Черкесскому митрополиту. Эта церковно-административная единица должна была реанимировать влияние патриархии на Северном Кавказе и была ответом на те, ещё малоизвестные нам в подробностях, этнические и демографические подвижки, которые заявляют о себе во второй половине XIV в., и особенно после нашествия Тимура Тамерлана на Северный Кавказ в 1395/6 г. О существовании Черкесской митрополии, которой отошли частично земли западной Алании, не прямо, а косвенно можно судить по единственной патриаршей грамоте, сохранившейся в переводе в недавно опубликованной Карамзинской летописи. В тексте летописи грамота патриарха Константинопольского Антония к Новгороду помещена между 1394 и 1395 гг. Послание вызвано распрями, возникшими между митрополитом Киевским и всея Руси Киприаном и новгородцами. Пытаясь разрешить конфликт, патриарх собирал «божественный и священный собор» трижды, на котором «быша святители Кизичьскыи, Никомидийскыи, Сурожскыи, Корсунскыи, Черкасскыи,

Черноволожскыи, Омидийскыи, Дерковскыи, и архиепископь Вифлеомскыи» [18, с. 162]. Присутствие на священном соборе в Константинополе предстоятеля Черкесской митрополии наряду с малоазийскими, крымскими и балканскими архиереями указывает на «административный вес» черкесского владыки и значение, которое придавали его епархии в византийской столице. Название новоучреждённой епархии Константинопольского патриархата указывает на то, что патриархат не только отслеживал этнодемографические и политические изменения на Северном Кавказе, но и пытался путем создания новых диоцезов держать эту ситуацию под контролем, не ослабляя своего присутствия в регионе. Вероятно, в состав Черкесской митрополии вошли территории западной Алании (бассейн верхней Кубани и ее притоков), заселявшиеся предками абазин и «черкесов» (зихов) и других племенных подразделений, передвигавшихся из причерноморской зоны на северные склоны и предгорья Северо-Западного Кавказа. Черкесская митрополия, не исключено, могла включать некоторые бывшие территории Зихской митрополии, но последняя продолжала существовать в этот период, ее столичным городом была Матраха /Тмутаракань, а последнее упоминание о митрополите Зихии и Матрахи Иосифе относится к 1396 г. [33, p. 269; 1, с. 73, 74]. Маловероятно, чтобы в древнерусском переводе патриаршей грамоты с греческого поименование митрополита Зихии было заменено на митрополит «Черкасскыи». Следует отметить, что росписи кафедр поместных церквей и митрополий и архиепископств Константинопольского патриархата, равно как и патриаршие акты на греческом языке, сведений об отдельной Черкесской митрополии не сохранили.

Особые связи с конца XI – начала XII в. у аланских митрополитов устанавливаются с Трапезундом. С 1084–1105 гг. по конец 1380-х гг. епархиальный центр Аланской митрополии находился в крепости Сотириуроль (Лазика), а с 1390-х гг. по 1461 г. в Трапезунде [14, с. 60].

После восстановления Византийской империи в 1261 г. константинопольский патриарх стал постепенно восстанавливать свои вселенские права, однако до середины XIV в. сохранялся особый порядок избрания трапезундских владык местными архиереями на соборе своего диоцеза, с совершением хиротонии на том же месте. Со второй половины XIV в. Константинопольский патриарх вновь начинает поставлять трапезундских митрополитов в столице, их поездки в Константинополь становятся более частыми. Трапезундские владыки начинают играть более активную роль во внутренней жизни византийской церкви. Их высокий статус отмечается не только в чинопоследовании кафедр, фиксировавшемся в нотициях Константинопольского патриархата, но и в том, что трапезундским архиереям был присвоен титул «всесвятейших», уравнивавший их с владыками крупнейших кафедр, например Фессалоники [5, с. 219].

Как уже отмечалось, к 1401 г. аланские митрополиты перемещаются в Трапезунд, и здесь могла временно располагаться резиденция аланского митрополита, что предполагает наличие церкви, подворья, келий, церковно-богослужебного имущества или в самом городе, или пригороде [13, с. 163]. Причины перемещения кафедры из крепости Сотириуполь на реке Чорох могли быть вызваны отдаленностью и труднодоступностью этого места, а также возросшей внешней опасностью, и, кроме того, право назначения

на аланскую кафедру все чаще оспаривается и практически реализуется митрополитом Трапезунда. В 1391 г. великий эконом (второе лицо после митрополита) Трапезундской церкви Феодор Панарет получает право патриаршего экзарха в самом Трапезунде, а также право властвовать и управлять в святых церквах Неокесарии, Колонии, Кельцины, Алании и еще архиепископстве Ставрополиса [33, p. 154–155]. Нельзя исключать описки в документе – и под этим топонимом скрывается Сотириуполь. Отдаленность Трапезунда и военные действия с османами были использованы для окончательного поставления аланских владык, их выборов и смещения, под контроль светских и церковных властей Трапезунда.

После смерти трапезундского митрополита Антония (1395–1401) император Мануил III (1390–1417) добился от патриарха права выбирать аланского митрополита на месте, без поездок в Константинополь. Но и трапезундский митрополит, и патриарший экзарх Нафанаил были уличены в симонии. Иеромонах Гедеон, действуя от имени заинтересованных лиц, предложил патриарху Матфею I в начале 5 соммов серебра, а затем еще 3 сомма для утверждения на должности митрополита Алании и экзарха всей Лазики. Возмущенный патриарх отменил результаты выборов. Однако император в ноябре 1401 года согласился принять у себя избранного митрополита Алании и рассмотреть его дело. Новоизбранный «аланейский» владыка после начала навигации с марта 1402 г. должен был прибыть в Константинополь в четырехмесячный срок, чтобы представить свои оправдания перед священным синодом и получить окончательное решение по вопросу его избрания [33, p. 483–484, 541–543; 31, № 3121, 3198, 3236; 29, IX, p. 137–138, note 26]. Однако трапезундский император, как свидетельствует прецедент, оказался не в состоянии контролировать выборы на кафедры, находившиеся на его территории, без согласований с Константинополем. Патриарх сохранял супрематию над церквами Юго-Восточного Понта, и митрополичьи кандидатуры утверждались по-прежнему в патриарших палатах. 14 июля 1402 г. в Трапезунд прибыл из Константинополя кир Симеон (1401–1402), новый владыка Трапезундской митрополии [28, p. 137, № 35]; сведений об аланском митрополите, который к этому времени тоже должен был прибыть из столицы, не сохранилось.

Резиденции почти всех епископов Понта и порубежных с ним территорий уже с начала XIV в. располагались во владениях Трапезундской империи (Амасии – в Лимнии, Неокесарии – в Инее, Алании – в Сотириуполе, а затем Трапезунде). Перемещение владык в пределы Трапезундской империи было вызвано неблагоприятной ситуацией в малоазийских епархиях, и митрополиты воспользовались правом покидать территории, где велись военные действия. Такая ситуация усиливала авторитет Трапезундской митрополии перед патриархом, которая выступала своеобразным консолидированным представителем православного населения не только территорий, подконтрольных Великим Комнинам, но и заморских (на эту роль претендовал Аланский митрополит), а также временно утраченных и попавших под власть тюрок в малоазийском регионе [5, с. 219; 7, с. 158–160]. В. Лоран даже находит возможным говорить о «ленной зависимости» Аланской митрополии в XV в. от Трапезундской империи [32, p. 613], но речь должна скорее идти о зависимости церковной администрации, а не

территории, находившейся в основном на Северном Кавказе. Известно, что один из последних архиереев Алании Мелетий скончался в монастыре св. Саввы 23 мая 1447 г. [28, p. 134, № 16], а затем, с учетом развернувшихся событий – взятие Константинополя турками в 1453 г. и турецким наступлением на Трапезундскую империю, – аланская кафедра долго была «незамещенной».

Территория Трапезунда после падения Константинополя в 1453 г. оставалась единственным «островком» православия, через который можно было поддерживать связи с трапезундской церковью, аланским митрополитом и Константинопольским патриархатом, оказавшимися в турецком пленении. Возможно, в эти тяжелые времена митрополичий престал аланских владык оставался длительное время вакантным, что и привело к исчезновению из официальных документов упоминаний об Алании как значимой административной единицы византийской Церкви. Однако аланы, как народ православный, христианскими правителями Грузии и Запада рассматривался на Ближнем Востоке в качестве союзной силы в борьбе с турками.

Несмотря на то, что правление Иоанна IV Комнина (1446–1458) было, собственно, «медленным умиранием» Трапезундской империи [23, с. 263], смерть Мурада II вызвала иллюзии у брата Иоанна IV Комнина Давида, что турок можно изгнать, соединив силы греков и западных христиан. Начались переговоры о создании антитурецкой коалиции из европейских и азиатских правителей. Большие надежды возлагались на папу и герцога Филиппа Бургундского. Царь Давид (1458–1461) в письме к Филиппу Бургундскому от 29 апреля 1459 г. рассказывает, что он выдал свою племянницу за Узун-Хасана, хана Белобаранной орды в Месопотамии, с целью заручиться его поддержкой в создаваемой антитурецкой лиге. Трапезундский царь Давид обещает выставить 20 галер и 20000 войска, Хасан – 50000, грузинский царь Георгий VIII – 60000, подчиненный ему грузинский герцог – 20000 кавалерии, князь Мингрелии Дадиан Липарит – 60000, князь Абхазии Рабия с братом и баронами – 30000; кроме того, «готы и аланы» дали обещание сражаться под знаменем короля грузинского Георгия. В планах Давида было освободить Иерусалим и передать Филиппу Иерусалимское королевство. В ходе подготовки борьбы с турками трапезундские послы посетили европейские страны и заключили в декабре 1460 г. торговый договор с Флоренцией. Папа Пий II в январе 1460 г. послал в Трапезунд и другим восточным князьям францисканца Людовика Болонского для организации лиги [23, с. 265–266]. В связи с тем, что в письме этнонимы готы и аланы рядополагаются, А.Н. Карсанов предложил в них видеть «готаланов» – население южного берега Крыма, политическим центром которого был Мангуп (княжество Феодоро [6, с. 404], о которых упоминает итальянец Иосафат Барбаро [2, с. 157] . Вполне допустимо, что речь в письме может идти о «готах» Готской митрополии Крыма, но аланского населения там было незначительное число, чтобы показывать его в качестве самостоятельной силы. Скорее в них надо видеть именно кавказских аланов, которых предполагалось вовлечь в антитурецкую лигу, а их православное вероисповедание и сопредельность Грузии содействовали планам аланов выступить под флагом грузинского царя Георгия. Кроме того, в письме Давида Комнина отмечается, что готы и аланы, по сведениям грузинских послов,

готовы сражаться на стороне трапезундцев против неверных [26, X. p. 184], что подтверждает именно кавказскую локализацию «готов» и аланов, упомянутых в письме. Э. Брайер, специально посвятивший статью дипломатической подготовке в 1460–1461 гг. антитурецкой лиг, в письме Давида Комнина от 29 апреля 1459 г. в «natio Githorum et Alanorum» видит «джиков» (зихов) или черкесов, и «алан» – предков осетин [26, X. p. 178–198], а не «готов», в данном случае христианское население горного Крыма.

Вероятный готовящийся аланогрузинский союз на стороне Трапезундской империи косвенно подтверждается титулатурой грузинских правителей, которые включали алан в число подвластных им народов. Так, цари Имерети Вахтанг Горгасал в грамоте 1432 г. называет себя «… царь царей ранов, кахов, сванов, греков, армян, мегрелов, грузин, джиков, алан, шарванов и шарвашов, Лих-Имера, и Востока и Севера и всей [земли] христианской царь царей и [всех] этих народов самодержец и держатель…» [4, с. 143]. Аланами, готовыми выступить под началом Георгия VIII на помощь трапезундскому императору Давиду Комнину, могли быть южные аланы (осетины). Упоминание «джиков» рядом с «аланами» в грамоте 1432 г. ещё раз подтверждает предположение, что в письме к Людовику Болонскому речь идет не о готаланах Крыма, а о кавказских этносах – джиках (зихах) и аланах. В грамоте Георгия VIII 1468 г. аланы в числе вассальных народов Грузинского царства уже не упоминаются [4, с. 189], но в грамоте 1478 г. царя Картли и Имерети Баграта VI (1466–1478) аланы вновь присутствуют в титулатуре: «Баграт, царь Абхазии, Карталинии, черкесов, аланов, Кахетии, Сомхетии и владелец Ширвана, Шанша и Шарванша…» [19, с. 37]. Характерно, что этноним «джики» заменяется на «черкесы», но этноним «аланы» употребляется неизменно. По наблюдениям С.С. Какабадзе, в грамоте, датированной исследователем 1432 г., в списке В (относящемся к XVII в.) и списке А (XVIII в.) содержится много ошибок; в частности, в списке В имеется разночтение «…алан + царей…», нет и последних шести слов в списке В «царь царей и этих самодержцев держатель» [4, с. 145]. Громкая титулатура грузинских царей, воспроизводимая в преамбулах актов, не дает реального представления о степени политического контроля над аланами. Но попытки распространить его отразились в одном материальном памятнике.

В 1915 г. Е.С. Такайшвили опубликовал грузинскую надпись на золотом кресте Спасской церкви из сел. Цховати Ксанского ущелья (Южная Осетия) [22, с. 106]. По палеографическим особенностям ученый датировал надпись и вотивный крест XIV–XV вв. В переводе надпись гласит: «Спас цховатский, я, Квенипневели эристав Ризия, пожертвовал цховатской Пречистой Богоматери имение двух дымов в Зенубане с его горами и равнинами. Попал в плен в Басиане и выкупился твоими вещами. Пусть никакой владетель не изменит» [22, с. 106]. Крест был подарен церкви в память об освобождении из плена в Басиане. По Ксанскому ущелью дороги вели в Аланию. Оказавшийся в плену эристав Ризия Квенипневели был выкуплен за счет средств церкви сел. Цховати. Е.С. Такайшвили предполагал, что эристав попал в плен в области Басиан, в верховьях реки Аракс (соврем. Турция), однако Л.И. Лавров указал, что в позднесредневековых грузинских документах Басианом называлась ущелье Балкарского Черека, и сделал

предположение, что грузинский термин «Басиан» применительно к Балкарскому ущелью происходит от родового имени местной знати (таубиев) Басият [12, с. 383]. Таким образом, ксанские феодалы совершали походы в пределы северокавказской Алании. Участие алан в антитурецкой лиге во главе с трапезундским императором под началом грузинского царя в начале 1460-х гг. было вполне возможно.

Аланские митрополиты в первой половине XV в. по-прежнему находились в тесных отношениях с трапезундскими владыками, пользовались их покровительством и связями при дворе трапезундских Комнинов. Находки трапезундских аспров Алексея IV Комнина (1417 – ок. 1447), а также монет месхетского правителя, атабега Самцхе, Кваркваре II Джакели (1466–1500) в качестве вотивных подношений в святилище Реком [8, с. 48, № 114б; 25], а также Зругском храме [26, с. 122, 123] могут указывать на интенсивность торговых контактов, движение людей, военных отрядов, посольств из Трапезунда в Аланию в этот хронологический период, поскольку Самцхе, сопредельная Трапезундской империи, находилась в зоне ее прямого политического влияния.

В конце XV в. территория Центрального и Северо-Западного Кавказа в сочинениях восточных авторов ещё населена христианами. В 1483, 1486/7, 1488 гг. персидский шейх Хайдар через Дагестан проникает вплоть до Кабарды и Закубанья «под предлогом священной войны против черкесов» [24, с. 79]. Перейдя Куру, войска Хейдара двинулись «в область Табарсарана» (на территории Дагестана). Примерно с войском в 10000 человек шейх прошел через Дербент и двинулся «по пути в страну неверных черкесов». Опустошив страну и захватив пленных, он с триумфом вернулся в Ардебиль, близ Тебриза. Из этого, второго, похода 1487 г. против «черкесов» шейх Хейдар привел с собой около 6000 пленников и по приказу шаха явился в столицу [24, с. 84, 85].

Комментируя эти сведения из персидского источника, В.Ф. Минорский привлекает данные Иосафато Барбаро, полученные в свою очередь от монаха-доминиканца брата Фра Винценцо (Fra Vincenzo) из Каффы, и речь у исследователя идет о втором набеге Хайдара на Северный Кавказ. В.Ф. Минорский пишет, опираясь на данные И. Барбаро и цитируя его, что после того как мусульмане достигли Терека и области «Чечении» (Tezechia), «после этого они вторглись в страну Гога и Магога, чьи [обитатели] являются [также] христианами, хотя греческого толку (ma fanno alla graeca) и поступили с ними таким же образом». Далее персы «повернули в сторону Черкесии, двигаясь на область Chippiche(?) и Charbatri (Charbatei – Кабарда?), лежащие в направлении «Большого моря» (Черного моря) и там же поступали таким же образом до тех пор, пока люди Titarcossa (Tetarcossa) и Chremuch не сразились с ними и не разбили их наголову… Таким образом мы можем хорошо себе представить, в каком плачевном положении живут христиане тех мест» [24, с. 148]. Не углубляясь в этимологию и локализацию этногеографических терминов итальянского источника, В.Ф. Минорский отмечает, что Хайдар проникает вплоть до Кабарды и Северо-Западного Кавказа, и в 1483 и 1487 годах его действия были направлены «против христиан-аланов (осетин) и даже против черкесов Кабарды» [24, с. 148].

Маршруты движения походов шейха Хейдара и локализация области Кремух вызвала в литературе недавно оживленную дискуссию [начало

дискуссии положили публикации В.А. Кузнецова о локализации области Кремух, см.: 10, с. 108–111; 11, с. 206–216]. Однако из комментария Минорского к персидскому источнику уже очевидно, что позиции христианства были довольно прочными как в Закубанье (западные границы Аланской митрополии), так и в Центральном Предкавказье, а в топонимах Tezechia и «страна Гога и Магога» следует видеть «аланские» территории, тяготеющие соответственно к областям по реке Тереку – «Потеречью» и перевалам в горной Осетии. Важны также указания информатора Иосафато Барбаро на греческое вероисповедание алан и черкесов и тот тяжелый урон, который был нанесен христианским областям Северного Кавказа в ходе этих двух сопряженных по времени походов мусульман против «неверных». Грабительским походам был придан религиозный характер, они велись «под предлогом священной войны против черкесов». Этот аргумент, приводимый в историческом повествовании персидским автором, ещё раз подтверждает, что к концу XV в., несмотря на присутствие редких мусульманских анклавов в Центральном Предкавказье, связанных преимущественно с остатками тюркоязычного кочевого населения бывшей Золотой Орды в этом регионе, население предгорий и горных котловин сохраняло вероисповедание греческого толка, которое с разной степенью интенсивности под воздействием внешних и внутренних неблагоприятных факторов постепенно этнизировалось, приобретая черты «народного православия».

В среде европейских интеллектуалов в конце XV в. Алания по-прежнему локализуется в северокавказском регионе и является этнофорным названием, за которым стоит реальное население, так, по крайней мере, можно судить на основании карты мира, которая была помещена любекским типографом Лукасом Брандисом в изданной им всемирной хронике неизвестного автора под названием «Rudimentum noviciorum» в 1475 г. [17, с. 20, 21]. Карта дана по архаической схеме, в виде круга, разделенного на четыре сектора. Два сектора слева (верхний и нижний) посвящены соответственно Азии и Европе. Последовательность нанесения названий стран и народов не всегда точная по сравнению с современной картой, не ясно также – нанесены топонимы (хоронимы) или этнонимы. Очевидно, что географическая номенклатура обновляется и наряду с традиционными названиями стран и народов, например, Скифия (S[c]itia), Тартария (Tartaria), Славия Большая (Slavia maior), Славия Малая (Slavia minor), присутствуют и относительно новые топонимы: Московия (Moskovia), Литтавия (Littavia), Новегардия (No[v]egardia). В центре левого нижнего сектора находится Рим (Roma), влево и вверх от него размещены Греция (Grecia), Крит (Creta), Родос (Rodus). Алания находится в европейской части карты, которой должно было соответствовать Средиземное и Черное моря, ближе к ее центру. Внизу от Алании находится Апулия (Apulia), левее Никомедия (Nicomedia), ещё дальше влево – остров Родос. В целом в сознании средневекового человека Алания находилась в европейской части, дальше к северу от Никомедии (область в Малой Азии) и к северо-востоку от Греции.

В энциклопедическом сборнике русского святого, игумена Кирилла Белозерского (1337–1427) [27, с. 146], в статье «О бисрох» (т.е. «О жемчуге») сообщаются сведения о Красном, Средиземном и Черном морях. Статья, на основании водяных знаков на бумаге, не могла быть написана ранее 1421

года, но и не позже 1427 г., хотя отражает более древний список этого произведения, содержит сведения о локализации Алании, соответствующие западноевропейской картографической традиции. Это одно из поздних и редких упоминаний об Алании в русской книжности.

Об Алании сообщается в связи с обозначением границ Черного моря: «Четверътое же море есть великое, зовомое Чръное, зане не имат островы. Дръжит же се от Сиракусы иже къ северу и простирается къ Иверіи, Асіи и Аланіи, и, обращьшеся, простирается къ Византии, и съ третиемь моремь съединевается сквозь Византийскоу теснотоу» [27, с. 146]. Таким образом, северо-восточными границами Черного моря являлись Асия (Малая Азия, её черноморское побережье, Иверия (Грузия) и Алания, границы которой выходили также к побережью). Возможно, в этом картографическом экскурсе присутствует некоторый архаизм книжной традиции, уже не синхронизирующийся с реальными границами Алании к первой четверти XV века, однако важно то, что в сознании древнерусского книжника Иверия и Алания имеют четкую кавказскую локализацию и Алания, в частности, попрежнему остается одной из значительных областей, находящейся в сопредельных границах с Византийской империей, владения которой быстро сокращались вследствие нараставшей турецкой агрессии.

После взятия Константинополя турками в 1453 г. алано-византийские церковные связи, ослабевшие в значительной степени в 1350-х – 1450-х годах, сужаются до эпизодических алано-трапезундских контактов и окончательно прерываются с падением Трапезундской империи в 1461 г. Однако Аланская митрополия продолжает существовать как церковно-административное подразделение Константинопольского патриархата, по-прежнему числится в его нотициях, у аланского населения не исчезают и традиции приходского православия, закрепившиеся за столетия в форме повседневных обрядов и ежегодных церковных праздников. Население Аланской митрополии поддерживает свою православную религиозную идентичность, которая выделяет поздних алан (осетин) среди других народов Северного Кавказа, постепенно входивших с разной степенью интенсивности в мир ислама.

Источники и литература

1. *Байер Г.-В.* Митрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зихии по данным просопографического лексикона времени Палеологов // Византия и средневековый Крым (= АДСВ. Вып. 27). Симферополь, 1995.

2. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. ст., подготовка текста, пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. Л., 1971.

3. *Барсамов Н.С.* Археологические раскопки в Отузах 1927–1928 гг. // ИТОИАЭ. Т. 3 (60). Симферополь, 1929.

4. Грузинские документы IX–XV вв. в собрании ЛО ИВАН СССР / Перевод и комментарии С.С. Какабадзе. М., 1982.

5. *Карпов С.П.* История Трапезундской империи. СПб., 2007.

6. *Карсанов А.Н.* Кавказские аланы – асы в письменных источниках позднего средневековья (XIV–XVIII вв.) // Аланы: история и культура / Сост. и отв. ред. В.Х. Тменов. Владикавказ, 1995. С. 404.

7. *Коробейников Д.А.* Понтийские митрополии на мусульманских землях в XIV в. // ВВ. 1995. Т. 56.

8. *Кропоткин В.В.* Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962.

9. *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. 2-е изд. доп. Владикавказ, 1995.

10. *Кузнецов В.А.* Адыгейское княжество Кремух // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру: тез. докл. II Междунар. конг. (15–20 сент. 1998 г.): Симп. III. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ. Ч. II. С. 108–111.

11. *Кузнецов В.А.* Забытый Кремух // Сборник Русского исторического общества. М.: Русская панорама, 2002. № 4 (152). С. 206–216.

12. *Лавров Л.И.* Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик, 2009.

13. *Малахов С.Н.* К вопросу о локализации епархиального центра Алании в XII–XVI вв. // Аланы: Западная Европа и Византия / Отв. ред. В.Х. Тменов. Владикавказ, 1992.

14. *Малахов С.Н.* Алания и Византия: Источниковедческие аспекты политических и церковных связей: избранные статьи. М., 2015.

15. *Могаричев Ю.М.* К проблеме Крымской Алании // Аланское православие: история и культура: Материалы VI Свято-Георгиевских чтений «Православие. Этнос. Культура». Владикавказ, 2017. С. 64–77.

16. *Моравчик Д.* Греческая грамота мамлюкского султана византийскому императору // ВВ. 1961. Т. XVIII.

17. *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности в XVI – начала XVIII века. СПб., 1999.

18. Новгородская Карамзинская летопись // ПСРЛ. Т. 42. СПб., 2002.

19. *Пурцеладзе Д.П.* Дворянские грузинские грамоты. Тифлис, 1881.

20. Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.) / Сост., русск. пер., введение и примечания Т.Э. Саргсян. Симферополь, 2010.

21. Сильвестр Сиропул. Воспоминания о Ферраро-Флорентийском соборе (1438–1439): В 12 частях / Пер. с греч., вступ. ст., коммент. и указатели диакона А. Занемонца. СПб.: Издательство Олега Абышко; Университетская книга-СПб., 2010.

22. *Такайшвили Е.С.* Археологические экскурсии, разыскания и заметки // Известия Кавказского отдела Московского археологического общества. Тифлис, 1915. Вып. IV.

23. *Успенский Ф.И.* Очерки истории Трапезундской империи. СПб., 2003.

24. Фазлуллах ибн Рузбихан Хунджи. Тарих-и алам-ара-йи Амини / Пер. с перс. В.Ф. Минорского; пер. с англ. Т.А. Минорской. Баку, 1987.

25. *Цуциев А.А.* Находки средневековых грузинских монет в Северной Осетии // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: Вторая Абхазская Международная археологическая конференция (8–12 ноября 2008 г.): материалы конференции. Сухум, 2011.

26. *Цуциев А.А.* Нумизматические находки у Зругского храма в Северной Осетии // Вестник СОГУ. Общественные науки. 2015. № 3.

27. Энциклопедия русского игумена XIV–XV вв. Сборник преподобного Кирилла Белозерского / Отв. ред. Г.М. Прохоров. СПб., 2003.

28. *Bryer A.* Some Trapezuntine monastic obits // REB. 1976. T. 34.

29. *Bryer A.* The Empire of Trebizond and the Pontos. L., 1980.

30. *Canard M.* Byzance et les musulmans du Proche Orient / With a preface by C. Cahen. L.,1973.

31. *Darrouzès J.* Les regestes des Actes des patriarches de Constantinople. Vol. I, fasc. 6: les regestes de 1377 à 1410. Paris, 1979.

32. *Laurent V.* Le corpus de sceaux de l' Empire Byzantine. T. V, 1: L'Eglise de Constantinople. A. La Hierarchie. P., 1963.

33. *Miklosich Fr., Müller I.* Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. T. 2. Vindobonae, 1864.

34. *Regel W.* Analecta Byzantino-Rossica. Petropoli, 1891.

35. *Schopen L.* (ed.). Joannis Cantacuzeni Historiarum libri IV. Bonnae, 1828–1832. Vol. 3.

И.Н. Парусимов

НЕОБЫЧНАЯ ДЕНГА ВРЕМЕНИ ИВАНА ГРОЗНОГО

Аннотация. Рассматривается находка редкой денги времени Ивана IV. При чеканке использованы штемпеля от разных номиналов монет. Время чеканки попадает на период сложных междукняжеских отношений.

Ключевые слова: Иван IV Грозный, Московский монетный двор, денга, пуло.

I.N. Parusimov

THE PECULIAR DENGA FROM THE TIME OF IVAN THE TERRIBLE

Abstract. The find of the Denga from the time of Ivan IV is considered. When stamping used stamps from different denominations of coins. The time of coinage falls on the period of complex inter-princely relations.

Key words: Ivan IV the Terrible, The Moscow mint, Denga, Pulo.

Одна из интересных страниц, связанных с русскими средневековыми монетами XVI в., относится к периоду правления Ивана IV Васильевича Грозного (1533–1584). В начале княжения Ивана IV его матерью Великой княгиней Еленой Глинской была успешно проведена денежная реформа. Это было обусловлено необходимостью покончить с большим ассортиментом монет периода феодальной раздробленности и созданием Русским централизованным государством общерусской монеты. Из обращения были изъяты «худые» (фальшивые, обрезанные и низкопробные) и старой чеканки монеты («новгородки» и «московки»).

Новые серебряные монеты были отчеканены по новой стопе и введены в обращение номиналами: полушка (0,17 г), денга (0,34 г) и копейка (0,68 г). Данных о реформе медной монеты нет. Чеканка пул старыми штемпелями для бедных слоев населения продолжалась. Организаторам и исполнителям проведения реформы необходимо было проявить талант, осторожность и продуманность. Все это способствовало преодолению денежного кризиса.

В 2011 году коллекционер из г. Азова сообщил автору о приобретении через интернет «кучки» монет времени Ивана IV. Монеты не являлись кладом, а были собраны металлодетектором в центральной части РФ. Одна из этих монет показалась собирателю странной. Монета была предоставлена для изучения.

На первый взгляд вполне обычный тип денги Ивана IV Грозного (рис. 1, *1*). По сохранившимся кончикам проволочного прутика можно говорить, что она изготовлена по традиционной для того времени схеме: серебро вытягивалось в проволоку, рубилось на одинаковые по весу чурочки, затем плющилось, на расплющенную поверхность с помощью чеканов набивалось изображение. Выступы на «боках» и есть следы этого процесса. Размеры монеты 10 х 11 мм, вес 0,32 г. Проба металла, к сожалению, не определялась. На лицевой стороне изображен всадник вправо с саблей (мечом) в правой руке. На голове всадника великокняжеская шапка со сферическим верхом и меховой опушкой, на всаднике изображение одежды, а на лошади – сбруи. Под конем в одну строку мелкими буквами ДЕ. Остатки точечного ободка. На оборотной стороне надпись крупными буквами в четыре строки: …OVЛ…/MOCK…/ВЬСК/ОЕ. Поверхности обеих сторон монеты со следами длительного денежного обращения – потертостями. Загадка этой монеты – в комбинации лицевой и оборотной сторон.

Большая работа по изучению и каталогизации монет Ивана IV Грозного проделана русскими нумизматами И.Г. Спасским [6], А.С. Мельниковой [4; 5], В.Н. Клещиновым и И.В. Гришиным [3]. Но среди изученных ими монет нет подобного варианта сочетания штемпелей. Посмотрим на них внимательнее.

Лицевая сторона относится к царским денгам 50-х годов. Буквы под конем ДЕ, по мнению И.С. Спасского, обозначали первые буквы номинала монеты от слова денга [6, с. 304]. Штемпель с буквами ДЕ и изображением на голове всадника в великокняжеской шапке известен – табл. 1, № 17 [5, прил.] (рис. 1, *2*) или 3 группы № 12 [3, с. 20] (рис. 1, III). Этому штемпелю должны соотноситься 4 варианта штемпелей с легендой: «ЦРЬ I КНЗЪ ВЕЛIКI(или И) IВАН». Вместо этого на рассматриваемой оборотной стороне

монете оттиск штемпеля мелкоформатного московского пула II типа 2 варианта [2, с. 203]. Полная легенда этого штемпеля: «ПОУЛ/ОМОСК/ОВЬСК/ОЕ» (рис. 1, *4*). Этим штемпелем чеканились медные пула Московского великого княжества при Василии III Ивановиче 1505–1533 гг.

В XV в. известны монеты, чеканенные не «своими» штемпелями. Медные чеканились штемпелями, связанными с чеканкой серебряных монет, и, наоборот, серебряные – с чеканкой медных монет. Известно несколько денег Ивана III Васильевича (1462–1505), где оборотная сторона также имеет легенду московского пула (рис. 1, *5*) [2, с. 228–231]. Возможно, в нашем случае это не объясняется ошибками или небрежностью чеканщиков. Вернемся к монетному производству того времени.

На монетном дворе рельефное изображение монеты резалось на маточнике. Затем с маточника изображение набивалось на чеканы – штемпеля. Чеканов с одним изображением делалось несколько, т.к. они быстро приходили в негодность. С помощью штемпелей чеканились монеты. Над производством монет трудились мастера различных специальностей. Чеканщикам выдавалось серебро и штемпеля. За всем процессом наблюдали старосты. Размещение изображений и легенды на всех номиналах осуществлялось с определенным обязательным порядком. На лицевой части помещалось изображение, на оборотной – легенда с именем князя, а позже (с 1547 г.) – царя. Здесь же оба штемпеля несут на себе обозначения разновременных номиналов. Штемпеля монеты очень близки к оригинальным. Тщательность выполнения свидетельствует, что они переведены с маточника, а не резаны от руки. Тем самым исключается вероятность подделки монеты западными мастерами.

При Иване IV маточники денег, в том числе и с буквами ДЕ, готовились на Московском монетном дворе [6, с. 270]. Государство было заинтересовано в его работе, т.к. монеты, чеканенные на Московском дворе по правительственным заказам, поступали непосредственно в казну.

На лицевом штемпеле с большими буквами ДЕ всадник изображен в трехчастном венце. Такое изображение связано с образом юного Ивана IV. На другом штемпеле, с меньшими буквами ДЕ, на голове всадника уже великокняжеская шапка. На миниатюрах Лицевого свода после 1547 года только великий князь Владимир Андреевич Старицкий изображался в великокняжеской шапке [1, с. 131]. Двоюродный брат Владимир Андреевич был основным династическим соперником царю, являясь знаменем боярской оппозиции. Такое штемпельное изображение могло символизировать и характеризовать междукняжеские отношения.

Вероятно, к этому периоду и относится рассматриваемая монета. Московский двор продолжал подчеканивать медную монету штемпелями Василия III. Эти штемпеля были доступны. Можно предположить некую акцию, когда штемпель с легендой с именем царя и великого князя Ивана IV был заменён на штемпель, не содержащий его имени. Вероятно, специально был использован штемпель, где упор делался на слово «московское». Тем самым подчеркивалось, что Москва является центром денежного дела. Сколько таких монет было отчеканено – неизвестно. Возможно, дальнейшие их находки и картирование позволят рассматриваемую монету считать нормальной.

Конфликт между царем и Избранной радой сказался на работе Московского монетного двора. Маточники с великокняжеской шапкой были

последними, изготовленными на «провинившемся» Московском монетном дворе в середине 50-х годов. Запустение и спад производства на монетном дворе, так же, как и уменьшение численности всего населения Москвы, были связаны со второй половиной XVI в. В 1565 г. в государстве была введена опричнина. Московская территория была разделена на опричную и земскую. Производство Монетного двора отошло к земщине. Враждебное отношение царя к земщине изменило потоки государственных заказов на другие монетные дворы. Заказы от частных лиц сократились. Доходы земских властей от чеканки монет резко упали.

Источники и литература

1. *Арциховский А.В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.: Изд-во МГУ, 1944.

2. *Гайдуков П.Г.* Медные русские монеты конца XIV–XVI веков. М.: Наука, 1993.

3. *Клещинов В.Н., Гришин И.В.* Каталог русских средневековых монет с правления царя Ивана IV Васильевича до шведской оккупации Новгорода (1533–1617 гг.). М.: Изд-во УРСС, 1998.

4. *Мельникова А.С.* Систематизация монет Ивана IV и Федора Ивановича (1533–1598) // НЭ. 1980. Т. XIII.

5. *Мельникова А.С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М.: Финансы и статистика, 1989.

6. *Спасский И.Г.* Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 гг. Историко-нумизматическое исследование // МИА. № 44. М.: Изд-во АН СССР, 1955.

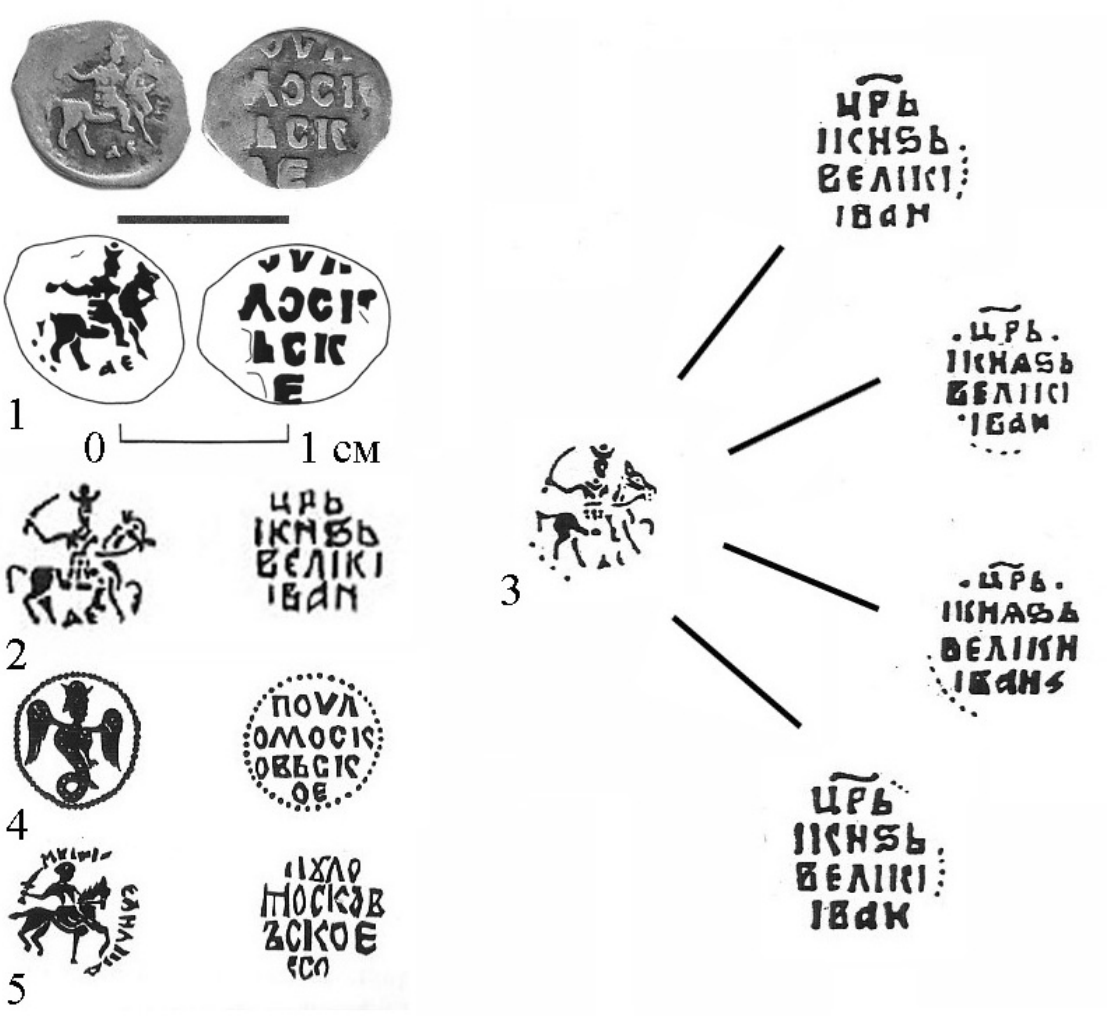


Рис. 1. Денги и пуло Московского монетного двора XV–XVI вв.

И.В. Волков

НАДГРОБИЯ ОСМАНСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ТАМАНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Аннотация. В статье представлены 7 памятников эпиграфики из Таманского археологического музея. Все надгробные камни относятся к позднему периоду османского владычества на полуострове. Только 2 камня датированы 1730 и 1768 гг., остальные по стилю и почерку также относятся к XVIII в. Формулы эпитафий характерны для османской эпиграфики в бассейне Черного моря: основу составляют арабские заимствования, и присутствует некоторое количество персидских. Вероятно, все камни происходят с кладбищ крепости Тамань.

Ключевые слова: крепость Тамань, османская эпиграфика, надгробные камни, Таманский археологический музей.

I.V. Volkov

OTTOMAN TOMBSTONES IN TAMAN'S ARCHAEOLOGICAL MUSEUM

Abstract. The paper represents 7 examples of epigraphy from Taman's Archaeological Museum. All this tombstones are applied to the late period of Ottoman domination at the peninsula. 2 stones are dated to 1730 and 1768, the rest are applied to 18th c. too according to style and writing. Formulations of epitaphs are common for Ottoman epigraphy in the Black Sea basin. The main part of text is composed by Arabic adoption and some part by Persian ones. Probable, all stones originate from cemeteries of the fortress of Taman'.

Key words: fortress of Taman', Ottoman epigraphy, tombstones, Taman's Archaeological Museum.

Большая часть "турецких" надгробий из музеев Юга России относится к XVIII в. Объясняется это в первую очередь увеличением в турецких крепостях численности гарнизонов, а также повышением протурецкой ориентации у местных мусульман, включая новообращенных. Очень небольшая часть турецкой эпиграфики относится к концу XVII в., и еще меньшая – к началу XIX в., когда под властью турок остались лишь немногие крепости – Анапа, Суджук-Кале и др. На территории Крыма с уходом турок в эпиграфике сразу началось отклонение от османских норм, но не очень существенное.

Основная цель этой заметки – обеспечить иллюстрациями краткую публикацию, которая осталась без рисунка по техническому недоразумению, а также исправить некоторые ошибки [1 с. 50–53]. Позже оказалось, что надгробий с надписями в музее больше, и одно из них с неполным текстом эпитафии опубликовано [3, с. 160–163]. Авторы публикации напрасно рассматривали знаки последней частично сохранившейся строки как часть даты, осознавая маловероятность этого [3, с. 162]. По «палеографическим соображениям» предложенные варианты цифр как раз могли бы быть датой, но не хватает места для положенной фразы «душе его Фатыху», и даже для слова «год». Следовательно, это могут быть только верхушки столбцов букв.

Ниже иллюстрируются семь других камней, представленных прежде.

Собственно османские каноны в XVIII в. были весьма устойчивы, причем ряд формул, присутствующих на

константинопольских камнях, попавших в Одесский археологический музей, широко распространен на черноморском побережье Кавказа, на Таманском полуострове, в Приазовье.

В это время господствуют надгробные стелы с тюрбанами в верхней части. Насколько можно судить по этнографическим данным, характер оформления тюрбана соответствовал возрастному и социальному статусу покойника. Основная часть стелы могла иметь квадратное или прямоугольное сечение или т-образное, когда у прямоугольника снимали две вертикальные фаски с обратной стороны. Для таких целей чаще всего использовали плиты-заготовки прямоугольного сечения.

Кроме того, были возможны различные варианты оформления основного поля надписи. В большинстве случаев надписи сделаны путем углубления фона. Разделители строк могли быть сделаны через каждую строку, могли образовывать картуши с несколькими строками надписи (двумя-тремя), могли вообще отсутствовать. В последнем случае встречаются плиты, ограниченные небольшим бордюром по краю или с фоном, углубленным по всей поверхности кроме букв. Особым вариантом можно считать наклонное расположение строк (среди представляемых экземпляров таких нет). Чаще всего в них расположены персидские или турецкие стихи. Первая и последняя строки надписи могут иметь фигурные края. Резной декор надгробных стел обычно очень беден. Правда, в конце XVIII в. широкое распространение получают нишираковины в верхней части – отголосок европейского рококо.

Здесь представляется часть камней османского периода, хранящихся в Таманском археологическом музее. Происхождение камней неопределенно, но надо полагать, что все они происходят с кладбищ при крепости Тамань, главное из которых располагалось к юго-востоку от фортификационных сооружений, в районе современного парка и около него.

1. *Хранение:* ТАМ-401 (рис.1, *1*). Фрагмент средней части мраморной надгробной стелы т-образного сечения (с фасками на оборотной стороне). Сохранившаяся высота – 29 см, ширина – 23,2 см, толщина – 10,7 см. Уцелели две с половиной строки надписи с разделителями (верхняя восстанавливается гипотетически по сохранившемуся низу части букв).

1. ... покойный и прощенный
   مرحوم و المغفور
2. Халил ‘Алмударик
   خليل علمدارك
3. Крымский Айше...
   كريمىسى عا يشه

Создается впечатление, что резчик (и даже каллиграф) воспринимал многие слова исключительно на слух. Окончание سي в слове "крымский" не оставляет сомнений в том, что писавший был носителем турецкого языка. От нижней (четвертой) строки сохранились только отдельные знаки.

Такое чтение и перевод были предложены при первой публикации. При этом приходилось закрывать глаза на то, что ненормативно написано слово Крым (должно быть «قريم»), а главное, что имя Айша – женское, из числа самых распространенных. Исходить приходилось из того, что иногда женские по смыслу имена могли давать мужчинам и наоборот [2, с. 34–35]. Общий смысл при всех допущениях также не представлялся «гармоничным», поскольку ряд имен не имел ни одного слова «сын», а между ними оказалась помещена нисба «Крымский» с неправильной орфографией. Однако первая очень фрагментарно сохранившаяся строка допускает

наличие окончаний женского рода. Тогда возможно чтение:

1. ... покойная и прощенная
مرحومم و المغفورة
2. Халила ‘Алмударика
خليل علمدارك
3. Карима Айша...
كريمىسى عا يشه

То есть получается, что мужские имена принадлежат мужу покойной. Имя ‘Алмударик’ не зафиксировано [2], но его можно интерпретировать как составное: Али + Мудрик (букв. «понятливый») [2, с. 168). Даже в этом случае написание слитное и ненормативное, должно быть «على مدرك». Наконец, возможен еще один вариант интерпретации текста, если расценивать слова второй строки как имена нарицательные. Халил – буквально означает «верный друг», алемдар – «знаменосец». Тогда получается: «Покойная и прощенная верного друга знаменосца Карима Айша…». Все это очень ярко иллюстрирует зыбкость переводов фрагментарных текстов.

2. *Хранение:* КМ-4770/ ТАМ-82 (рис. 1, *2*). Поступил из музея школы № 9. Обломок верхней части мраморной надгробной стелы квадратного сечения. Сохранившаяся высота – 24,9 см, толщина – 11,3 см, ширина – 13 см (с оборотной стороны – 12,8 см). В верхней части сохранились фаски от перехода к тюрбану. Уцелели 3 первые строки надписи в отдельных картушах.

1. Сын Новруза (Новруз Оглу)
نو روز اوغلو
2. Покойный Мухаммед
مرحوم محمد
3. Шах Бек...
شاه بيك

Титульная часть имени позволяет надеяться, что сведения о персоне сохранились в письменных источниках XVII–XVIII в.

3. Без паспорта (рис.1, *3*). Обломок средней части мраморной надгробной стелы т-образного сечения (блок-заготовка был почти квадратным). Сохранившаяся высота – 15,8 см, ширина – 13,6 см, толщина – 8,2 см. Уцелели 3 строки надписи и несколько букв четвертой строки, которые не поддаются однозначному чтению и, скорее всего, относятся к названию месяца. Строки не разделены на картуши, по бокам лицевое поле ограничено бордюрами.

1. Покойный и [прощенный]
مرحوم و مغفور
2. господин (Челеби). Душе его
چلبي روحينه
3. Фатыху. Месяца
فاتحه ماه
4. джумада первого ???
... جمادى الاولى ...

Такая форма обозначения даты (с использованием персидского слова «месяц») не является исключительной. Например, она присутствует в эпитафии Османа сына Хаджжи Бакра 1156/1742 г. в Бахчисарае [6, с. 518]. Название месяца восстанавливается предположительно, что не имеет существенного значения при утрате обозначения года.

4. Находка поступила из музея школы № 9 (Тамань), в настоящее время находится в экспозиции. *Хранение:* КМ-4770/ТАМ-82 (рис. 1, *4*). Фрагмент нижней часть надгробной стелы т-образного сечения (с округлыми фасками на обороте). Сделать обмеры не удалось, поскольку камень находится в экспозиции. Сохранилась только концовка надписи из трех строк (начало верхней строки – не полностью) и вкапываемая часть. Разделителей строк и окантовки по боковым краям нет.

1. Душе его Фатыха.
روحيجون الفاتحه
2. Года джумада первого
سنه جماد يلاولى
3. 1143 в 16 [день].
١١٤٣ فى ١٦

Как видим, слова в двух нижних строках расположены столбцами: цифры года расположены под словом "год", число также поставлено под наименованием месяца. Начало названия месяца сбито, но восстанавливается без труда.

16 джумада первого 1143 г.х. соответствует 28 ноября 1730 г.

5. Находка поступила из музея школы № 9. *Хранение:* КМ-4770/ ТАМ-87 (рис.1, *5*). Обломок большей части стелы т-образного сечения (с округлыми фасками на обороте). Надпись сохранилась полностью, тюрбан и вкапываемая часть – утрачены. Высота – около 60 см, ширина – около 20 см, толщина – 10,5 см. Надпись состоит из 6 строк с разделителями и окантовкой, нижние три короткие строки без разделителей, в фигурном картуше, составляющем около 2/3 ширины плоскости:

1. Умерший и прощенный
   مرحوم و مغفور
2. Хаджи Султан
   حاجی سلطان
3. Мурад. Душе его
   مراد روحیجون
4. Фатыху.
   الفاتحه
5. Год
   سنه
6. 1181.
   ١١٨١

1181 г.х. соответствует 30 мая 1767 – 17 мая 1768 г.

Примечательно, что здесь, как и на надгробии № 4, использована турецкая форма "روحیچون" вместо традиционной арабской "روحنه". Это явление было распространено [4, с. 48, 53, 57, 63; 5, с. 87; 6, с. 504, 505, 510, 515–519, 521, 523].

Надписи на еще двух камнях прочесть не удалось. Один из них хранится в фондах (ТАМ-435; рис. 1, *6*). Это также фрагмент стелы т-образного сечения с габаритными размерами 18,5 х 22 х 10,5 см. В действительности полная ширина должна была составлять около 24-25 см. Значительная ее часть повреждена: сохранились фрагменты двух строк, у которых утрачена приблизительно треть справа. Текст читается приблизительно следующим образом:

...اتیدنی فَنابا غنی بو عنچه
... قایه حان ابوت ایلدی ر خلت

Надежная интерпретация текста затруднительна. Наиболее вероятно, что наименее информативная часть эпитафии, где речь идет о переселении покойного в вечность из тленного сада. Вероятно, к характеристике покойного относятся слова «этот бутон» (بوغنچه), также не дающие позитивной информации. Общий смысл сводится к тому, что покойный покинул тленный сад, а затем «этого бутона» душа переселилась в мир вечности. Известны эпитафии со сходными формулировками [6, с. 501–502, 521–523].

Второй камень на момент осмотра находился в экспозиции, и не было возможности сделать его обмеры. Его шифр хранения – КМ-4770/ТАМ-?. Поступил из музея школы № 9. Доступной осталась лишь фотография через стекло (рис.1, *7*). Это фрагмент верхней части стелы т-образного сечения, на которой сохранилась декоративная часть, располагавшаяся ниже чалмы, (резная пальметка верхнего картуша) первая строка эпитафии и нечитаемая часть второй строки.

برنازنیك مسكندر
مزاز...

Перевод текста затруднителен. Первое слово по имеющимся фотографиям видно недостаточно хорошо. Второе слово – жилище, но неоднозначна его форма: или «жилище имеется (есть)» или «из жилища» (مسكندن). Впрочем, фрагментарность эпитафии допускает и другие значения этого

слова. Возможно, что первое слово второй строки – «могила» (مزار). В целом, наиболее вероятная реконструкция начала эпитафии: «[Эта] могила есть жилище одного нежного…». Слово «нежного» формально должно было бы характеризовать женщину, но такая характеристика дана юноше в аналогичной формулировке на бахчисарайском надгробии Дэвлет Гирея султана 1146/1733 г. [6, с. 508].

Собрание Таманского археологического музея отличается тем, что здесь нет ни одного камня, где изображение получено путем углубления линий надписи, что было бы характерно для горцев. Это лишний раз свидетельствует о достатке и склонностях жителей города.

Источники и литература

1. *Волков И.В.* Турецкая эпиграфика из Таманского археологического музея // Пятая Кубанская археологическая конференция: материалы конференции. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2009. С. 50–52.

2. *Гафуров А.* Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков, и тюрков: Словарь. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. 221 с.

3. *Зайцев И.В., Чхаидзе В.Н.* Эпитафия Батыр-Гирея-Оглу из Таманского археологического музея // РА. 2015. № 1. С.160–163.

4. *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Часть 2. Надписи XVIII–XX вв. / Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения Л.И. Лаврова / Отв. ред. О.Г. Большаков и В.К. Гарданов. М.: Наука, 1968. 248 с., ил. (Памятники письменности Востока / АН СССР. Отд-ние истории. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Т. II. Ч. 2).

5. *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Часть 3. Надписи X–XX вв. Новые находки / Издание текстов, переводы, комментарии, статья и приложения Л.И. Лаврова. М.: Наука, 1980. 168 с., ил. (Памятники письменности Востока / АН СССР. Отд-ние истории. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Т. II. Ч. 3).

6. *Мурзакевич Н.* Бахчисарайские арабские и турецкие надписи // ЗООИД. 1848. Т. II. С. 489–528.

Подписи к иллюстрациям:

Рис. 1. Надгробия османского времени из Таманского музея, номера соответствуют последовательности описания. 1–3, 5–6 – эстампы соответствующие масштабу; 4, 7 – обтяжка фотографии, сделанной в экспозиции через стекло, соответствие масштабу – приблизительное.

Ю.М. Могаричев

ГОРОДИЩЕ ТЕПЕ-КЕРМЕН В ОПИСАНИИ А.С. УВАРОВА

Аннотация. В статье публикуется описание городища Тепе-Кермен, выполненное А.С. Уваровым и ныне хранящееся в архиве Государственного исторического музея. Именно А.С. Уварову принадлежит первое упоминание о так называемой «Церкви с ризницей».

Ключевые слова: Крым, А.С. Уваров, Тепе-Кермен, пещеры, церковь.

Y.M. Mogarichev

THE HILL FORT OF TEPE-KERMEN IN A.S. UVAROVS'S DESCRIPTION

Abstract. In the article is published the description of the hill fort Tepe-Kermen, made by A.S. Uvarov and nowadays stored in the archive of State Historical Museum. The first mention of the "Church with vestry" exactly belongs to him.

Key words: Crimea, A.S. Uvarov, Tepe-Kermen, cave, church.

Среди исследователей крымских древностей середины XIX в. особое место занимает фигура Алексея Сергеевича Уварова (1825–1884). Граф в первую очередь известен как исследователь античных памятников Юга России [25; 26, с. 22–607]. Однако велика роль А.С. Уварова и в изучении средневековых древностей Крыма. Это относится не только к Херсонесу, где им был открыт самый большой христианский храм полуострова, ныне известный как «Уваровская базилика» [25, с. 176; 26, с. 527–529]. Граф являлся первопроходцем археологического изучения «пещерных городов» [об истории изучения «пещерных городов» см.: 5; 12, с. 5–32; 19, с. 7–29]. В сентябре 1853 г. им были проведены небольшие раскопки на Мангупе [5, с. 228] и, вероятно, состоялись или планировались подобные работы и на Чуфут-Кале [6, с. 4]. По крайней мере, он договорился с караимским гахамом Соломоном Беймом о проведении археологических изысканий там под наблюдением последнего [25, с. 174]. Вероятно, речь шла об изучении иудейского кладбища в Иосафатовой долине.

Не обошел вниманием исследователь и иные «пещерные города». В рамках большого проекта «Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря» планировался обзор археологических памятников Горного Крыма. Он должен был войти в третий выпуск (Гл. 4–7) и стать частью четвертой главы «От Днепра до Таврических гор». Однако данный труд остался незавершенным и, соответственно, не был опубликован. Рукопись ныне хранится в Отделе письменных источников ГИМа [Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 196]. Раздел «Жители Таврических гор», частью которого является описание «пещерных городов», составляют л. 18об–84. Описание выполнено на листах формата А3, черными чернилами и содержит авторские правки, зачеркивания в тексте. Таким образом, очевидно, что перед нами рабочий вариант рукописи. По крайней мере, в тексте имеется несколько ремарок, написанных красными чернилами, предполагавшими в дальнейшем вставку текста. Чистовым вариантом можно считать только освещение проблемы происхождения крымских пещерных сооружений (л. 18об.–26об.). Эта часть рукописи переписана набело и, вероятно, судя по

почерку, не самим А.С. Уваровым. При этом сохранился и черновой, авторский текст (л. 27–34об.).

Настоящая работа посвящена составленному А.С. Уваровым описанию городища Тепе-Кермен.

Этот «пещерный город» расположен в долине р. Кача, в 7 км к юго-востоку от г. Бахчисарая. Поселение находится на отдельно стоящем останце площадью 1 га, на высоте 544 м над уровнем моря. Над Качинской долиной плато возвышается на 225 м, сбегая в неё мергелевыми осыпями, а высота вертикальных обрывов достигает 10-12 м. Подъем на плато только с северо-восточной стороны. Тепе-Кермен – один из наименее изученных "пещерных городов". Археологические исследования здесь проводились Д.Л. Талисом в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. [22, с. 131–140; 23; с. 96, 107; 24, с. 98–103], небольшие зачистки – В.А. Петровским в конце 1990-х гг. В 2003–2004 гг. работы на городище проводил В.Ю. Юрочкин. Поселение существовало с VI в. и, вероятно, до второй половины XIII-XIVв. При этом подавляющее большинство культурных напластований относится ко времени после X в., а плотная застройка появляется только в XII-XIII вв. Вероятно, в конце VI в. на границе византийских владений в Таврике, на вершине тепе-керменской горы возводится небольшая крепость, которая до X-XI вв. используется в основном как малонаселенное убежище для жителей окрестных долин. В XI-XII вв. здесь начинает зарождаться городская жизнь, появилась плотная застройка (жилые усадьбы чередуются с христианскими храмами, и, возможно, монастырями); поселение превращается в один из провинциально-византийских городских центров. Гибель Тепе-Кермена одни исследователи связывают с походом на Крым Ногая в 1299 г., другие – с вторжением на полуостров войск Тимура в конце XIV в. После гибели города его территория продолжает использоваться людьми. Здесь, вероятно, продолжает функционировать небольшой монастырь, следы которого фиксируются и в XVI в. Возможно, в XVII в. территории Тепе-Кермена была отдана чуфут-кальским караимам и использовалась ими в качестве пастбищ [22, с. 131–140; 23; с. 96, 107; 24, с. 98–103; 14, с. 154–162]. Приводим текст рукописи А.С. Уварова.

Текст рукописи

Л. 61. – Пещеры у Тепе-кермена.

Тепекерменская гора стоит отдельно, подошва землиста, а скала составляет как бы венец вокруг ее вершины [Кеппен, прим. 438]. Этот скалистый венец весь изрыт пещерами в три яруса. На самой вершине горы стояло укрепление. Полуобрушившиеся стены обозначают доселе пространство, которое оно занимало [Кеппен, с. 441]. Эти развалины принадлежат, вероятно, к византийскому времени. В Тепекермене мы находим только два периода, ясно обозначенные. Период, когда христиане скрывались еще в недрах гор, и время, когда византийцы обладали этой страной. Это как бы (*неразборчиво*) отрывки христианской истории, коей совершенно полную летопись вы найдете в развалинах Мангупа. Сумароков насчитывает в Тепекерменской горе до ста пятидесяти пещер в одну или две комнаты [Досуги, II, с. 42]. Тропинки, выдолбленные в нижней скале, вели из – Л. 61 об. – пещерного этого города до верхней части горы, там, где стояла крепость. Кроме того, много отдельных отверстий служили входами для пещер верхнего яруса. Тут вырубались самые величайшие разнообразием в устройстве пещеры, от самой простой пещеры

с (постельною?) ямою, до пещеры, в которой находятся все удобства жизни. Мы описали тут оба рода пещер (*Написано красными чернилами.* – [Дюбуа, VI, с. 308–312]. Описание плана самой простой пещеры с постелью и местом для огня. Описание самой удобной пещеры. Планы всех удобств).

Жилища все (*неразборчиво*) [Дюбуа, VI] были расположены на востоке, юге и западе. Христиане следуют правилу, что церкви не могут быть вместе с жилищами; поместили обе церкви на северной стороне. Одна (обнаруженная?) мала и так скрыта между пещерами второго яруса, что никто из путешественников, предшествовавших нам, не встретили эту молельню. – Л. 62 – (*Написано красными чернилами*: Описание моей церкви детали (*слово неразборчиво*) евр. надпись). Карнизы высечены из дикого камня, кое-где видны обломки четырех- и пятиугольных столбов.

Когда число христианских отшельников увеличилось и новая вера не (*слово неразборчиво*) скрывалась, то устроили вторую церковь на северо-восточной (части?), почти на самом верху горы. Скала здесь представляет округлую стену. В этой церкви более (*слово неразборчиво*) следов христианской архитектуры, и все части храма более обозначены (*Написано красными чернилами*: Дюбуа, с. 212–214. Описание Сумароковской церкви).

* * *

Как видим, при описании Тепе-Кермена А.С. Уваров активно ссылался на своих предшественников: П.И. Сумарокова [21, с. 41–42], П.И. Кеппена [9, с. 301–305], Ф. Дюбуа де Монпере [8, с. 265–269]. То есть он достаточно полно ознакомился с историографией проблемы. Действительно, эти три автора на момент посещения графом городища опубликовали самые подробные сведения о нём. Кроме отмеченных А.С. Уваровым обзоров Тепе-Кермена, заслуживают внимания «тепе-керменские сюжеты» в работах И. Тунманна [27, с. 33] и Ж. Ромма [18, с. 119–120]. При этом заметим, что работу Тунманна активно использовал П.И. Кеппен, а труд Ж. Ромма впервые опубликован был только в 1941 г. [18, с. 47]. Иные исследователи или путешественники, оставившие описания «страны пещерных городов», или только упомянули о городище (например, П.С. Паллас [17, с. 50], Э. Хоецкий [28, s. 136]), либо оставили небольшие поверхностные обзоры (например, С. Сестренцевич-Богуш [20, с. 33–34], К. Монтандон [16, с. 81]).

В целом, тепе-керменский обзор А.С. Уварова во многом следует информации его предшественников. Например, он упоминает о фортификационных сооружениях: «На самой вершине горы стояло укрепление. Полуобрушившиеся стены обозначают доселе пространство, которое оно занимало». В данном случае, мы имеем дело с историографическим казусом. Как видим, А.С. Уваров ссылается на П.И. Кеппена. Однако тот заимствовал эти сведения у И. Тунманна [27, с. 33]. Сам П.И. Кеппен подчеркивал, что явных следов укрепления он не видел, а наблюдал лишь следы построек на плато, и в одном месте сложенные четырехугольником, «как бы для стен», большие камни [9, с. 305]. Что касается Тунманна, то он писал только то, что на тепе-керменской вершине есть следы «замка или крепости», но конкретно руины фортификационных сооружений не упоминал. В настоящее время оборонительные сооружения Тепе-Кермена практически неизвестны. Только в северной части, в районе входа на плато, Д.Л. Талисом был исследован участок дороги, где сохранились подрубки от

основания ворот раннесредневековой стены [14, с. 155; 24]. Оборонительные стены дополнялись пещерными сооружениями, которых насчитывается не более 15 [12, с. 67–70].

Особое внимание, впрочем, как и иные авторы, А.С. Уваров обратил на главную достопримечательность городища – его пещерные сооружения, число которых, вслед за П.И. Сумароковым [21, с. 42], он называет – 150. В 1912 г. члены Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы провели ревизию внутрискальных помещений Тепе-Кермена и установили, что их на городище порядка 250 [1, с. 10].

Естественно, не обошел вниманием исследователь и культовые пещерные сооружения. Правда, подробных описаний этих памятников он не представил, и, судя по ремаркам красными чернилами, собирался это сделать позднее, при подготовке чистового варианта.

Одна церковь, упоминаемая А.С. Уваровым в качестве второй, к середине XIX в. была известна и попала в различные обзоры. На нее обратили внимание П.И. Сумароков [21, с. 42], П.И. Кеппен [9, с. 303–304] и Ф. Дюбуа де Монпере [8, с. 268–269]. Исследователь прилагает её план, скопированный из публикации Дюбуа де Монпере (Л. 62) (рис. 1), и датирует вторым, византийским этапом истории городища. Это так называемая «Церковь с баптистерием» (рис. 2; 3), которая расположена на верху плато, на его северо-восточном краю. В плане церковь представляет собой помещение трапециевидной формы, размерами 10,5 х 4,5 х 2,6 м, потолок слегка покатый к западной стене. Функционально пространство делится на две части – собственно церковь и крещальню. Храм размерами 6,4 х 4,5 м расположен в западной части. Его алтарь, вынесенный внутрь помещения, занимает северо-восточный угол и представляет собой отгороженное, высеченной в скале алтарной преградой, квадратное помещение 2,7 х 2,7 м. Он поднят над наосом на 0,3 м. В него ведут два входа – царские врата (южный) шириной 0,5 м и боковой (западный) – 0,7 м. Плиты алтарной преграды со стороны царских врат с лицевой стороны украшены большими рельефными крестами 0,75 х 0,48 – восточный и 0,65 х 0,52 – западный. На алтарную преграду опирались 6 скругленных столбов, толщиной до 0,25 м в диаметре, увенчанных капителями. В настоящее время уцелело лишь три. В полу алтаря имеется углубление, очевидно, являвшееся основанием для установки престола. В восточной стене, на высоте 0,55 м, есть вырубка четырехугольной формы – горнее место. В северной стене вырублена ниша длиною 0,9 м, являвшаяся жертвенником. К югу от последнего – окно. Наос прямоугольной формы. Вдоль западной, южной и частично северной стен вырублена скамья шириной 0,25 м. В западной стене устроена гробница, а еще две вырублены в скамье южной стены. Над западной могилой южной стены процарапана греческая надпись XIII–XV вв.: «Выкопана могила сия по собственному моему желанию Полит… Расширение (сделано) от раба Божия, благочестивейшего Мануила …» (чтение В.В. Латышева) [11, с. 61]. А.Ю. Виноградов переводит ее несколько иначе: «Вырублена эта могила от моего собственного монастыря мною, Асклепием (или: Алипием). Расширение сделано рабом Божьим Евстафием, худейшим со…» [4]. Еще одна могила вырублена в полу, к северу от алтаря. Вход в церковь, шириной 0,8 м, вел с севера и находился в северо-западном углу. Крещальня, размерами 4 х 4,2 м, прямоугольной формы

расположена в восточной части помещения и возвышается над наосом на 0,15 м. Купель крестообразной формы (1,25 х 0,9 х 0,8 м) вырублена в юго-восточной половине. Над полом она возвышается на 0,35 м. В купель имеется спуск из двух ступеней. К западу от купели в полу вырублена могила, а еще одна – в северо-западном углу, рядом со стеной алтаря. Вдоль южной стены проходит скамья, над которой в стене находится ниша-гробница. Рядом с баптистерием в стене – выемка четырехугольной формы. По бокам баптистерия – две ниши, над одной вырезана монограмма. С севера в помещение вел частично разрушенный вход шириной 1 м. К югу от него в западной стене устроена еще одна ниша 1,4 х 0,9 м. Перед входом в церковь, на краю плато, выявлено 15 погребальных сооружений. Комплекс архитектурных особенностей церкви позволяет отнести ее ко времени не ранее XI века [1, с. 49–51; 13, с. 84–86; 14, с. 156–158; 15].

Упоминание о второй церкви, ошибочно датированной А.С. Уваровым периодом христианских гонений, позволяет сделать вывод, что именно данному исследователю принадлежит честь ее открытия. Собственно, он это и подчеркивал, называя данную церковь «моею». Вероятно, выявить данное сооружение А.С. Уварову помогли чуфут-кальские караимы, которые владели выпасами на Тепе-Кермене, и с которыми, судя по чуфут-кальскому сюжету (Л. 48об.–60об.), у сына влиятельного министра народного просвещения Российской империи и президента Императорской Академии наук сложились хорошие отношения. В настоящее время это культовое сооружение известно как «Церковь с ризницей» (рис. 4). Она расположена в северо-западном обрыве. В плане это простой одноапсидный храм, размерами 4,9 х 2,2 х 2,1 м. Апсида подковообразная 1,85 х 1 х 2 м, в верхней части отделяется от наоса подпружной аркой. Внизу видны подрубки под установку алтарной преграды и, вероятно, более позднего иконостаса. В полу имеется квадратная вырубка для основания престола. В северной и южной стенах апсиды вырублены ниши – возможно, жертвенник и диаконник. В конхе апсиды высечена четырехстрочная греческая надпись XII–XIV вв: «О упокоении: София. О упокоении: Ания. О Симоне» [3]. Еще одна надпись «Освящен храм» [2] находится на южной колонне алтарной преграды. Наос прямоугольный, вдоль западной и южной стен, на высоте 0,43 м устроена скамья. В южной стене (западная половина) вырублена могила. Над ней, на высоте 1,5 м – арочная ниша. В восточной части южной стены вырублен проход в ризницу (или склеп) скругленную в плане, размерами 2,1 х 2,3 х 1,7 м. В северной стене к западу от входа, на высоте 0,85 м арочная ниша. К востоку от входа – еще одна, размерами 0,24 х 0,53 х 0,5 м, сооруженная на высоте 0,9 м. Рядом с ней вырезаны два концентрических круга, внутри которых изображены крестообразно 4 спицы. В нижней половине круга видна надпись на древнееврейском языке, по поводу которой в историографии имеются различные интерпретации [1, с. 73; 7, с. 204–205; 10, с. 131]. В полу церкви вырублены две могилы с заплечиками. Вероятно, создание церкви следует относить к XIII–XV вв. [1, с. 51–52; 13, с. 86–87; 14, с. 158–159].

Таким образом, введение в научный оборот описания, пусть и не завершенного, городища Тепе-Кермен, составленного А.С. Уваровым, несомненно, позволит ее автору занять достойное место в истории изучения этого «пещерного города», а

современные исследователи и краеведы теперь вполне обоснованно могут именовать «Церковь с ризницей» – «Уваровской».

Источники и литература

1. *Боровко Н.А.* Тепе-Кермен // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. Симферополь: Тип. Таврич. Губернского земства, 1913. Т. 3. С. 3–63.
2. *Виноградов А.Ю.* Тепе-Кермен. Строительная надпись на темплоне, XIV–XV вв. // Древние надписи Северного Причерноморья. Византийские надписи. URL: http://iospe.kcl.ac.uk/5.203-ru.html (дата обращения: 06.03.2017).
3. *Виноградов А.Ю.* Тепе-Кермен. Надгробие Софии, Ании и Симона, XIV–XV вв. // Древние надписи Северного Причерноморья. Византийские надписи. URL: http://iospe.kcl.ac.uk/5.206-ru.html (дата обращения: 06.03.2017).
4. *Виноградов А.Ю.* Тепе-Кермен. Надгробие Асклепия (или: Алипия) и Евстафия, XIII–XV вв. // Древние надписи Северного Причерноморья. Византийские надписи. URL: http://iospe.kcl.ac.uk/5.204-ru.html (дата обращения: 06.03.2017).
5. *Герцен А.Г.* Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI – начало XX вв.) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь: Антиква, 2008. Вып. 3. С. 212–256.
6. *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* Кырк-ер. Чуфут-кале. Крепость на краю седьмого климата. Симферополь: Антиква, 2016. 312 с.
7. *Гидалевич А.Я.* Пещерный город Тепе-Кермен и его древнее еврейское кладбище // Еврейская старина. СПб., 1914. Т. VIII. Вып. 2. С. 198–205.
8. *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие в Крым / Пер. Т.М. Фадеевой. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 328 с.
9. *Кеппен П.И.* Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1837. 308 с.
10. *Кизилов М.Б.* К истории малоизвестных караимских общин Крымского полуострова // Тирош. М., 2003. Вып. 6. С. 131–133.
11. *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. 143 с.
12. *Могаричев Ю.М.* Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма (вопросы классификации, хронологии, интерпретации). Симферополь: Таврия, 1992. С. 5–132.
13. *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. Симферополь: Таврия, 1997. 384 с.
14. *Могаричев Ю.М.* «Пещерные города» в Крыму. Симферополь: Сонат, 2005. 192 с.
15. *Могаричов Ю.М.* «Церква з баптистерієм» городища Тепе-кермен: проблеми датування та інтерпретації // Археологія. К., 2005. № 3. С. 78–90.
16. *Монтандон К.* Путеводитель по Крыму. Симферополь: Крымский Архив, 1997. 132 с.
17. *Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М.: Наука, 1999. 246 с.
18. *Петрова Э.Б., Прохорова Т.А.* Шарль Жильбер Ромм «Путешествие в Крым в 1786 году». Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. 168 с.
19. *Равдоникас В.И.* Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Готский сборник. Л., 1932. Т. 12. Вып. 1–8. С. 5–106.
20. *Сестренцевич-Богуш С.* История царства Херсонеса Таврийского. История о Таврии. Т. I. СПб.: Типография Шнора, 1806. 440 с.
21. *Сумароков П.* Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. СПб., 1805. Ч. 2. 224 с.
22. *Талис Д.Л.* О классификации и датировке некоторых средневековых городищ Крыма // Экспедиции Государственного исторического музея. М.: Государственный исторический музей, 1969. С. 130–142.
23. *Талис Д.Л.* Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на Юге Восточной Европы. М.: Государственный исторический музей, 1974. С. 89–113.
24. *Талис Д.Л.* Городище Тепе-Кермен // Краткие сообщения института археологии АН СССР. М.: Наука, 1977. № 148. С. 98–103.
25. *Тункина И.В.* А.С. Уваров и древности Южной России (конец 1840-х – начало 1850-х гг.) // Погибшие святыни. Охраняется государством: Четвертая Российская научно-практическая конференция. СПб., 1996. С. 163–181.
26. *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX вв.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.
27. *Тунманн.* Крымское ханство / Пер Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской. Симферополь: Таврия, 1991. 94 с.
28. *Chojeckij E.* Wspomnienia z podróży po Krymie. Warszawa: drukarnia S. Strabskiego, 1845. 313 s.
29. *Dubois de Montpereux F.* Voyage autour du Caucase, ches les Tcherkessus et les Abhkases, en Colchida en Georgie en Armenia et en Crimee. Paris, 1843. V, VI. 461 p.

Подписи к иллюстрациям:

Рис. 1. «Церковь с баптистерием». Копия А.С. Уварова с рисунка Ф. Дюбуа де Монпере (Архив ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 196. Л. 62а).

Рис. 2. «Церковь с баптистерием». План.

Рис. 3. «Церковь с баптистерием». Рис. М. Медведева. Из неизданного альбома А.С. Уварова.

Рис. 4. «Церковь с ризницей». План.

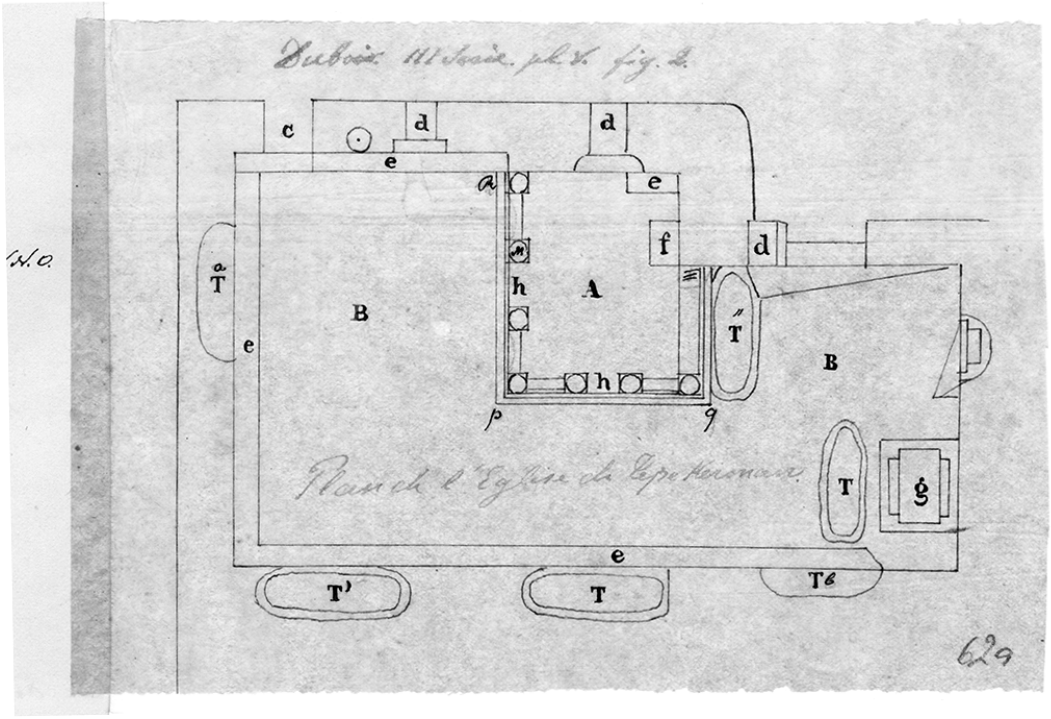


Рис. 1

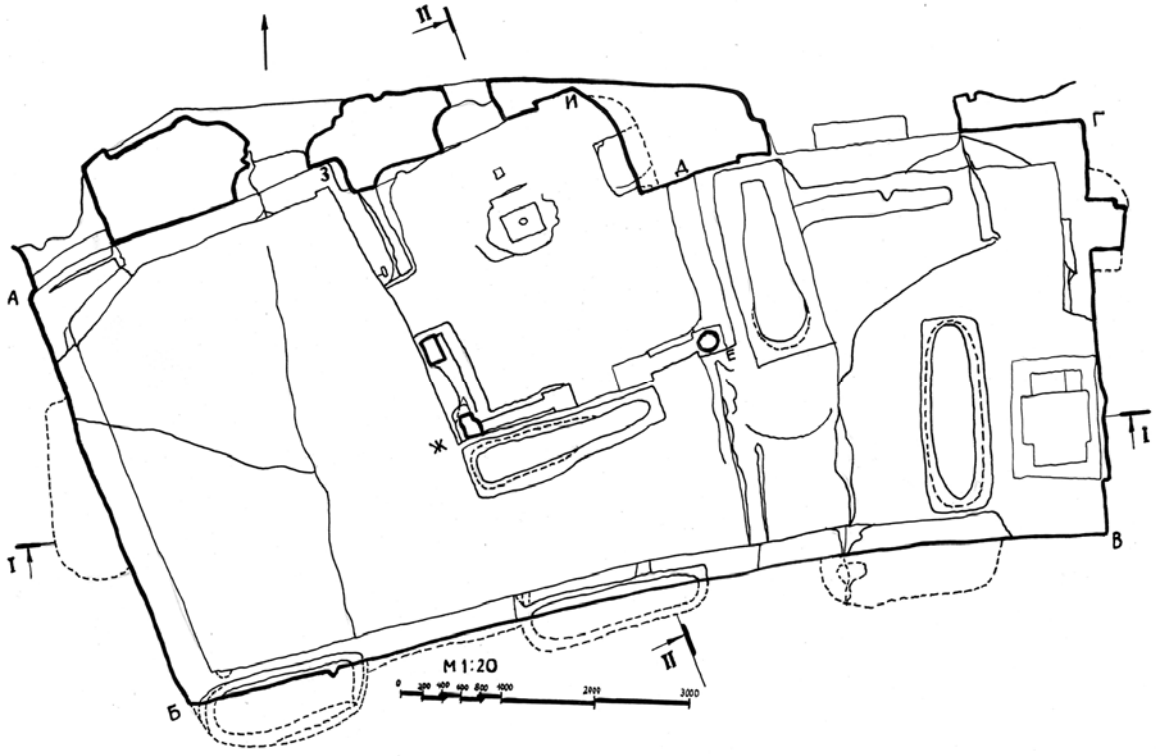


Рис. 2

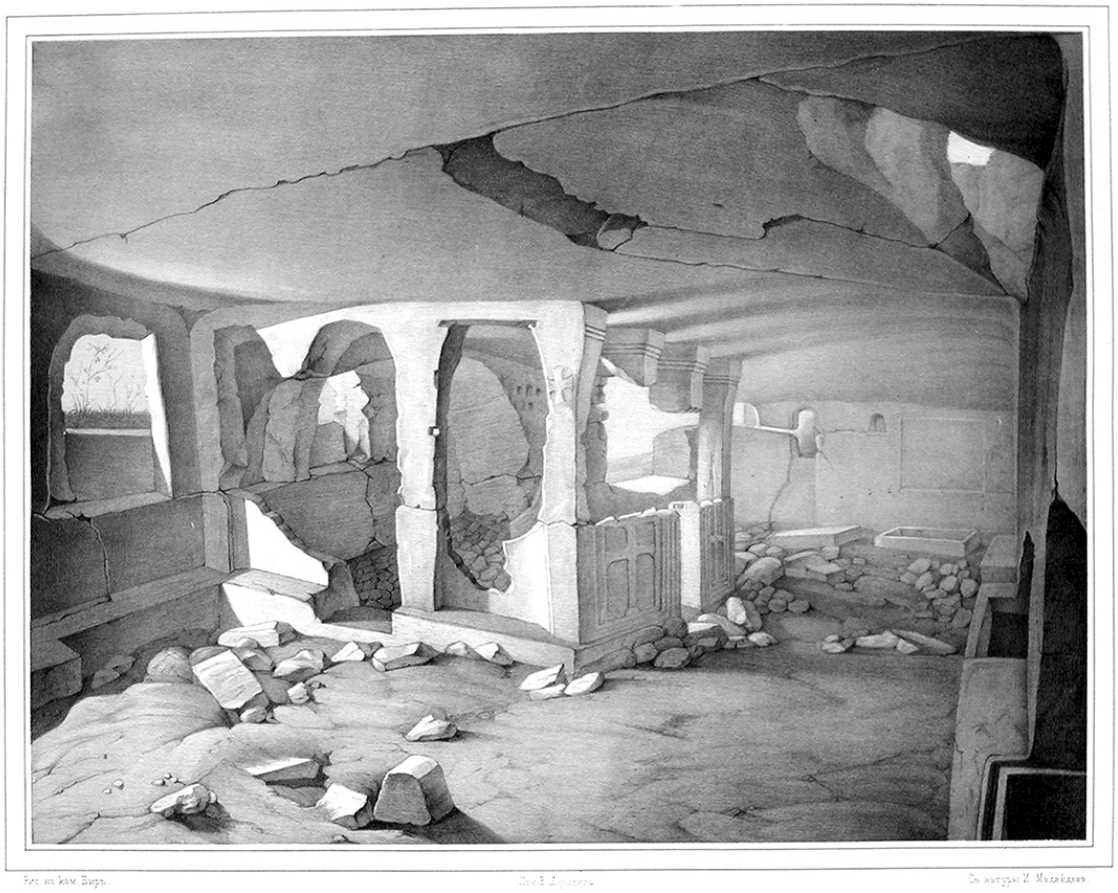


Рис. 3

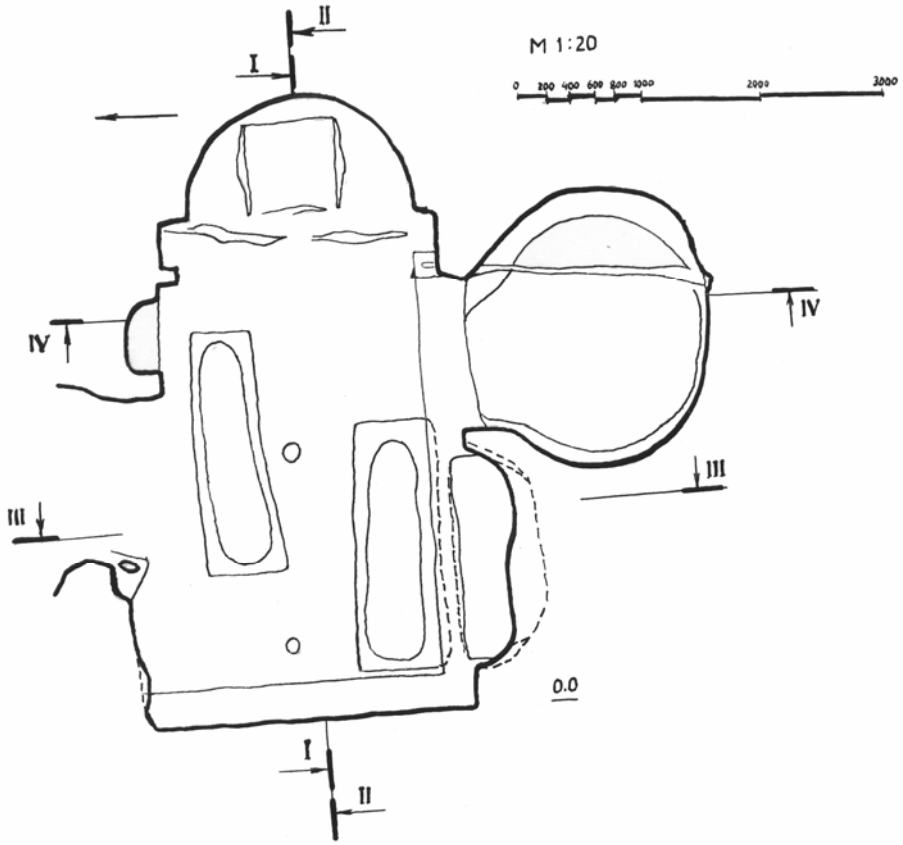


Рис. 4

А.А. Сланов

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ АЛАНОВЕДЕНИЯ

Аннотация. Настоящая статья является историографическим очерком, кратко представляющем результаты более чем двухсотлетнего изучения аланского этнического массива в контексте его связи с ныне живущим осетинским народом. Основное внимание уделяется трудам зарубежных исследователей, единодушно признающих генетическую связь современных осетин с иранским миром. Кроме прочего, показана лингвистическая преемственность в ряду этнонимов *арии – аланы – осетины*. Также рассмотрено влияние алан на европейскую культуру.

Ключевые слова: арии, скифы, аланы, осетины, Нартовские сказания, король Артур, письменные источники.

A.A. Slanov

MAIN DIRECTIONS OF THE ALAN STUDIES DEVELOPMENT

Abstract. The article is a historiographical essay summarizing the results of more than two hundred years of the Alan ethnic array studying in the context of its relation to living Ossetian people. The main attention is paid to the foreign researchers works that unanimously accepted the genetic connection of modern Ossetians with the Iranian world. Among other things there linguistic continuity in the line of ethnonyms *Ariyas – Alans – Ossets* is presented. The influence of the Alan on European culture is also considered.

Key words: Ariyas, Scythians, Alans, Ossets, Nart sagas, King Arthur, written sources

На протяжении уже нескольких веков ученый мир Европы (да и не только) привлекает проблема арийских народов. Самоназвание *арии (arya)* современные филологи переводят как *«дети неба»* (от корня *ar – небо*). Позднее это слово употребляется в значениях *«человек благородного происхождения», «свободный»*. Арийская общность образуется в Юго-Восточной Европе в результате распада индоевропейской общности во втор. пол. III тыс. до н.э. и в свою очередь к концу II тыс. до н.э. из нее выделяются северные иранцы. Местом их обитания были Восточная Европа, Кавказ, Средняя Азия и Южная Сибирь. За несколько тысячелетий исторического развития последние прошли несколько стадий и известны в науке как скифы, сарматы, аланы и осетины. Как отмечал выдающийся лингвист В.И. Абаев: «Историческое прошлое осетин богато, значительно и полно интереса. Предки осетин, входившие в состав скифских, сарматских и аланских племенных образований, в течение двух тысячелетий не сходили со страниц истории» [1, с. 4].

Уже первые исследователи Кавказа, посетившие Осетию в кон. XVIII – нач. XIX в., обратили внимание на то, что осетины, имея много общего с соседними кавказскими народами по внешнему типу, одежде, образу жизни, нравам и обычаям, резко отличаются от них по языку. Первыми исследователями, выдвинувшими в начале XIX в. теорию североиранского происхождения осетин, были Юлиус (Генрих) фон Клапрот и Ян Потоцкий [52; 53; 25], считавшие их потомками мидийских сарматов, «переселившихся с берегов Дона» [52, с. 105], и алан («еще более поразительно то, что это одновременно и аланы» [52, с. 176]).

За основу была принята близость по языку, и для того времени это казалось достаточным аргументом [17, с. 5]. «С тех пор теория о тождестве осетин с аланами получила разностороннее подтверждение и в настоящее время пользуется общим признанием среди специалистов» [1, с. 248]. В дальнейшем эта гипотеза получила развернутое обоснование в трудах В.Ф. Миллера [20; 21], после которого осетинский язык, фольклор, история и культура неизменно привлекали иранистов с мировым именем. Уже в то время предпринимаются первые попытки этимологии этнонима «алан». Так, Г.Ф. Миллер считал, что «имя аланов родилось у греков, и оно происходит от греческого глагола, значащего странствовать или бродить» [22, с. 7], затем учеными выдвигались и другие этимологии. В современной науке признана версия, обоснованная В.И. Абаевым, согласно которой этноним «алан» происходит от самоназвания индоиранцев «агуа» – арий [1, с. 246].

Лингвисты В.И. Абаев [1–3], Гарольд У. Бейли [29–35], Я. Харматта [49–51], Эмиль Бенвенист [36], Ладислав Згуста [75; 76], Ф. Тордарсон [66–71], А.М. Лубоцкий [57], Ю. Немет [58], Дж. Чёнг [39] и др. внесли неоценимый вклад в изучение осетинского языка и его места в иранском языкознании. Ими предпринимались попытки реконструкции развития североиранских языков, начиная с распада индоевропейской общности вплоть до современности.

Другим направлением исследований стало изучение осетинского фольклора, и прежде всего героического Нартовского эпоса. Как отмечал Жоэль Грисвар: «В сердце Кавказа живет очень небольшой народ – осы [Osses] или осетины [Ossetes]. Единственные в пестроте северокавказских народностей они говорят на индоевропейском языке и являются последними потомками, скрывшимися, запертыми на Кавказе, этнических групп, которых Геродот и историки или географы античности называли скифами или сарматами и которые во время великих нашествий прошли через всю Европу до Франции под названием «аланы». Эти горцы, последние потомки «иранцев Европы», были одним из самых консервативных индоевропейских народов; в частности, они сохранили до наших дней обширный свод народных эпических сказаний, который называется *“Сказания о нартах”* или *“Нартовские сказания“*» [48, с. 12].

Жорж Дюмезиль писал, что «большая часть нартовских сказаний и многие образы нартов имеют аланскую, сармато-скифскую основу, в конечном счете – осетинскую», и что именно у осетин и их далеких предков сформировались ядро эпопеи и её главные персонажи [43, с. 19]. Сбор осетинских фольклорных текстов, начатый еще XIX в., завершился их систематизированной публикацией в конце XX – начале XXI в. [23 (в 3 томах на рус. и осет яз.); 24 (в 7 томах на осет. яз.)].

Благодаря стараниям таких выдающихся исследователей, как Жорж Дюмезиль [42–44], Жоэль Грисвар [48], Гельмут Никель [59–61], Ален Кристоль [40–41], Кристоф Вьель [72] и др., были выявлены удивительные параллели между рядом мотивов нартовских сказаний и мифологическими сюжетами жителей Британских островов и континентальной Европы.

Отдельно следует отметить исследования о связи японской мифологии с идеологией индоевропейцев через посредство скифского влияния – Таро Обаяси [62] и Ацухико Йосида [73–74]. «Японская мифология не только отражает в своей совокупности,

и к тому же не очень точно, идеологическую трифункциональную систему индоевропейцев, но также содержит в своих отдельных элементах большое количество черт удивительно схожих с древними мифами народов индоевропейского корня… Эти соответствия, которые представляются действительно слишком четкими и значительными, чтобы объяснить их случайностью, являются результатом влияния скифской мифологии, которая распространилась до Японии в период *Kofun* (с кон. III в. н.э.) через Корею, где влияние скифской цивилизации доказано» [74, с. 144].

Особо нужно коснуться зарубежных исследований по осетинскому нартовскому эпосу, посвященным не только параллелям в североиранской и европейской мифологии, но и влиянию первой на формирование цикла сказаний о короле Артуре. Так, английский антрополог Говард Рид [63] и американские ученые Скотт Литлтон и Линда Малкор [56] развили концепцию о скифо-сармато-аланских корнях «величайшей легенды Британии»: «Собранные нами данные свидетельствуют о том, что, за исключением памяти о некоторых исторических событиях, все, что позднее стало легендами о Граале и короле Артуре, зародилось в степях Древней Скифии у замечательного народа, чей вклад в западную историю и фольклор только начинает получать должное признание» [56, с. 359].

Кристоф Вьель: «Что, на наш взгляд, представляется действительно примечательным, так это то, что этот маленький народ (осетины. – *А.С.*), расселенный в центре Кавказского массива (вокруг Владикавказа), язык которого принадлежит к северо-восточной иранской группе, и который сам себя называет *Ир*, прожил до середины прошлого века (XIX в. – *А.С.*), сохранив традиционную цивилизацию» [72, с. 163].

Еще одним направлением исследований является изучение исторических памятников (письменных и археологических), связанных с аланами. Работа с письменными источниками была начата еще в середине XIX в., но была ограничена свидетельствами греко-римских авторов [18]. В XX в. в научный оборот вводятся многочисленные средневековые источники на других языках, что дало возможность создания свода, включающего практически все известные на сегодняшний день письменные свидетельства об аланах [27].

Алановедение за рубежом, как правило, шло по пути изучения сармато-аланского периода (I–III вв.), которым занимались, прежде всего, ученые польского происхождения Тадеуш Сулимирский [64; 65], Ярослав Лебединский [19; 54; 55], Р. Брзежинский и М. Мелкзарек [37], и роли алан в Западной Европе в эпоху Великого переселения народов [28].

«Возможность издания данной работы (*Лебединский Я.* Аланы и сарматы в Галлии IV–V вв.: история и наследие. Владикавказ, 2016. – *С.А.*), подводящей итоги двадцати лет исследований, в Осетии, где чудесным образом сохранились язык алан и многочисленные их традиции, вызывает у нас большое удовлетворение. Это наследие является сегодня чрезвычайно ценным источником для изучения древних скифо-сармато-аланских культур европейских степей» [19, с. 11].

Особняком в историческом изучении алан в европейской науке стоит имя известного медиевиста Франко Кардини [38], выдвинувшего поразительную по смелости и очевидности гипотезу о формировании европейского рыцарства под влиянием северных иранцев. Прообраз рыцарства

исследователь видел в сармато-аланских конных катафрактариях с их тяжелым вооружением и специфической воинской духовной культурой. В дальнейшем теория Ф. Кардини нашла широкую поддержку в научных кругах. Так, Джон Коларуссо отмечает: «В начале Средневековья европейские воины походили на римских легионеров, а в конце носили кольчуги и вступали в рыцарские поединки. Так же одеваются и сражаются воины на изображениях из иранских погребений за тысячу лет до Средних веков и за тысячи километров от Европы. Другими словами, европейцы входят в Средневековье похожими на римских, а выходят похожими на сарматских или аланских воинов» [56, с. 14].

Подводя итоги многолетних изысканий, Я. Лебединский отмечал, что изучение роли сармато-алан в истории Европы продолжается и можно надеяться, «что сарматы и аланы выйдут из забвения французской исторической памяти об эпохе Великого переселения народов» [19, с. 189].

За последние полтора века развития аланской археологии отечественными учеными были исследованы и введены в научный оборот тысячи памятников (поселения, могильники, архитектурные сооружения), составлена их типология и хронология. Эти данные в сочетании с материалами письменных источников дали возможность создания обобщающих трудов по истории алан [5; 6; 8–12; 13–17]. Красной нитью в этих работах проходит следующий тезис: «если северные иранцы древности почти все ушли в небытие, аланы сумели выстоять и сохранить живую этническую и языковую традицию в лице современных осетин, говорящих по сей день на несколько трансформировавшемся аланском языке» [15, с. 6].

«В средневековом мире осетины были известны под именами *«аланы»* (на Западе), *«асы»* (на Востоке), *«ясы»* (в Восточной Европе), *«осы/овсы»* (в Закавказье). Слова *«Осетия»* и *«осетины»* – российское изобретение XVIII в., когда после трех веков перерыва аланы вновь установили отношения с Россией. К тому времени русские успели забыть их славянское имя *«ясы»* и, осваивая Кавказ, использовали грузинский вариант названия Алании – *«Осети»*. Из русского языка слова *«Осетия»* и *«осетины»* попали в другие европейские языки» [4, с. 78].

«Если искать на кавказской почве отражение древнего названия иранцев, то они даны нам в названии народа аланов и в осетинском сказочном термине *аллон*» [1, с. 246]. «‘Аллон’ может означать только ‘осетин’, ибо героев своих, осетинских, сказок народ, естественно, мыслит осетином. Если эти герои в сказках зовутся allon, то очевидно, что это allon было в прошлом самоназванием осетин» [1, с. 44].

Эпоха монгольских завоеваний, повлекшая крушение аланской державы, привела к миграции в XIII–XIV вв. значительной части аланского населения на Восток и на Запад, где образовались целые области компактного проживания алан, просуществовавшие вплоть до наших дней. Так, в Венгрии потомки алан носят имя ясов, а в Монголии – асутов.

Аланы и в настоящее время продолжают существовать на историческом месте их обитания – территории Центрального Кавказа, что находит отражение в названиях республик Северной и Южной Осетии.

Источники и литература

1. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М. – Л.: Изд-во АН СССР. Т. I. 1949. 604 с.

2. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка в 5-ти томах. М. – Л.:

Изд-во АН СССР. Т. I. 1958. 656 с.; Т. II. 1978. 448 с.; Т. III. 1979. 360 с.; Т. IV. 1989. 326 с.; Т. V. 1995. 448 с.

3. *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М.: Наука, 1965. 168 с.

4. *Бзаров Р.С.* Аланское посольство в России: предшественники, полномочия. М.: СЕМ, 2013. 120с.

5. *Ванеев З.Н.* Средневековая Алания. Сталинир, 1959. 120 с.

6. *Гаглойты Ю.С.* Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси: Мецниереба, 1966. 256 с.

7. *Камболов Т.Т.* Очерки истории осетинского языка. Владикавказ: Ир, 2006. 463 с.

8. *Ковалевская В.Б.* Конь и всадник. Пути и судьбы. М.: Наука, 1977. 152 с.

9. *Ковалевская В.Б.* Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 83–97.

10. *Ковалевская В.Б.* Кавказ и аланы. Века и народы. М.: Наука, 1984. 193 с.

11. *Ковалевская В.Б.* Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура (Alanica III). Владикавказ, 1995. С. 123–183.

12. *Ковалевская В.Б.* Кавказ – скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 2005. 398 с.

13. *Кузнецов В.А.* Аланские племена Северного Кавказа // МИА. № 106. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 164 с.

14. *Кузнецов В.А.* Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе: Ир, 1971. 198 с.

15. *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. 2-е изд. доп. Владикавказ: Ир, 1992. 392 с.

16. *Кузнецов В.А.* Алано-осетинские этюды. Владикавказ: Ир, 1993. 184 с.

17. *Кузнецов В.А.* Аланы и Кавказ. Осетинская эпопея обретения Родины. Владикавказ: Проект-Пресс, 2014. 160 с.

18. *Кулаковский Ю.А.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899. 112 с.

19. *Лебединский Я.* Аланы и сарматы в Галлии IV–V вв.: история и наследие. Владикавказ: Проект-Пресс, 2016. 256 с.

20. *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Т. I–III. М., 1881–1887. (Т. I. 1881; Т. II. 1882; Т. III. 1887); [репринт] Владикавказ, 1992. 716 с.

21. *Миллер В.Ф.* Осетинско-русско-немецкий словарь / Под ред. и с доп. А.А. Фреймана. В 3-х томах. Л.: Изд-во АН СССР. Т. I. 1927; Т. II. 1929; Т. III. 1934.

22. *Миллер Г.Ф.* О народах, издревле в России обитавших // ЦГАДА. Ф. 199. № 47. Дело 3.

23. Нарты. Осетинский героический эпос. М.: Глав. ред. вост. Литературы. Т. I. 1990. 432 с.; Т. II. 1989. 494 с.; Т. III. 1991. 176 с.

24. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа (на осет. яз.). Владикавказ: Ирыстон, Кн. 1. 2003. 592 с.; Кн. 2. 2004. 896 с.; Кн. 3. 2005. 712 с.; Кн. 4. 2007. 548 с.; Кн. 5. 2010. 766 с.; Кн. 6. 2011. 544 с.; Кн. 7. 2013. 540 с.

25. *Потоцкий Я.* Путешествие в степи Астрахани и Кавказа. Париж, 1829.

26. *Расторгуева В.С., Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. М. Т. I. 2000; Т. II. 2003; Т. III. 2007.

27. *Alemany Agusti.* Sources on the Alans. Handbook of oriental studies Central Asia. – Brill, Leiden, Boston, Köln, 2000 (Перевод: *Алеманъ А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках / Пер. с англ. М.: Менеджер, 2003. 608 с.).

28. *Bachrach B.S.* History of the Alans in the West: From Their First Appearance in the Sources of Classical Antiquity through the Early Middle Ages. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1973 (Переводы: *Бахрах Б.С.* Аланы на Западе (от первого их упоминания в античных источниках до периода раннего средневековья) / Пер. с англ. И.Б. Санакоева. Отв. ред. и вступ. статья М.И. Исаева. М.: Ард, 1993. 191 с.; История алан на Западе / Пер. с англ. М. Черчесовой // Дарьял. 1993. № 3. С. 144–191; № 4. С. 175–205; 1994. №1. С. 178–189.

29. *Bailey H.W.* Irano-Indica [I] // BSOAS. 1948. 12. 391–32.

30. *Bailey H.W.* Irano-Indica [II] // BSOAS. 1949. 13. 345–63.

31. *Bailey H.W.* Aria [III] // BSOAS. 1961. 24. 470–83.

32. *Bailey H.W.* Aria [IV] // BSOAS. 1963. 26. 69–91.

33. *Bailey H.W.* Languages of the Saka // Handbuch der Orientalistik. I. Bd IV. Leiden-Koln, 1958.

34. *Bailey H.W.* Saka and Alan // Вопросы иранской и общей филологии. Тб.: Мецниереба, 1977.

35. *Bailey H.W.* Ossetic (Narta). In Traditions of Heroic and Epic Poetry / edited by A.T. Hatto. Vol. 1. The Traditions. London: Modern Humanities Research Association, 1980. P. 236–276.

36. *Benveniste É.* Études sur la lengue ossète. Paris: Klincksieck, 1959 (Перевод: *Бенвенист Э.* Очерки по осетинскому языку / Пер. с франц. К.Е. Гагкаева. М.: Наука, 1965).

37. *Brzezinski R., Mielczarek M.* The Sarmatians; 600 B.C. – A.D. 450. Oxford, 2002. (Osprey military Men-at-Arms series, 373).

38. *Cardini Franco.* Alle radici della cavalleria medieval. Roma: La Nuova Italia, 1982 (Перевод: *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства / Сокр. пер. с итал. В.П. Гайдука. М.: Прогресс, 1987. 360 с.).

39. *Cheung J.* Studies in the historical development of the Ossetic vocalism. Wiesbaden, 2002 (Перевод: *Чёнг Дж.* Очерки исторического развития осетинского вокализма / Пер. с англ. Т.К. Салбиева. Владикавказ – Цхинвал: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2009 (2008). 496 с.).

40. *Christol A.* Des Scythes aux Ossetes. Rouenlac, 1989.

41. *Christol A.* Текст доклада, представленного на Международной научной конференции по осетиноведению, посвященной 200-летию со дня рождения А.М. Шёгрена (Владикавказ, 26–27 мая 1994 г.) (Перевод: *Кристоль А.* Сырдон и Одиссей / Пер. с фр. Т.Т. Камболова // Эпос и мифология осетин и мировая культура. Владикавказ: Ир, 2003. С. 149–159; NARTAMONGA. Журнал Алано-Осетинских исследований: эпос, мифология, язык, история. Vol. VIII. № 1, 2. Владикавказ – Париж: Проект-Пресс, 2011. С. 159–170).

42. *Dumėzil G.* Le livre des Hėros. Lėgendes sur les Nartes. Paris, 1965; Lėgendes sur les Nartes suivies de cinq notes mithologiques. Paris, 1930; Loki. Paris, 1948; Trois familles. Mythe et ėpopėe. L'idėologie des trois functions dans les ėpopėes des peuples indoeuropėens. Vol. I. Paris, 1968 (Переводы: *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология / Пер. с фр. А.З. Алмазовой. М.: Наука, 1976. 278 с.).

43. *Dumėzil G.* Romans de Scythie et d'alentour. Paris: Payot, 1978 (Перевод: *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты / Сокр. пер. с фр. А.З. Алмазовой. М.: Наука, 1990. 229 с.).

44. *Dumėzil G.* La Courtisane et les seigneurs colorės et autres essais. Vingts-cinq esquisses de mythologie (26–50). Paris: Gallimard, 1983. P. 97–101 (*Дюмезиль Ж.* Сидамон и его братья… / Пер. с фр. Т.Т. Камболова // Эпос и мифология осетин, и мировая культура. Владикавказ: Ир, 2003. С. 82–142; NARTAMONGA. Журнал Алано-Осетинских исследований: эпос, мифология, язык, история. Vol. VIII. № 1, 2. Владикавказ – Париж: Проект-Пресс, 2011. С. 89–158).

45. *Frye R.N.* Ossete – Central Asian Connections // Studia Iranica et Alanica Rome. 1998; NARTAMONGA. Журнал Алано-Осетинских исследований: эпос, мифология, язык, история. Vol. VIII. № 1, 2. Владикавказ – Париж: Проект-Пресс, 2011. С. 285–288.

46. *Gerhardt D.* Alanen und Osseten // ZDMG. 93. 1939. S. 33–51, bes. 37 ff.

47. *Gershevitch I.* [рец. на кн.] J. Németh: Eine Wörterliste der Jassen, der ungar ländischen Alanen // BSOAS. 1960. XXIII. P. 595–596.

48. *Grisward J.H.* Le motif de l´ėpėe jetėe au lac: la mort d´Artur et la mort de Batradz // Romania, revue trimestrielle consacrėe à l´ėtude des lengues et des littėratures romanes fondėe en 1872 par Paul Meyer et Gaston Paris, publiėe par Fėlix Lecoy. Paris: Sociėtė des amis de la Romania, 1969, t. 90. № 3-4. P. 289–340, t. 91. P. 473–514 (Перевод: *Грисвар Ж.* Мотив меча, брошенного в озеро: смерть Артура и смерть Батрадза / Пер. с фр. Т.Т. Камболова // Эпос и мифология осетин, и мировая культура. Владикавказ: Ир, 2003. С. 6–81; NARTAMONGA. Журнал Алано-Осетинских исследований: эпос, мифология, язык, история. Vol. VIII. № 1, 2. Владикавказ – Париж: Проект-Пресс, 2011. С. 7–88).

49. *Harmatta J.* Le problème cimmérien // Archaelogiai Ertesitö. 8-9. 1948.

50. *Harmatta J.* Studies in the language of the iranian tribes in South Russia. Budapest, 1952.

51. *Harmatta J.* Studies in the History and Language of the Sarmatians. Szeged, 1970 (Acta universitatis de Attila Józef nominatae. Acta antiqua et archaeological. T. XIII).

52. *Klaproth H.* Reise in Kaukasus und nach Georgien. Paris, 1814 (Перевод: *Клапрот Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII–XIX вв.). Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. С. 105–180).

53. *Klaproth H.* Mémoire dans lequel on prouve l'identité des Osses, peuplade du Caucase, avec les Alains du Moyen Âge. Annales des Voyages. Vol. XVI. Paris, 1822 (Перевод: *Клапрот Ю.* Доклад, в котором доказывается идентичность осетин, народности Кавказа и средневековых осетин // Аланы и Кавказ. Alanica II. Владикавказ – Цхинвал: Ир, 1992. С. 233–238).

54. *Lebedinsky Iaroslav.* Les Sarmates. Histoire, Culture Et Heritage // Gallia-Sarmatia. Gercle De Pecherehe, 1994.

55. *Lebedinsky Iaroslav.* Les Sarmates. Amazones et lanciers culrassés entre Oural et Danube (VIIe siécle av. J.-C. – VIe siécle apr. j.-c.). Editions Errance, 2002. 272 p.

56. *Littleton C. Scott and Malcor Linda A.* From Scythia to Camelot. New York: Garland, 1994; Routiedge. Tayior & Francis Group, 2000 (Перевод: *Литлтон С.К., Малкор Л.А.* От Скифии до Камелота / Пер. с англ. Е. Алексеев и др. М.: Менеджер, 2007. 488 с.).

57. *Lubotsku Alexander.* Alanic Marginal Notes in a Greek Liturgical Manuscript, Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse 859, (Grammatica Iranica 2). Vienna: Austrian Academy of Sciences Press (Verlag der Österreichen Akademie der Wissensehaften), 2015 (Перевод: *Лубоцкий А.М.* Аланские маргинальные заметки в греческом манускрипте. Аланский текст в «Теогонии» Иоанна Цеца / Пер. с англ. Т.К. Салбиева // Памятники аланского языка и письма. М.: Наука, 2016. С. 89–160).

58. *Németh J.* Eine Wörteliste der Jassen, ungarländischen Alanen // Abhandlungen der Deutschen Akadtmie der Wissenschaften zu Berlin, Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst, Jahrgang 1958. № 4. P. 1–36 (Перевод: *Немет Ю.* Список слов на языке ясов, венгерских алан / Пер. с нем. и примеч. В.И. Абаева // Памятники аланского языка и письма. М.: Наука, 2016. С. 161–189).

59. *Nickel H.* Der mittelalterliche Peiterschild des Abendlandes Inaugural Dissertation. Berlin, 1958.

60. *Nickel H.* Wer waren Konig Artus` Ritter? Über die geschichtliche Grundlage der Artussagen. Zeitschrift der historischen Waffen- und Kostümkunde. 1975. 1:1 – 18.

61. *Nickel H.* About Arms and Armor in the Age of Arthur. Avalon to Camelot. 1983. 1/1:19–21.

62. *Obayashi T.* The structure of the Pantheon and the Concept of Sin in Ancient Japan. 1961.

63. *Reid Howard.* Artur the Dragon King. The Barbaric Roots of Britain`s Greatest Legend (Переводы: *Рид Г.* Артур-король драконов: Варварские корни величайшей легенды Британии / Пер. с англ. А.А. Бзаровой и др. Владикавказ: Алания, 2005. 286 с.; М.: Менеджер, 2006. 360 с.).

64. *Sulmirski T.* The Cimmerian Problem // Bulletin of the Institute of Archaeology University of London, 1959. 2.

65. *Sulimirsky T.* Sarmatians. New York – Washington, 1970 (Перевод: *Сулимирский Т.* Сарматы. Древний народ юга России / Пер. с англ. Т.В. Китаиной. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 191 с.).

66. *Thordarson F.* Рецензия на книгу: Zgusta Ladislav: The Old Ossetic Inscription from the River Zelenčuk // Kratylos, 1988. 33. Wiesbaden. S. 91–95 (Перевод: *Тордарсон Ф.* Рецензия на книгу: Zgusta Ladislav. The Old Ossetic Inscription from the River Zelenčuk. Wien, 1987 / Пер. с нем. З.А. Мардановой // Памятники аланского языка и письма. М.: Наука, 2016. С. 83–88).

67. *Thordarson F.* Ossetic // CI 456–479. 1989.

68. *Thordarson F.* Gallia Alanica // Studia Iranica et Alanica. Rome, 1998.

69. *Thordarson F.* Notes on the Religious Vocabulary of the Alans //Annual of Medieval Studies at Ceu 6, 2000. P. 213–224.

70. *Thordarson F.* Prevers in Ossetic // NARTAMONGA. Журнал Алано-Осетинских исследований: эпос, мифология, язык, история. Vol. VIII. № 1, 2. Владикавказ – Париж: Проект-Пресс, 2011. С. 219–228.

71. *Thordarson F.* Linguistic Contacts between the Ossetes and tne Kartvelians // NARTAMONGA. Журнал Алано-Осетинских исследований: эпос, мифология, язык, история. Vol. VIII. № 1, 2. Владикавказ – Париж: Проект-Пресс, 2011. С. 229–235.

72. *Vielle Christophe.* Le mytho-cycle hèronque dans l´aire indo-europèenne (correspondances et transformations hellèno-aryennes). Louvain-La-Neuve, 1996 (Перевод: *Вьель К.* Осетино-арийский героический мифоцикл / Пер. с фр. Т.Т. Камболова // Эпос и мифология осетин, и мировая культура. Владикавказ: Ир, 2003. С. 160–191).

73. *Yoshida A.* Japanese Mifhology and the Indo-European Trifunctional Sistem; Mythes japonais et iléologie tripartite des Indo-Européens. Diogène 98, 1977.

74. *Yoshida A.* Cahiers pour un temps / Georges Dumèzil. 3-e vol. Paris: Centre G. Pompidou et Pandora, 1981. P. 319–324 (Перевод: *Йосида А.* Ж. Дюмезиль и сравнительное изучение японских мифов / Пер. с фр. Т.Т. Камболова // Эпос и мифология осетин и мировая культура. Владикавказ: Ир, 2003. С. 143–148).

75. *Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen. Schwarzmeerküste. Praha, 1955. S. 245–266.

76. *Zgusta L.* The old Ossetic inscription from the river Zelenčuk. Verlag der Österreichische Akademie der Wissenschaften. Wien, 1987 (Перевод: *Згуста Л.* Древнеосетинская Зеленчукская надпись / Пер. с англ. Т.К. Салбиева // Памятники аланского языка и письма. М.: Наука, 2016. С. 17–82).

Э.В. Казиев

ДЖОН ФРЕДЕРИК БЭДДЛИ: ЖИЗНЬ НА РУБЕЖЕ ЭПОХ И ДВУХ ИМПЕРИЙ

Аннотация. В статье представлены отдельные факты биографии известного путешественника и исследователя России конца XIX – начала XX вв. Д.Ф. Бэддли, оказавшие влияние на его жизненный путь и род занятий. На основе сведений, приводимых в его собственных книгах, рассмотрены некоторые аспекты его журналистской, исследовательской и предпринимательской деятельности, определившие специфику его профессиональных интересов и содержание его научных трудов. Делается вывод о важности его трудов для изучения разнообразных процессов, составивших российскую историю в период Нового времени.

Ключевые слова: Россия, Великобритания, Афганский кризис 1885 года, Кавказ, бандитизм, английская историография.

E.V. Kaziev

JOHN FREDERICK BADDELEY: LIFE AT THE TURN OF THE AGES AND BETWEEN TWO EMPYRES

Abstract. The article presents certain facts about biography of a famous traveler and explorer of Russia of the XIX – XXth centuries turn J.F. Baddley that influenced on his course of life and on line of his work. Some aspects of his journalistic, researching and business activities that defined specificity of his professional interests and content of his scientific works are considered on the basis of information that is provided in his own books. The conclusion about importance of his works for studying various processes that formed Russian history during the the late modern period is drawn.

Key words: Russia, Great Britain, Afghan crisis of 1885, Caucasia, brigandage, English historiography.

Д.Ф. Бэддли известен у себя на родине в Великобритании как один из корифеев в области исследования российской новой истории. С конца XIX по первые годы XX века, проживая в России, он совмещал деятельность журналиста и занятия бизнесом со сбором сведений по различным аспектам русской новой истории в архивных и открытых источниках. Последующая систематизация и публикация этих сведений позволила Д. Бэддли стать автором трудов, считающихся в английской историографической традиции одними из основополагающих при исследовании исторических, социальных, экономических и политических процессов, происходивших в России на рубеже XIX – XX вв. и ранее. Представляется актуальным познакомиться с отдельными фактами биографии этого человека, определившими его увлечение Россией, а также с некоторыми аспектами его исследовательской и журналистской работы.

Впервые Д. Бэддли оказался в России в феврале 1879 года в возрасте 25 лет, отправившись туда в «двухнедельную поездку» вместе с графом П.А. Шуваловым, занимавшим в то время должность российского посла в Великобритании. П.А. Шувалов часто бывал в доме матери Д. Бэддли, которая очень любила русских и принимала многих из них в своем лондонском доме. Граф привез молодого человека в Санкт-Петербург и, благодаря своим обширным связям, ввел его в круг российской элиты. «Двухнедельная поездка» затянулась на семь месяцев. После Санкт-Петербурга Джон некоторое время жил в Москве и Подмосковье, где начал изучать русский язык. Затем, чтобы попрактиковаться в разговорной речи, он отправился в поездку по России: побывал в Самаре, Царицыне, на Дону, в Крыму и Екатеринодаре [16, p. 15–21]. Пребывание в последнем из перечисленных городов Д. Бэддли впоследствии охарактеризовал как свое «знакомство с Кавказом» [17, p. 1]. Обратно в Англию он вернулся в октябре 1879 года, добираясь туда через Рим, Венецию и Триест [16, p. 21; 7, с. 16, 18].

Обширные связи, которыми Д. Бэддли начал обзаводиться в Санкт-Петербурге и Москве, вскоре ему очень пригодились. Все тот же граф П.А. Шувалов рекомендовал его в лондонскую газету *Стандарт* на должность корреспондента в Санкт-Петербурге, где он проработал с декабря 1879 по 1889 год [16, p. 24; 7, с. 15].

Пребывание Д. Бэддли на этой должности совпало по времени с началом серьезного кризиса в российско-британских отношениях. Этот кризис начался по окончании русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и едва не закончился конфликтом между

двумя державами, спровоцировав пересмотр их внешнеполитических устремлений в отношении Афганистана, который прежде рассматривался и Великобританией и Россией как «нейтральная полоса» [12, с. 336]. Эта третья фаза т.н. Большой игры растянулась более чем на десятилетие и привела «Россию и Британию на грань открытого вооруженного конфликта», который едва не начался после известного инцидента в Пенджехском оазисе, случившегося во время демаркации российско-афганской границы в марте 1885 года [13, с. 9].

В дни этого дипломатического кризиса Д. Бэддли находился в Санкт-Петербурге, отправляя в редакцию своей газеты массу информации, которую *Стандарт* печатала неохотно или не печатала вовсе, поскольку предоставляемые им сведения зачастую оказывались в противоречии с позицией официального Лондона по поводу происходящего [22, p. viii].

Введенный в высший круг российской политической жизни графом П.А. Шуваловым, Д. Бэддли, с его знанием русского языка и возможностью получать информацию непосредственно у представителей российской политической элиты, способствовал значительному росту авторитета своего издания, а также представлял известную значимость и для британского посольства в Санкт-Петербурге, поскольку, благодаря своим связям при российском дворе и близким личным отношениям с представителями британского дипломатического корпуса в России, он способствовал разрядке напряжения и диалогу между представителями двух империй [9, с. 54, 55].

Так, во время самой острой фазы Афганского кризиса, т.е. на следующий день после атаки российских войск на позиции афганцев [11, с. 145], случившейся 30 марта 1885 г., Д. Бэддли имел беседу с английским посланником Э. Торнтоном, в ходе которой последний откровенно признался ему в том, что «война неизбежна» [6, с. 42, 43]. Кроме того, Д. Бэддли верно указал причины этого кризиса, состоявшие, по его мнению, в наличии неопределенности в договоренностях между российским канцлером князем А. Горчаковым и статс-секретарем Великобритании графом Дж. Гренвилем по поводу установления российско-афганской границы, которые следовали из их переписки октября 1872 – января 1873 гг. [16, p. 209; 1, с. 83; 9, с. 52].

Впрочем, таланты Д. Бэддли не ограничивались умением заводить знакомства в российском светском обществе и умением их использовать в своей журналистской работе. Он был, без преувеличения, выдающимся исследователем, любившим Россию и снабдившим английскую науку огромным количеством сведений по истории России, собранным им в ее различных местах. Его работа *Russia, Mongolia and China*, опубликованная в 1919 г. тиражом в 250 экземпляров [15], была расценена как столь исключительная, что Королевское географическое общество наградило ее автора Медалью Виктории [7, с. 18]. Как заметил Ч. Райт, Д. Бэддли, «берясь за исследование России и Монголии, отправился в Россию изучать ее архивы с целью представить Западу историю российского Drang Nach Osten со множеством до того времени неизвестных деталей, повествующих о путешествиях и приключениях разного рода посланников, торговцев, представителей и прочих людей. Многое из тех сведений по истории различных народов, географии и этнографии, которыми Д. Бэддли пополнил западноевропейскую науку, ранее было ей неизвестно» [22, p. ix].

Первым же опытом большого научного исследования для Д. Бэддли стала работа *The Russian conquest of the Caucasus*, изданная в 1908 г. и явившаяся, как отмечал тот же Ч. Райт, «несмотря на представленный в ней незначительный общий научный анализ событий, полным и подробным описанием того периода в истории России, который сыграл значительную роль в процессе ее экспансии на Ближний Восток» [Там же, p. x]. Сам автор рассматривал свой труд как первую обобщающую англоязычную работу по истории «военного противостояния между Россией и горскими племенами». Среди работ английских авторов по этой тематике Д. Бэддли упоминает лишь две, представляющие, по его мнению, лишь «незначительный интерес» [14, p. viii]. Это работы журналиста газеты *Morning Chronicle* Д.А. Лонгворта (Алсид-бея) [20] и торговца Д.С. Белла [18], в которых авторы повествуют о своей жизни среди черкесов. В отечественной литературе оба эти человека считаются английскими эмиссарами на Западном Кавказе, прибывшими в Черкесию на злополучной шхуне *Виксен* в 1836 г. [3, с. 70, 80; 10, с. 68].

Следует заметить, что спустя более сотни лет после выхода этой книги Д. Бэддли ее научная ценность, по утверждениям современных англоязычных историков, остается очень высокой. Так, американский ученый Ч. Кинг в своем исследовании, посвященном истории взаимоотношений России и Кавказа, охватывающем период со времени завоевания первой Астраханского ханства в 1556 г. и до «революции роз» в Грузии в 2003 г., рассматривает данный труд Д. Бэддли как первый и вплоть до нашего времени главный свод источников по истории российской экспансии на Кавказ [19, p. 270]. Знание русского языка позволило Д. Бэддли привлечь к исследованию данной проблемы обширный фактический материал, представленный *Актами, собранными Кавказской археографической комиссией* и двадцатитомным *Кавказским сборником*, а также трудами его русскоязычных предшественников, многие из которых были непосредственными участниками Кавказской войны. Перечисляя эти работы, Д. Бэддли отмечает, что даже в русской научной традиции в то время отсутствовал обобщающий труд по истории продвижения Российской империи на Кавказ, исключая четырехтомник генерала В.Я. Потто *Кавказская война*, находившийся ко времени издания его собственной книги еще в процессе публикации на стадии «завершения описания Турецкой кампании 1829 г.» [14, p. v, vi].

Следует сказать, что эта работа, недавно переведенная на русский язык [2], имеет в своей основе устаревшую методику и дискуссионную концептуальную базу, что справедливо отмечалось исследователями. Так, М.М. Блиев указывал на то, что Д. Бэддли рассматривал Кавказскую войну как войну за национальную независимость горцев, выросшую из набеговой практики, единственной целью которой был захват добычи [4, с. 815, 822]. Что касается методики, то ее сущность раскрывает сам Д. Бэддли: «…описание российского завоевания Кавказа… написано тем, кто отрицает за собой какое-либо экспертное знание военного дела и оставляет чисто военные выкладки на рассмотрение тех, кто имеет лучшую квалификацию для решения подобных вопросов. В таком ключе весь ход повествования… претендует только на то, чтобы быть правдивым изложением фактов в том виде, в котором я смог их установить, и свободных от всякой предвзятости» [14, p. vi].

Однако нельзя не отметить, что оценки последствий глобальных исторических событий, происходивших в кавказско-черноморском регионе, таких, например, как Крымская (Восточная) война, были у Д. Бэддли в известной мере объективны [14, p. 447], несмотря на его увлеченность кавказской экзотикой, явные симпатии горцам, а также пристрастное и противоречивое отношение к политике России на Кавказе, которую он мог рассматривать как «несомненное благо для цивилизации и гуманизма» [14, p. 450], что отмечалось в отечественной историографии [5, с. 34], или мог называть «ярмом» [14, p. 161].

Подобная противоречивость в оценках едва ли была бы возможна, не будь Д. Бэддли сам очень близко и непосредственно знаком с реалиями жизни на Кавказе в последние годы XIX – первые годы XX вв., т.е. в то время, когда с момента окончания Кавказской войны прошло всего три десятилетия. Собственно увлеченность тематикой противостояния Российской империи и кавказских племен появилась, как пишет об этом сам Д. Бэддли, во время поездок по этому краю, когда он, «изъездив Кавказ вдоль и поперек без какого-либо сопровождения, оберегаемый только одними туземцами, живя вместе с ними, пользуясь их гостеприимством, изучая их образ жизни и нрав, следуя, насколько возможно, их обычаям, отмечая их суеверия и предрассудки, записывая их песни и легенды… стал интересоваться также всем тем, что было связано с противостоянием с Россией, в котором их отцы или они сами, почти все без исключения, принимали участие» [14, p. 5].

Книга, в которой Д. Бэддли описал свои впечатления от частых и продолжительных поездок на Кавказ, стала последним из того, что он написал, но сведения, представленные в ней и оказавшие большое влияние на мировоззрение одного из выдающихся деятелей английской исторической науки первой половины XX в., были собраны задолго до ее выхода в свет в 1940 г. Это двухтомное издание *The rugged flanks of Caucasus*, в основу которого легли дневниковые записи автора в период его поездок по Кавказу на рубеже XIX–XX вв. Спустя сорок лет Д. Бэддли ввернулся к собранному им материалу, чтобы представить его в завершенном и систематизированном виде. Эту работу он успел закончить, но до издания самой книги уже не дожил, скончавшись 16 февраля 1940 г.

Частые и продолжительные поездки Д. Бэддли по Кавказу, как следует из его опубликованного труда, приходятся на период 1898–1902 гг., а география этих поездок включала в себя его центральные (Балкария, Осетия, Ингушетия), восточные (Чечня, Дагестан) и южные (Рача, Хевсуретия) регионы [17]. Очевидно, что Западный Кавказ интересовал его в меньшей степени. Причины этого, на наш взгляд, вытекают из его представлений о значимости этого региона в Кавказской войне. Западный Кавказ, по мнению Д. Бэддли, в отсутствие «единства между … племенами» и сильного лидера среди них, не имел для России того значения в военном противостоянии, которые имели для нее Чечня и Дагестан. Сражения там были «бессвязными по своей природе», а событийная канва ни коим образом не могла быть соотнесена с тем, что «фактически было войной за независимость…» [14, p. viii].

Впрочем, была еще одна причина, определявшая географию кавказских поездок Д. Бэддли. В 1897 г. на Кавказе начался «нефтяной бум», а Западный Кавказ не мог сравниться по запасам нефти с Баку, Дербентом, а

также Грозным и его окрестностями, представлявшими для английских компаний особый интерес. Летом 1898 г. Д. Бэддли присоединился к небольшому синдикату своих петербургских друзей, «желавших, как и многие тогда, на этом заработать». По их коммерческим делам он и совершил множество своих поездок на Кавказ, «выясняя возможности для получения участков и патентов на разработки в его различных районах». И хотя нехватка удачи и стесненность в оборотных средствах «делали не очевидным финансовый успех данного предприятия», оно было ему «по душе», поскольку в его «распоряжении всегда было достаточно вынужденного досуга, обусловленного постоянными проволочками, сопровождавшими переговоры, проводимые между Баку, Санкт-Петербургом и Лондоном», и у него, «благодаря этим ‘нефтяным делам’, появилась возможность объехать большую часть Кавказа, посетив племена туземцев в их самых укромных горных местах» [17, p. 7, 12, 15, 54].

Многие из этих путешествий начинались и заканчивались во Владикавказе в силу его выгодного географического положения, открывавшего доступ в восточные части Северного Кавказа, близостью к «Грузинской дороге», а также наличием там «относительной цивилизации с обустроенными почтовыми станциями… и железной дорогой» [17, p. 109].

Во время первого из этих путешествий, состоявшегося осенью 1898 г., Д. Бэддли познакомился с осетином Урусби Фидаровым, которого подрядил для его сопровождения в этих поездках другой англичанин, прежде уже имевший с Урусби дела подобного рода. Этот «джентльмен гор», как называет его Д. Бэддли, был сельским старшиной, проживавшим в с. Саниба (ныне – с. Горная Саниба) [17, p. 7, 16–17]. В литературе его верно называют «знаменитым проводником», но почему-то ошибочно именуют «балкарским князем Урусбиевым» [21, p. 183]. Урусби, впоследствии сопровождавший Д. Бэддли почти во всех его поездках по Кавказу, «бегло говорил по-русски и имел поверхностное, но полезное знание грузинского языка». Кроме того, у него повсюду имелись друзья, являвшиеся «представителями всех местных социальных рангов» [17, p. 15, 28]. Наличие провожатого, входящего в число уважаемых и влиятельных местных жителей, было важным, если не сказать главным, условием безопасных поездок иноземцев по Кавказу, учитывая крайнюю степень разгула бандитизма в регионе того времени [17, p. 10; 8, с. 32].

Одним из самых влиятельных и уважаемых людей, с которыми Д. Бэддли имел личную встречу, был ингушский (орстхойский) суфийский шейх Батал-Хаджи Белхароев. Факт этой встречи уже упоминался в литературе [21, p. 183], а ее описание, приводимое в воспоминаниях английского путешественника, является одним из немногих непосредственных свидетельств о личности и нраве этого известного религиозного деятеля. Впечатления Д. Бэддли от этой встречи, а также располагаемые им сведения о братстве батал-хаджинцев представлены нами в статье, в настоящее время находящейся в процессе публикации.

Ознакомившись с фактами биографии Д. Бэддли, определившими его увлечение Россией, а также с некоторыми аспектами его исследовательской и журналистской работы, можно утверждать, что определяющим фактором при выборе профессиональных и научных интересов для него стало знакомство с российским послом в Лондоне графом П.А. Шуваловым. Первая его поездка в Россию оказалась

ценным личным опытом, определившим интересы его дальнейшей исследовательской работы, результаты которой, представленные в том числе и упомянутыми монографиями, являются до настоящего времени востребованными западной наукой при изучении новой истории России.

Источники и литература

1. Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872–1885 гг. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1886. 381 с.

2. *Баддели Д.* Завоевание Кавказа Русскими. 1720–1860 / пер. с англ. М.: Центрополиграф, 2011. 490 с.

3. *Басиева З.М.* Черкесия в системе международных отношений. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2013. 218 с.

4. *Блиев М.М.* Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. 877 с.

5. *Дегоев В.В.* Кавказ в системе международных отношений 30–60-х гг. XIX в. Орджоникидзе: Изд-во СОГУ, 1988. 74 с.

6. *Казем-Заде Ф.* Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии / пер. с англ. Е.А. Верховской и Н.И. Лисовой. М.: Центрполиграф, 2004. 544 с.

7. *Казиев Э.В.* Джон Фредерик Бэддли – исследователь России // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. 2014. № 2. С. 15–19.

8. *Казиев Э.В.* Д.Ф. Бэддли о разбое и бандитизме на Северном Кавказе // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. 2015. № 2. С. 32–36.

9. *Казиев Э.В.* Афганский кризис 1885 г.: эпизод Большой игры по воспоминаниям Д.Ф. Бэддли // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. 2016. № 3. С. 52–56.

10. *Касабова Э.Э.* Освещение Кавказской войны в английской прессе и мемуарных источниках 1830–1850 годов // Вестник Адыгейского университета. Серия 2: филология и искусствоведение. 2010. № 3. С. 66–69.

11. Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002: в III т. / под ред. И.С. Иванова. М.: Олма-Пресс, 2002. Т. 3. 432 с.

12. *Покровский М.Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М.: Красная новь, 1923. 392 с.

13. *Сергеев Е.Ю.* «Большая игра» в российско-британских отношениях второй половины XIX – начала XX века: новый взгляд // Российская история. 2011. № 5. С. 3–15.

14. *Baddely J.F.* The Russian conquest of the Caucasus. London: Longman, Green and Co., 1908. ix. 518 p.

15. *Baddeley J.F.* Russia, Mongolia, China. II vol. in-fol. London: Macmillan, 1919. V. I. 368 p. V. II. 448 p.

16. *Baddeley J.F.* Russia in the “eighties”: sport and politics. London: Longman, Green and Co., 1921. xiv. 485 p.

17. *Baddeley J.F.* The rugged flanks of Caucasus. In II vol. Oxford University Press, London: H. Milford, 1940. Vol. I. xiv. 272 p.

18. *Bell J.S.* A. Journal of a Residence in Circassia during the year 1837, 1838 and 1839. In II vol. London: E. Moxon, 1840. V. I. 453 p. V. II. 488 p.

19. *King C.* The ghost of freedom. A History of the Caucasus. Oxford: University Press, 2008. 320 p.

20. *Longworth J.A.* A Year among the Circassians. In II vol. London: H. Colburn, 1840. V. I. 330 p. V. II. 365 p.

21. *Meskhidze J.* Shaykh Batal Hajji from Surkhokhi: towards the history of Islam in Ingushetia // Central Asian Survey. Vol. 25 (1–2). 2006. P. 179–191.

22. *Wright Ch.H.* Memoir // Baddely D.F. The rugged flanks of Caucasus. In II vol. Oxford University Press, London: H. Milford, 1940. Vol. I. xiv. 272 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АбИГИ – Абхазский иститут гуманитарных исследований

АГПИ – Армавирский государственный педагогический институт

АДСВ – Античная древность и средние века

АО – Археологические открытия

ВВ – Византийский временник

ГИМ – Государственный исторический музей

ГМИНВ – Государственный музей искусства народов Востока

ГЭ – Государственный Эрмитаж

ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.

ИТОИАЭ – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии

КБИГИ – Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований

КГИАМЗ – Краснодарский государственный историко-археологический музей заповедник им. Е.Д. Фелицына

КГУКИ – Краснодарский государственный университет культуры и искусств

МГУ – Московский государственный университет

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МИАР – Материалы и исследования по археологии России

НЭ – Нумизматика и эпиграфика

ПГЛУ – Пятигорский государственный лингвистический университет

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РА – Российская археология

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СГУ – Ставропольский государственный университет

СОГУ – Северо-Осетинский государственный университет

СОИГСИ – Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований

ТАМ – Таманский археологический музей

ЦАИ – Центр археологических исследований

BSOAS – Bulletin of the School of Oriental and African Studies. L.

REB – Revue des Études Byzantines

ZDML – Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Волков Игорь Викторович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра археологического наследия ФГБ НИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва» (г. Москва)

Волкова Евгения Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ЧОУ ВО «Южный институт менеджмента» (г. Краснодар)

Джопуа Аркадий Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии АбИГИ им. Д.И. Гулиа, директор Абхазского государственного музея (г. Сухум, Республика Абхазия)

Казиев Эдуард Викторович – научный сотрудник ГБУ «Институт истории и археологии РСО – Алания» (г. Владикавказ, Республика Северная Осетия – Алания)

Колпакова Алиса Вадимовна – старший научный сотрудник отдела археологии Новороссийского исторического музея-заповедника (г. Новороссийск)

Малахов Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории ГБУ «Институт истории и археологии РСО – Алания» (г. Владикавказ, Республика Северная Осетия – Алания), доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет (г. Армавир)

Могаричев Юрий Миронович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и гуманитарного образования Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования. (г. Симферополь, Республика Крым)

Новичихин Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, заместитель по научной работе заведующего Анапским археологическим музеем (г. Анапа)

Нюшков Валентин Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Абхазского государственного музея (г. Сухум, Республика Абхазия)

Парусимов Игорь Николаевич – научный сотрудник ООО «Археологическое научно-исследовательское бюро» (г. Ростов-на-Дону)

Прокопенко Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры социальной философии и этнологии ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (г. Ставрополь)

Пьянков Алексей Васильевич – ведущий научный сотрудник ООО «Западно-Кавказская Археологическая экспедиция (г. Краснодар)

Сланов Алан Акимович – доктор исторических наук, заведующий отделом археологии ГБУ «Институт истории и археологии РСО – Алания» (г. Владикавказ, Республика Северная Осетия – Алания)

Тиханов Александр Аркадьевич – краевед (ст. Ивановская Краснодарского края)

Федоренко Наталья Валентиновна – старший научный сотрудник отдела археологии Новороссийского исторического музея-заповедника (г. Новороссийск)

Чшиев Владимир Таймуразович – старший научный сотрудник ГБУ «Институт истории и археологии РСО – Алания» (г. Владикавказ, Республика Северная Осетия – Алания)

Шишлов Александр Владимирович – заведующий отделом археологии Новороссийского исторического музея-заповедника (г. Новороссийск)

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Волкова Е.А. Археолог Алексей Васильевич Пьянков: материалы к биобиблиографии 5

Прокопенко Ю.А. Звериный стиль в декоративно-прикладном искусстве носителей культуры склеповых захоронений Центрального Предкавказья III–I вв. до н.э. 24

Чшиев В.Т. Контакты населения Кавказа, Передней Азии и Северного Причерноморья в эпоху поздней бронзы – раннего железа (По материалам памятников кобанской археологической культуры на территории РСО – Алания) 37

Джопуа А.И., Нюшков В.А. Межэтнические связи населения краснодарского побережья Черного моря и Абхазии (По материалам новых археологических находок) 51

Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В. Особенности погребального обряда племен прибрежной зоны Северо-Западного Кавказа в XII–XIII вв. (По материалам курганного могильника «Кедровая Роща») 59

Новичихин А.М. Номисма Никифора III Вотаниата из собрания Анапского археологического музея 69

Пьянков, А.В., Тиханов А.А. Три свинцовые иконки из новых поступлений в фонды Краснодарского музея-заповедника 76

Волков И.В., Тиханов А.А. Шакран и Шакрак с недоказуемой связью 83

Малахов С.Н. Аланская митрополия и аланы в письменных источниках конца 1390-х – 1470-х гг. 89

Парусимов И.Н. Необычная денга времени Ивана Грозного 100

Волков И.В. Надгробия османского времени из Таманского археологического музея 104

Могаричев Ю.М. Городище Тепе-Кермен в описании А.С. Уварова 110

Сланов А.А. Основные направления развития алановедения 118

Казиев Э.В. Джон Фредерик Бэддли: жизнь на рубеже эпох и двух империй 124

Список сокращений 131

Сведения об авторах 132

ΛΕΠΤΟΝ

Сборник научных статей
в честь археолога

АЛЕКСЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ПЬЯНКОВА

Редактор-составитель С.Н. Малахов

Издательско-полиграфическое предприятие:
ИП Шурыгин Виталий Евгеньевич
г. Армавир, ул. Каспарова, 7.
Тел.: (86137) 7-56-96, (928) 2954-928.

Подписано в печать: 05.02.2018 г. Формат 60х90/8.
Гарнитура Times. Бумага офсетная. Тираж 250 экз.
Печать трафаретная цифровая. Усл.печ.л. 17,0. Уч.изд.л. 16,3.